

О переводе

Перевод выполнен командой форума «Долина Теней» (shadowdale.ru), посвящённого переводам художественной и игровой литературы по сеттингу Dungeons & Dragons “**Forgotten Realms**”. Перевод выполнен исключительно с целью углубленного изучения английского языка.

Команда переводчиков:

Пролог - Уэс Николсон - **Verhanna**

1. Желаю тебе много большего - Дэвид Кук - **RoK**

2. Тайны крови, души моря - Элейн Каннингем - **Алекс**

3. Надвигается хлебная буря - Том Дюпри - **RoK**

4. Когда и небесные города рушатся - Дж. Роберт Кинг - **Redrick**

5. Грот Мечтаний - Марк Энтони - **RoK**

6. Прищуренный взгляд - Монте Кук - **RoK**

7. Шепчущая корона - Эд Гринвуд - **RoK**

8. Леди и Тень - Филипп Этанс - **RoK**

9. Тени прошлого - Брайна Томсен - **RoK**

10. Терциус и Артефакт - Джефф Грабб - **Rogi**

Эпилог - Уэс Николсон - **RoK**

Редакторы: **Фаер, Дариэль, nikola26**

Русская обложка: **nikola26**

Вёрстка и форматирование: **nikola26**

Обо всех замеченных неточностях или ошибках просьба сообщать переводчику в ЛС через форум «Долина Теней». Если Вам понравился перевод, просто зарегистрируйтесь и скажите «спасибо» - этого будет достаточно. ;-)

В Кэндлките содержится одна из лучших библиотек в Королевствах, где немногие избранные могут проводить свои исследования. Но что насчет тайных материалов? Книг и свитков, давно забытых или спрятанных от внимательных глаз читателей? Книг, в которых идет речь о вещах, что могут быть описаны только как тайные.

«КОРОЛЕВСТВА ТАЙН»

под редакцией Брайана Томсена

ПРОЛОГ

По большей части, Уэсу нравилось жить в Кэндлките. Он проходил годовой испытательный срок, прежде чем стать послушником, и потому был самым юным из обитателей крепости. Он и его товарищи-стажёры были приставлены к работе, которую не желал выполнять никто другой.

Уэс не жаловался. Если он выдержит этот год, то всё наладится.

Худощавый, около пяти с половиной футов ростом, простоватый на вид, как и большинство восемнадцатилетних, Уэс был долговяз и нескладен. Его глаза были глубокими и блестящими, но само лицо им не соответствовало, а волосы и каштановым оттенком, и спутанностью напоминали швабру.

Сейчас юноша орудовал метлой, неторопливо подметая пол общего зала. Он вздохнул, удовлетворённый работой... и своими мечтами.

Беспокоило Уэса всего две вещи. Первой из них была тень словно нависшая над библиотекой несколькими неделями ранее. Даже камни, из которых была сложена крепость, казались угрюмыми. Монахи нервничали; происходило что-то неладное. И юноша молился всем богам, чтоб всё скорей пришло в норму.

Второй раздражающий, кажущийся неоправданно мрачным даже сейчас, как раз топал к подметальщику.

Брат Фредерик – персональное проклятие Уэса.

Юноша прервал уборку. Его плечи дрожали от страха перед тем, что должно было произойти.

Сапоги Брата Фредерика прошлись по куче мусора, что успел наместить Уэс, разметаив пыль. Замерев менее чем в футе от юноши, старый монах окинул его суровым взглядом.

– От тебя никакого толку, мальчишка! Уборка после завтрака заняла слишком много времени – снова. Ты ленив и некомпетентен. Не понимаю, почему Настоятель ещё не вышвырнул тебя прочь. Такой неряха как ты обязан пожинать плоды своей лени. Хочешь стать послушником? Не бывать этому! Менее вероятного кандидата не было уже около двух веков, со времён Джеффри. А его судьба тебе известна! А теперь продолжай уборку, пока я не найду для тебя более подходящее занятие – опорожнение выгребной ямы, к примеру!

Брат Фредерик с шумом удалился, оставив Уэса наедине с его мыслями:

«Я не ленивый, просто немного медлительный. И однажды покажу Брату Фредерику и остальным чего стою».

...А его судьба тебе известна!

Историю бедняги Джеффри пересказывали бессчётное количество раз, чтобы напугать Уэса и остальных стажёров. Парень тоже был кандидатом в послушники, но таким некомпетентным, что, заблудившись однажды в библиотеке, так и не сумел отыскать выход. И его останки так и не были обнаружены. Джеффри заблудился... или же был схвачен кем-то – или чем-то.

Библиотека действительно больше походила на лабиринт – лабиринт с приведениями.

Сами собой ноги Уэса понесли его из общего зала через арочный дверной проём, ведущий к библиотеке. Его руки осторожно прислонили метлу к стене коридора.

Ах, библиотека...

Мысли Уэса были прерваны вежливым покашливанием.

Обернувшись, юноша увидел стоящего за его спиной Настоятеля. Это был высокий, худой мужчина с прядями седых волос, ниспадавшими из-под капюшона.

– Стажёр Уэс, не мог бы ты уделить мне несколько минут?

Юноша почтительно склонил голову.

– Конечно, господин. Чем могу быть полезен?

– Ну, во-первых, постарайся больше не расстраивать Брата Фредерика. Я здесь, потому как только что с ним столкнулся, и он бормотал о тебе что-то весьма нелестное.

– Да, господин. Кажется, добрый Брат всегда найдёт к чему придраться, если дело касается меня.

Настоятель чуть улыбнулся этому замечанию.

– В глубине души он печётся о твоём благополучии, Уэс. Но сейчас у меня есть к тебе более насущное дело. Читальный зал в северной части библиотеки какое-то время не использовался, а завтра пребывает несколько учёных. Я хотел бы, чтоб ты убедился, что помещение готово к использованию.

Юноша просиял.

– Да, господин. Сейчас же этим займусь. – Уэс едва не бегом кинулся в старое крыло библиотеки.

Настоятель проводил его хитрым взглядом...

По пути Уэс заскочил в кладовку и взял новую метлу и несколько тряпок для пыли. Он посмотрел на ведро и швабру в дальнем углу, но решил оставить их на месте.

Неся в руках инвентарь для уборки, юноша направился к заброшенному читальному залу. Войдя в помещение, он закашлялся от поднявшихся клубов пыли. Всюду висела паутина, и Уэс задумался, с чего лучше начать.

Участок справа от двери был ничуть не хуже любого другого. Юноша сосредоточился на уборке, стараясь не чихать и не кашлять от попадавшей в лёгкое пыли. Вскоре комната стала походить на пригодную для использования уже следующим утром.

В зал заглянул Брат Фредерик.

– Что ты здесь делаешь, мальчик? Я приказал тебе продолжать подметать общий зал. Ты это сделал?

– Э... нет, Брат... но...

– Никаких «но». Иди и делай, что я сказал. НЕМЕДЛЕННО!

Уэс замер посреди комнаты, ошеломлённо глядя на монаха.

Лицо Брата Фредерика побагровело.

– Я сказал, НЕМЕДЛЕННО! Ты оглох?

– Н-н-н-но, господин настоятель сказал, что я должен убрать в этом зале, – выпалил юноша прежде, чем старый монах успел снова его прервать.

Независимо от того, что Брат Фредерик собирался сделать, упоминание настоятеля заставило его передумать. Лицу монаха вернулся нормальный оттенок.

– Очень хорошо. Но как только закончишь здесь. Отправишься в столовую и приведёшь её в порядок.

Он удалился, не дожидаясь ответа.

Уэс вернулся к работе. Спустя почти час, он, устав, опёрся спиной на деревянную книжную полку. Стеллаж и каменная стена, у которой он стояла, чуть сдвинулись назад под весом юноши.

Уэс тут же отскочил.

Сгорая от любопытства, он внимательно осмотрел полки, а затем перевёл взгляд на прямые щели в каменной кладке позади стеллажа. Тайный ход, ведущий... куда?

– Ну, – вслух размышлял юноша, – мне всё равно нужно отдохнуть от уборки. Я только гляну, что за дверью, и тот час вернусь.

Он прикрыл дверь в читальный зал, а затем вернулся к стеллажу и навалился на него всем весом. Полка поддавалась неохотно, как если бы дверь за ней не использовали в течение долгого времени, но Уэс сумел отодвинуть её достаточно, чтоб протиснуться в образовавшуюся щель. За стеллажом оказалась небольшая

комнатушка, уставленная полками, которые были забиты книгами, свитками и грудami разрозненных листов.

Уэс постарался быть максимально осторожным, чтоб не потревожить их.

Лучи света из читального зала освещали небольшой столик и дубовый стул, располагавшиеся в центре комнаты. К тому же комнату озаряло мягкое сияние, своего рода магическое освещение.

Тотчас забыв про порученную ему уборку, юноша радостно огляделся, набираясь храбрости взять в руки и прочесть какой-нибудь манускрипт...

ЖЕЛАЮ ТЕБЕ МНОГО БОЛЬШЕГО

Дэвид Кук

Отправлено из порта Лутчек, Чессенский залив.

Приветствую, Великий Призыватель Торреб, и с днём рождения!

Не могу поверить, как сложилась судьба! Кто бы мог подумать, что я услышу о тебе, моём брате-сокурснике, прямо в день твоего рождения! Это я, Фаннол Пэвиш, из Академии. Когда ты был 1ым посвящённым, я был 2ым. Это было так давно, к тому же после последовавшей несправедливости мы ни разу не общались. Я даже боюсь, что ты позабыл обо мне. Лично я, человек крайне занятой, с трудом нахожу время посмаковать воспоминания о тех днях. Уверен, что и ты, всегда такой энергичный и амбициозный, тоже едва ли проводишь дни в пустой ностальгии, особенно учитывая ту неприятность.

Помню, ты всегда раздражался, когда мы изучали теорию, и всегда жаждал сделать что-нибудь своими силами. А вспомни, это ведь на меня пролили то вонючее зелье, которое получил Чоуварт, пытаясь создать пресную воду, на Алхимиологии. Я точно знаю, ты помнишь пухлого малыша Чоуварта.

Но я не объяснил, при помощи каких тонких манипуляций мне стало известно о твоём местонахождении. Сама Судьба (да будут благословенны боги) открыла мне твоё имя и место жительства. Я вот только прибыл в Лутчек – на своём пути в Корск, что у границы; если что, шли ответ туда – и тут мне в голову взбрела идея заглянуть к Тимрику, который заведует здесь своей почтовой службой. (Это гном из Академии, рангом пониже, обучавшийся на изобретателя, помнишь?) Он поделился новостями о том, как ты сразил какого-то дракона, терроризировавшего горные фермы, вроде? Только богам известно, откуда он узнал твоё имя, но, судя по тому, что он рассказал, твоё приключение выдалось весьма захватывающим. Ты должен написать мне и поведать обо всём. Я сгораю от нетерпения и возбуждения. Но неважно, в общем, он дал название той таверны, в которой ты остановился, так что я воспользовался возможностью послать тебе весточку.

Только представь, ты – и убийца дракона! В сравнении с этим моя жизнь кажется невыносимо скучной. Я направляюсь ко двору губернатора Хэмида, где стану местным магистром. После того, как ты покинул Академию, мне пришлось нести бремя 1го посвящённого, и тогда я понял, почему ты всегда был таким трудолюбивым и серьёзным. Но я стойко преодолел все невзгоды, и умудрился выпуститься, не получив при этом жалающих комментариев от старших магистров. Этого стимула мне хватило, чтобы после Академии сдать министерский экзамен и сразу занять место Знающего, минуя остальные меньшие посты.

Понимаю, это звучит как хвастовство, но что это на самом деле значит, так это то, что меня направили на ужасающе рутинную и безопасную работу – помощником секретаря ещё одного секретаря закрытого совета Арканума. Одну половину своих дней я тратил, уткнувшись в плесневелые свитки, изучая тайные знания, а другую – объясняя то, что узнал, тупоголовым с пудингом вместо мозгов, не могущим отличить заразные выделения от похожих, но безобидных. Хвала Удаче – мои мольбы о переводе были в конце концов услышаны, иначе бы я совсем свихнулся, прямо как старый библиотекарь Академии, Аварл, и носился бы вокруг своих пыльных полок, кудахтая, словно несущка на цыплят. Но даже и так, вряд ли я буду где-то там, швыряться заклинаниями в драконов, как ты, да?

Думаю, Судьба подарила мне твои координаты и по другой причине. Я провожу кое-какое исследование, и ты можешь сильно мне с ним помочь. Копаясь в библиотеках Арканума, среди всех этих затхлых свитков я наткнулся на кусочек потрясающей информации. Помнишь тот эпос, «Дуэль Тромдарла и Гринвинтера» – тот, о котором нудел мастер Фёргонд на основах философии? Ну, я нашёл письма, которые, несомненно, принадлежат великому изобретателю Гринвинтеру лично! В них полно отсылок к тому, что, как я считаю, было его последним творением.

Ты знаешь эту историю – охваченный завистью, Гринвинтер помещает свой дух в магический скипетр божественного огня и использует артефакт, чтобы уничтожить своего соперника, Томдарла. Всё это действие заканчивается тем, что Гринвинтер со своим магическим оружием уходит прочь, и его никогда больше не видят – впрочем, это единственная подходящая концовка для такого рода сказаний.

Я уверен – если удастся сложить все кусочки воедино, то я смогу отыскать этот артефакт из легенды. Представь, какой поднимется шум, если кто-нибудь вдруг зарегистрирует такое в имперском хранилище!

К несчастью, Гринвинтер явился с гор, а вокруг Корска определённо нет ни одних. Полученные мной подсказки позволяют с уверенностью сказать, что он родом из местности, где ты сейчас обитаешь. Что меня интересует – слышал ли ты когда-нибудь о предмете под названием «змеиный рисунок»? Это важный ключ к нахождению артефакта – может быть, карта. У меня нет описания того, что этот предмет из себя представляет.

О, да, чуть не забыл. Передавай привет твоей жене, леди Мариане. Конечно же, она всё так же красива и изящна, как в то время, когда мы оба за ней ухаживали. Я всё ещё завидую (и немного раздосадован), что ты так легко её добился. Я старался изо всех сил, но все равно её руку заполучил ты. Какие чары ты на ней использовал?

Должен поинтересоваться, как вообще твои дела? Ты должен рассказать мне, чем занимался после Академии. Жизнь в пустошах, должно быть, нескончаемое приключение. Я сразу представляю все виды мучительных смертей и различные смелые выходки. Судя по тому, как мне это описал Тимрик, ты весьма уважаемая персона в своей деревне, или городе, или где там. Как ты справляешься со скукой?

Пожалуй, я скромничаю. Так как это письмо должно добраться до тебя в день твоего рождения, ты также должен получить вместе с ним посылку. Это подарок. Но я не хотел слать просто что-нибудь. Никому не нужен очередной шерстяной шарф или позолоченный футляр для волшебной палочки. Нет, вместо этого для тебя подготовлен настоящий сюрприз. Я создал его сам, и знаю, что тебе он понравится.

А пока прощай. Рад слышать, что ты преодолел все трудности прошлого, и из всей этой горечи в итоге получилось что-то по-настоящему хорошее.

Твой старый приятель по Академии,

Безупречный и Абсолютный Магистр Корска, Пэвиш.

P.S. Нравится титул? Я совсем ещё не привык к нему, потому прошу простить мне сие незначительное проявление тщеславия.

Отправлено из таверны «Камень Тина».

Приветствую, магистр Пэвиш (или я должен обращаться к тебе как Безупречный и Абсолютный Магистр Пэвиш?),

Признаюсь, я не намерен был отвечать, так что можешь поблагодарить Мариану за это письмо. Она не потерпела бы такой грубости с моей стороны.

Можешь представить себе моё удивление, когда я получил твои поздравления. Мне пришлось постараться, чтобы избежать дальнейших контактов с людьми из моей прошлой жизни, жизни в Академии, поэтому твоя записка оказалась совершенно непредвиденной. Даже не знаю, как Тимрик узнал о месте моего пребывания, хотя, должен отметить, я более, чем недоволен этим – и да, я отлично его помню. Всё с тех времён я помню отчётливо – хотя помнить не имею ни малейшего желания.

Данные Тимрика немного устарели. К тому моменту, как твоё письмо было доставлено, я уже съехал. Постоянная дорога – как необходимость, так и привычка. Лишь по воле случая я вновь заглянул в «Камень Тина». Владелец – человек честный, и хранил письмо у себя, в надежде, что я ещё вернусь.

Как обязывает ситуация - прими мои поздравления по поводу твоего назначения. Должен сказать, я рад. Ты был непреклонен в вопросе занятий политикой, не желая прикрываться именем своего почитаемого отца, и намеревался стать искателем приключений. Полагаю, теперь, когда ты заслужил своё положение собственными заслугами, политическая карьера вызывает больший интерес. Министр Пэвиш гордился бы сыном. Интересно, как же поменялись наши жизни.

Хотя, одна вещь точно не изменилась – твоя страсть к драматизму. Порошок огненных искр – очень изобретательно. Огненные искры! К сожалению, произошёл небольшой инцидент. Кухонный мальчик упросил позволить ему кинуть щепотку в

пламя очага. Вместо искр мы получили ревущий голубой огненный шар. Проклятая штукавина начисто спалила его волосы. К счастью, его ожоги оказались не такими уж сильными, а меня мой стиль жизни научил хорошо уклоняться, но гостиная сильно обгорела. Я бы проверил соотношение компонентов, прежде чем делать очередную партию. Всё это стоило мне целого кошелька золота, которое я получил за дракона, так тебя интересующего.

К счастью, этот оказался старым зверем с внушительными накоплениями. Местные называли его Среброшкурый, потому что постоянно находили старые монеты на месте его убийств. Оказывается, он пролежал на своих сокровищах столько времени, что часть из них выросла в его кожу.

Как ты можешь понять по моему рассказу, возмещения ущерба я не хочу и не ожидаю. Не хочу быть у тебя в долгу. Всё же, один небольшой должок за мной остался – за то, что ты не выступил против меня, как остальные в Академии.

Возможно, в качестве погашения этого долга, я могу предложить тебе ответ на твою проблему с Гринвинтером. Думаю, я встречал этот змеиный рисунок, о котором ты спрашиваешь, хотя в то время и не знал, что это.

Я был высоко в горах, в царстве белого дракона, как их тут называют. И там я нашёл каменный уступ, свободный от снега и выступавший над ущельем. Сначала я подумал, что увидел отметины от когтей на месте отдыха дракона, но когда я подобрался поближе, узор оказался вырезанным в камне и отполированным. В ответное письмо я вложил набросок увиденного, настолько хороший, насколько хороша моя память. Картой его я бы, кстати, не назвал. И это всё, что я могу тебе сказать. Остальное тебе придётся выяснять самому.

Однако же Мариана, добрая душа, будет упрекать меня, если я не отправлю сувенир и на твой день рождения, как сделал ты в моём случае. Уж не знаю, когда он, но уверен, что за прошедшие годы несколько да было. Так что я посылаю тебе безделушку, найденную в логове Среброшкурого. Прими этот подарок, пустячок из драконьей коллекции – и желаю тебе много большего.

С уважением, волшебник Торреб.

P.S. Чары, использованные мной на Мариане, были абсолютно естественного происхождения. Заклинания я использую на других.

Безупречный и Абсолютный Магистр Пэвиш, из своей резиденции в Корске.

И вновь шлю тебе особенное приветствие, волшебник Торреб!

Меня печалит тот факт, что я задержался с ответом на твоё письмо и подарок, и не думай, что ты отделался от меня своим раздражённым тоном. Шлю свой ответ в «Камень Тина», надеясь, что он найдёт тебя. Возможно, как говорят, старые раны заживают тяжелее всего, но твой последний ответ меня не отпугнёт. Если ты подумал, что это сработает, ты слегка просчитался.

Так вот, задержка произошла только лишь из-за того, что послать почту в этой глуши оказалось труднее, чем я думал, особенно благодаря губернатору, той ещё властолюбивой заднице. Он ведь и правда думает, что однажды устроится при

имперском дворе, может, даже, поднимется до поста министра. Разумеется, в нём нет ни толики таланта или ума, и он во всём полагается на меня. Он заставляет меня сновать туда-сюда – прочитать заклинание там, совершить исследование здесь, и выполнить ещё кучу магических поручений для удовлетворения его смешных амбиций. А недавно вбил себе в голову, что если он покажет какое-нибудь изумительно сильное заклинание или магический трюк, то сразу купит себе доступ во внутренний круг, как он это называет. Конечно же, это значит, что всю работу придётся выполнять мне, в то время как он будет просто ворчать о том, как много времени она занимает.

Хуже всего то, что я, совершенно не подумав, упомянул своё связанное с Гринвинтером исследование, и теперь он убеждён, что это как раз тот инструмент, которым он сформирует свою судьбу. Его запросы стали нестерпимыми, поэтому я в отчаянии обращаюсь за помощью к тебе. Зная твоё отношение ко мне – уверяю, ты мой последний шанс.

Мы были не такими уж близкими друзьями в Академии; пожалуй, во многих аспектах мы были соперниками. Но сейчас я не вижу причин хранить на меня обиду. Вместо этого посмотри, чего ты добился благодаря мне – Мариана, статус 1ого посвящённого, даже палочка мастера – всё это ушло тебе, не ко мне. Как бы я ни старался, я не мог тебя превзойти.

Нет оснований обвинять меня в той несправедливости, что на тебя свалилась. Ты прекрасно знаешь, что когда остальные называли тебя мошенником и плагиатором, я не присоединился к ним. Столько раз пытавшись превзойти тебя – и не преуспев – я знал, что твои способности подлинные.

Я не сомневаюсь в том, что тебя подставили. Уже тогда я подозревал это, но сейчас знаю точно. Кто бы ни украл книгу заклинаний Теурга, ему пришлось пройти через многое, чтобы обвинить тебя в этом. Нет никаких сомнений в том, что преступник завидовал твоему успеху – как же, парень с задворок государства, утирающий нос отпрыскам магов самых благородных кланов империи – и может, даже, немного опасался. Неспособные состязаться с тобой честно, для твоего низвержения они прибегли к хитростям и обману.

И теперь – можешь даже найти в этом удовлетворение – я вновь молю тебя об одолжении. Твой рисунок бесценен, но остаётся ещё много вопросов без ответов. Куда указывают хвосты? Чья пасть открыта? Ты уверен в достоверности писем на границе круга? Эти детали жизненно важны, и, я уверен, ты прекрасно это понимаешь.

Признаюсь – поиск ответов оказался мне не по зубам. Может быть, это моё признание склонит тебя проявить ко мне милосердие. Если бы ты только снабдил меня полным описанием знака Гринвинтера, дальше я, несомненно, смог бы сам обнаружить устройство. Подумай только! Ты и я станем известны во всём магическом сообществе – как маги, решившие неразрешимое!

Пожалуйста, не расценивай присланный мной подарок как безвкусную попытку купить твою помощь. Как я и писал, я был очень занят – разрываясь между побегушками для этого куска губернатора и многочасовым сидением в моей скромной библиотеке, где я штудировал свитки, которые мне удалось забрать из

столицы. В результате я вновь пропустил твой день рождения. Похоже, обмениваться подарками с каждым письмом становится нашей традицией. Надеюсь, тебе понравится мой выбор, хотя, быть может, и менее неустойчивый, чем предыдущий. Конечно же, ты был прав насчёт формулы. Даже там, на окраине, твоё понимание сути вещей превосходит моё.

Но, должен заметить, твой подарок, хотя и очаровательный, повлёк некоторые трудности. Магическая птица пела чудесно, повинувшись написанной тобой команде, но её нельзя было заставить умолкнуть тем же путём! Она чирикала и щебетала неделями, пока мне, наконец, не удалось подобрать верные слова. Вообще-то это было даже забавно. Под конец мне даже пришлось выгнать её на полку в уличной уборной – ради сохранения рассудка всех обитателей двора.

И всё же главное – намерения.

Безупречный и т.д. и т.п. Магистр Пэвиш

P.S. Я повстречал отца Марианы, министра Далтона, в палате тайного совета. Представь моё изумление, когда я узнал, что он отрёкся от неё из-за вашей свадьбы. Только подумать, какую цену ей пришлось заплатить!

Отправлено из Леса Сосновой Тени.

Магистр Пэвиш,

Для начала, должен уведомить, что я получил твоё письмо много месяцев спустя, и, несмотря на первоначальное намерение, не бросил сразу же в огонь. Не могу сказать, почему.

Просто замечательно, что сейчас ты говоришь, что я был оклеветан, особенно учитывая, что произнести это вслух в то время потребовало бы смелости. Ты делаешь мне одолжение ни о чём – ведь ты не сделал ничего против меня и ничего для меня, но, тем не менее, считаешь, что я тебе что-то должен. То небольшое, что ты мог потребовать, я оплатил своим предыдущим письмом.

Потом, ты упрекаешь меня за мою обиду. Стал бы ты так говорить, если бы наши жизни повернулись вспять? Ты так же, как и я знаешь, кто был невиновен. Мне не нужна была книга Теурга, чтобы пройти экзамен по призыванию. Как ты и написал, кто-то решил свалить вину на меня. Некоторые говорят, это даже мог быть ты. В конце концов, мы состязались во многих областях. Разве есть лучший способ убрать помеху? Ты всегда уважал быстроту и лёгкость – возможно, больше, чем я предполагал. Все эти годы я провёл в раздумьях, кто и почему, а теперь ты жалуешься на мою неблагодарность.

Не сомневаюсь, ты ожидаешь, что я отдам должное твоей просьбе о помощи – и я не паду столь низко, чтобы полностью проигнорировать тебя. Тем не менее, помогать я буду с оглядкой. В своей погоне за потерянным артефактом ты стремишься получить что-то гораздо более опасное, чем думаешь. Здесь нет библиотек, поэтому я могу полагаться только на память, но в «Дуэли Тромдарла и Гринвинтера» всё заканчивается на том моменте, когда Гринвинтер активизирует своё

главное творение и уничтожает Тромдарла. Каждый уважающий себя послушник это знает, этому же учил мастер Фёргонд.

Чего послушники *не* знают, так это того, что существует последний куплет, который во многих копиях отброшен. Мастер Фёргонд однажды показал свиток после лекции. В нём супруга Гринвинтера оплакивает его уход – что-то насчёт огненного шторма и грома, унёсших его вместе с артефактом; здесь таится гораздо больше, нежели просто конец истории. Мастер сказал, это аллегория – и не очень удачная – победы Гринвинтера и его дальнейшего исчезновения, но я не так уж в этом уверен.

А ещё меня беспокоит эта безграничная мощь. С какой целью ты её используешь? Когда я думаю о возможном владельце, не ты первым приходишь на ум. В Академии ты всегда казался мне немного высокомерным и мелочным. Возможно, с тех пор ты изменился; время рассудит, но, думаю, посоху будет лучше оказаться в более надёжных руках, или оставаться ненайденным вовсе.

Итак, вот моя цена: прежде чем я раскрою тебе больше деталей, я намереваюсь самостоятельно подняться наверх и тщательно изучить эту метку. Если то, что я обнаружу, удовлетворит меня, ты узнаешь больше.

Через неделю я поднимусь в горы и посмотрю, что можно узнать из рисунка. Дальше посмотрим.

Магистр Торреб

P.S. Прошу прощения за механическую птицу. Я и сам решил, что это весьма умная штукавина, а не такая, что предполагает наличие способностей к расшифровке.

Признаю, присланное тобой создание – неплохой выбор. Полагаю, ты создал его с использованием собственной крови – наподобие гомункула. Мариана понравилась ему, а оно – ей. Однако ко мне эта зверюга испытывает неестественное отвращение. Надеюсь, это не отражение твоих чувств.

Ты направил мне вызов, который я должен принять. Верю, что ты найдёшь ответный подарок достойным тебя.

Безупречный и Абсолютный Магистр Пэвиш, из своего поместья в Тилвуме.

Торреб,

Если это письмо доберётся до тебя до того, как ты выдвинешься, да будет так; я знаю, что ты задумал. Ты обвиняешь меня в заговоре против тебя лишь чтобы оправдать твой собственный обман. Как и раньше, ты намерен лишить меня славы и наград, которых я по праву заслуживаю. Все эти годы в Академии я страдал от этого, прежде чем наконец смог от тебя избавиться.

Нет смысла больше это отрицать. Конечно же твои подозрения верны. Твоё чутьё всегда оставалось острым. Это был отличный план – я стал 1ым посвящённым, добрался до палочки мастера, а теперь служу при дворе. Только Мариана выскользнула из моей хватки – этого я никогда тебе не прощу.

Нет также смысла размахивать этим письмом, предоставляя его в качестве доказательства. Я всё буду отрицать, а кто поверит тебе – обманщику и изгою, которому недостаточно было уничтожить только себя, но который решил ещё и честную женщину из благородной семьи за собой потянуть.

Разумеется, я хочу посох себе. Чего там хочет губернатор, станет бессмысленным, как только я заполучу артефакт. Я уже знаю многое о том, как он работает – слова, команды, выделенные из записок Гринвинтера. Даже если ты найдёшь его раньше меня, в твоих руках он будет бесполезен. Только я понимаю заключённую в нём мощь и тайны владения им.

Что я буду делать с реликвией? Ещё не решил. Так много возможностей – враги, стоявшие на пути; ошибки, требующие исправления; титулы, требующие получения. И почему нет – может, я даже смогу примерить императорскую мантию, если сила артефакта так велика, как я думаю.

И ты правда рассчитывал, что твоя маленькая выдумка про забытый куплет и странные исчезновения отпугнёт меня, что я могу быть настолько легко одурачен? Ты не единственный, кто видел тот свиток. Однако некоторые из нас не делают таких поспешных выводов. Это явно была рука любителя – жалкая попытка какого-нибудь писаря увековечить своё имя на страницах великой работы, правомерно исключённая из дальнейших переводов. Не держи меня за дурака. Я не стал бы мастером имперского двора, не научившись понимать двуличия остальных.

На самом деле это ты здесь единственный глупец – всё это время отвечавший на мои письма, помогавший мне в изысканиях – мне, тому, кто тебя и уничтожил. Я знаю, что ты отправился в горы, надеясь первым добраться до награды, но какой прок тебе от одной части головоломки? Ты не знаешь, как расшифровать змеинный рисунок или прочесть спрятанную в нём карту. А я знаю. Благодаря твоим легкомысленным подсказкам, теперь я уверен, что сам найду его.

Ты мне больше не нужен, Торреб. Я достигну гор первым и найду посох. И никакие молитвы не защитят тебя, если мы встретимся.

Твоя Немезида,

Безупречный и Абсолютный Магистр Пэвиш.

P.S. Твой последний подарок лишь подтверждает лживость твоей истинной натуры и отсутствие воображения. Заключённый в бутылку злобный бес? Он бы не справился со мной, хотя его уничтожение и доставило определённые неудобства.

В этот раз у меня для тебя более подходящий дар. Не утруждай себя, не пытайся забрать его лично. Он сам тебя найдёт.

Горы Серебряных Пиков, доверено пастуху.

Моя дорогая Мариана,

Не знаю, дойдёт ли до тебя это письмо, как и не знаю, когда мне удастся его послать, как это обычно бывает в моих путешествиях. Я передал его местному пастушонку, пообещав, что он получит оплату, если оно до тебя доберётся, так что не скупись, если прочитаешь эти строки.

Сперва должен сказать, что по воле богов письмо Пэвиша нагнало меня здесь, наверху. Из него ты знаешь, что я пришёл сюда охотиться не за волками, по крайней мере не за четвероногими. Переслав его мне, ты поступила мудро, а мне повезло, что оно нашло меня. Не сообщив мне ничего, что я не ожидал узнать, оно тем не менее подтвердило мои опасения и предупредило о приближении Пэвиша.

Я страшусь того, что случится, если он наложит свои лапы на оружие Гринвинтера. Не уверен, почему, любовь моя, но я чувствую, что остановить его – мой долг. Со времён Академии наши судьбы сплетены воедино богами. Возможно, такова была их задумка – уничтожить меня, чтобы в будущем я оказался здесь.

Я в порядке, хотя и прошёл через многое. Прошлой ночью прибыл «подарок» Пэвиша – невидимый охотник. К счастью, я ожидал чего-то подобного и подготовился. Он всегда считал себя намного умнее, чем есть на самом деле. Однако с проклятой бестией пришлось хорошенько повозиться – она немного потрепала меня, но теперь угрозы не представляет. Какое облегчение, что она явилась за мной сюда, а не в наш дом. Если бы тварь причинила вред тебе, я бы этого не вынес. В распоряжении пастухов оказался лесной священник, так что не беспокойся. Я пострадал не настолько, чтобы лекарь не смог меня залатать.

Этим утром я добрался до вырезанного в камне рисунка. Судя по следам, Пэвиш уже побывал здесь. Может, я и не следопыт, но в глуши провёл достаточно времени, чтобы заметить настолько очевидное топтание.

Помнишь беса в бутылке, что я ему отправил? Он упоминал о нём в письме. Мне нужно было узнать, что известно Пэвишу, но такой информацией он со мной точно не поделился бы, так что я подослал бесёнка. Маленькое создание было не просто досадной помехой, оно служило моими глазами и ушами. Я хорошенько рассмотрел его записи, прежде чем магистр убил существо. Это случилось как раз той ночью, когда я подошёл к кровати весь в крови и сказал, что упал с лестницы. Боль того стоила – благодаря ей я знаю, куда он нацелился. Закончив писать, я отправлюсь вслед за ним.

А теперь, моя дорогая, последует часть, которую изложить на бумаге тяжелее всего. Сказал бы – не бойся за меня, но тебе я лгать не умею. Ты уже знаешь намерения Пэвиша, а значит, понимаешь – есть вероятность, что я не вернусь. Не знаю точно, на что способен посох Гринвинтера, но одно несомненно – он очень могущественен. Если артефакт всё-таки попадёт в руки магистра, я заставлю его применить. Это решено.

Это не просто самоубийственная выходка, моя любовь, потому что у меня есть одна теория, хотя и основанная на самых смелых предположениях. Я думаю, каждый раз, когда посох используют, он исчезает – поэтому Гринвинтер создал этот змеиный рисунок, чтобы снова найти предмет.

Вряд ли так важно, прав я или нет. Пэвиш почти наверняка пришёл бы за мной. Наверно поэтому я предпочёл встретить его здесь, чтобы наше сражение происходило подальше от тебя, от нашего дома, наших друзей. Если моя теория неверна, помни – я попытался.

Если я не вернусь, Мариана, знай, что мои последние мысли были о тебе.

Твой по-глупому благородный муж, Торреб.

P.S. В моём кабинете лежат все посланные мне письма Пэвиша, с копиями моих ответов. Если от меня не будет вестей в течение следующего месяца, собери их и отправь своему отцу. Меня он не любит, но зато мудр. Думаю, он знает, что с ними делать.

Храм На Поляне, Горы Серебряных Пиков

Леди Мариане.

Почтенная леди, я – Гаррел, жрец Матери Нашей, Чонтии, из деревни Морпет-у-Потока. Вчера Яр-Мас, сын пастуха Вард-Рена, пришёл с новостями для вас. Мас не умеет писать, поэтому его слова записываю я.

Новости печальные. Ваш муж, волшебник Торреб, мёртв. Мас и его отец, Вард-Рен, люди честные, и не стали бы распространять лживые рассказы. Теперь о том, что случилось.

Ваш муж нанял Маса, чтобы тот проводил его до пещеры в долине к северу отсюда. Недоброе место, жители деревни его избегают, поэтому Мас согласился показать вход, но не больше. Не вините его за это. Довести вашего мужа даже дотуда требовало недюжинной храбрости. Мальчик остался ждать его на безопасном расстоянии.

У входа в пещеру появился ещё один человек. Он нёс посох, пылавший, как утверждает Мас, зелёным пламенем. Двое мужчин начали спорить. Потом второй навёл это оружие на вашего мужа, и вокруг него сомкнулся зелёный огонь. Не буду пересказывать всё, что говорит Мас, но этот огонь сжёг несчастного дотла.

Утром я уговорил нескольких человек дойти до пещеры, и, похоже, его рассказ правдив. Перед входом был большой участок опалённой земли. Поверхность даже после целого дня ещё не остыла, а камни стали гладкими, точно расплавленный воск. Ничего не осталось. Мне очень жаль сообщать об этом.

Ещё есть одна вещь, про которую рассказывает Мас, хотя я её не понимаю. Он утверждает, что после произошедшего посох начал светиться ярче, и тот, другой, выглядел удивлённым. В конце концов Масу пришлось заслониться от света руками – он стал таким же ярким, как солнечный; а потом мальчик услышал крик. Когда сияние развеялось, и человек, и посох исчезли. Никто в долине не видел, чтобы этот человек проходил мимо, но я верю Масу. Я верю в его честность.

Мне горестно слать вам эти вести. Пусть Наша Мать дарует вам сил выстоять перед лицом такой утраты.

Бдительный Брат Земли, Гаррел из Храма На Поляне.

ТАЙНЫ КРОВИ, ДУШИ МОРЯ

Элейн Каннигем

Эй, ты там! Ты, эльф с запятыми чернилами пальцами и глазами цвета дождя. Приблизься. Я не смогу причинить тебе вреда, даже если бы захотел. Ваши сети сильнее меня.

Ты – вождь этого охотничьего отряда, не так ли? Да. Так я и думал. У моего народа тоже так. Сказители и говорящие с духами – вожди среди великов.

Ты удивляешься, эльф? Мы, львиный народ, не дикари из сказок. О, мы охотники и воины – вы не ошибаетесь в этом, – но велики также знакомы с музыкой и магией, сочиняют сказки и легенды.

Не сомневайся: я Шаноссо Кин Тари, второй О (или «внук», как вы, двуногий народ, определяете это родство) великого Канджира, и я – сказитель племени великов Тари. Освободи меня из этой сети, и я расскажу тебе историю, давно забытую, историю об ужасной магии и страшных существах, которых никогда не видел ни один живой велик в этой степи, кроме как в ночных кошмарах, посланных им в качестве дурных предзнаменований.

Да, я знал, что это предложение заинтересует тебя! Из всех двуногих, только эльфы имеют самое острое любопытство. Вижу, у тебя пергамент и перо уже наготове. Прежде чем мы начнем, прикажи своим родичам, чтобы они положили свои копья. Даю тебе слово, что я не воспользуюсь ни когтем, ни клинком против каждого из вас, пока не закончу повествование. И тогда я стану сражаться, и то, если буду вынужден защитить себя от твоего недовольства.

Что? Ты бы никогда не напал на барда, чья история тебе не понравилась? Хммм! Как бы сказал мой дедушка: «никогда не говори заранее, пока история не рассказана до конца». Но так как ты продолжаешь заверять меня в этом, то пообещай мне следующее: поклянись записывать все слово в слово так, как я говорю, и положи потом свиток в такое место, где многие смогут прочесть эту историю и запомнить ее.

Хорошо. У меня есть твоя клятва, у тебя есть моя. И теперь у тебя будет еще и история, рассказанная так же, как рассказали ее мне.

В далекие времена, когда эльфы и драконы сражались между собой за господство в, еще молодом, мире, жил темный эльф – волшебник, не имеющий себе равных по силе, за исключением, быть может, только его огромной гордыни.

Ка'Нарлист был архимагом Аторрнаша, некогда могущественного города, чьи тайны веками были скрыты в джунглях глубоко под землей – тайны, которые до сих пор еще спрятаны под сотней морей.

Высокая крепость из черного камня, возвышавшаяся на вершине, выдававшейся в море, скалы, была пристанищем для темного эльфа. Из этой крепости, Ка'Нарлист мог видеть Залив Банши, огромное копьё с морской водой, вонзившееся глубоко в Южный Фаэрун. Далеко внизу, под его замком гремело, пело и выло море – печальная, нескончаемая музыка, которая днем омрачала мысли волшебника, ночью же ввергала его в задумчивость.

Убери свои карты, эльф. Эта бухта давно исчезла – потеряна тогда, когда земля была разрушена и рассеяна могущественной, но забытой магией. Не удивляйся, что я знаю такие вещи. Наши легенды такие же древние, как и ваши, зато более правдивые. Ну что, продолжим?

С годами Ка'Нарлист все больше всматривался в бурные воды морского залива. Он много размышлял над тем, что может скрываться под ними, как в этой бухте, так и во всех безбрежных морях. Хотя и будучи ученым, он не хотел просто знать: он собирался обладать этим.

Такие амбиции не были редкостью среди его народа. Илителири, темные эльфы юга, были жестоки и воинственны, они грабили, завоевывали и порабощали тысячи племен. Даже их сородичи, светлокожие эльфы, не были в безопасности во время таких набегов! Ка'Нарлист стал богатеть после этих рейдов, доставив, к тому же, кучу рабов из многих земель, чтобы они работали у него в замке и тешили его гордость. Одним из таких пленников был Мбугуа, шаман-вемик. О нем я расскажу позже.

Несмотря на всю свою власть, илителири редко испытывали удовлетворение. Ка'Нарлист обладал огромным богатством, магическими заклинаниями, назначением которых не могли понять самые могущественные маги, и пользовался большим уважением у своего народа. И все же, наблюдая за этим водным царством, единственным местом, где темные эльфы точно не могли претендовать на свое господство, он думал о своей славе, которая напоминала ему скалистый берег: даже самые твердые камни со временем стирались в песок постоянно бьющимся о них морем. И он позавидовал вечной силе богов. Он стремился обрести такое же могущество.

Поскольку Ка'Нарлист был ученым, он знал много легенд, где говорилось о расах, созданных лишь для того, чтобы служить своим создателям. Если у Груумша Одноглазого были орки, а у Матери-Земли ее Левиафан, то почему бы и волшебнику, достигшему громадного величия, не создать расу собственных существ, которые молились бы ему, что, несомненно, увеличивало его силу и господство. У волшебника не было сомнений, какими они должны быть: он хотел контролировать морские глубины. После долгих размышлений он решил создать морских людей, жестокую расу, которую пошлет завоевывать все новые и новые водные пространства – во имя Ка'Нарлиста, конечно. Чтобы его «дети» никогда не восстали против него, он решил не даровать им магию. Скорость и скрытность в сочетании с ненасытным голодом – вот и все их оружие.

Очень просто решить, что нужно сделать; гораздо труднее это выполнить. Но в целом не скучно. По крайней мере, не скучно для такого, как Ка'Нарлист...

– Поддай мне кривой нож, – рассеянно пробормотал Ка'Нарлист. Его внимание было полностью сосредоточено на мучениях несчастного кодингобольда,

привязанного к его столу; он не удосужился даже поднять свои багровые глаза на вемика, который стоял у его локтя.

У Мбугуа был уже заготовлен инструмент, еще до того, как эти слова были произнесены – он слишком часто помогал своему господину, чтобы не понять, что ему нужно, – и он вложил гладкую ручку в протянутую ладонь волшебника.

Вемику очень хотелось перевернуть нож лезвием вперед и загнать его глубоко между парой хрупких эльфийских ребер или, на худой конец, отрезать несколько черных пальцев. Долгий и болезненный опыт доказал всю бессмысленность таких действий. Каждый раз, когда Мбугуа нападал на колдуна-илийтири, наносимая тому рана появлялась не на эльфе, а на собственном теле вемика.

Много раз гордый Мбугуа пытался обрести свободу; много раз он просыпался на своем тюфяке, с колотящейся об него головой и жуткими воспоминаниями об ужасных ритуалах, восстанавливавших его искалеченное тело. Однажды, только однажды, ему удалось нанести смертельный удар, сбежав от Ка'Нарлиста в Царство Смерти. Но ужасный бог колдуна, Гонадор, вырвал вемика из загробной жизни, вернув его снова в этот гнусный плен. Даже спустя много лет, воспоминания об этом опыте заставляют Мбугуа кричать во сне. Зло, бывшее Гонадором, и сила, в лице Ка'Нарлиста, слились в одно целое в голове Мбугуа.

После своей очень короткой смерти Мбугуа, судя по всему, служил своему хозяину без жалоб и вопросов. Он исправно все выполнял, помогая Ка'Нарлисту даже в таких делах, как эта – делах, которые выворачивали всю душу охотника наизнанку и заставляли чувства благородного вемика буквально вопить о том, что будет праведно, запустить копьё в это существо, которое позволяло себе систематически причинять боль живому созданию.

Не то, чтобы Мбугуа жалел кодингобольдов. Это были неприятные, дурнопахнущие, похожие на крыс существа – уродливые твари о четырех ногах, имеющие собачье тело, которое увенчивалось тощей человекообразной грудью и хитрой, серой мордой. Имея серые кожу и души, они, казалось, не обладали ни совестью, ни гордостью. Кодингобольды жили исключительно на том, что могли украсть. Они были трусами и сражались только в том случае, когда чувствовали, что сильнее, и превосходили числом своих жертв. И они особенно любили мясо молодых вемиков. В последние годы, много детенышей путешествующих и странствующих вемиков стали жертвами беспорядочного нападения кодингобольдов, которые бороздили просторы степи. Собственно племя Мбугуа уже почти истребило этих жестоких и вороватых существ, и вемик не оплакивал их потери. Пусть даже так, но взгляд, брошенный на визжащего и извивающегося кодингобольда, граничил с сочувствием.

Он сам испытал подобные эксперименты, хотя и с большей стойкостью. Мбугуа был одним из первых, кто испытал на себе всю жестокость властолюбивого Ка'Нарлиста. Тело вемика исследовали, резали и отбирали образцы до тех пор, пока, наконец, колдун не был удовлетворен, тогда он получил ответ, который искал. Это – кровь, – говаривал Ка'Нарлист, – тайна жизни – в крови.

Мбугуа был шаманом, и народ и магия его племени говорили другое, но что он мог возразить, видя ужасные успехи колдуна? Ка'Нарлист использовал кровь своего

раба-вемика в качестве ингредиента в какой-то темной магии, конечным результатом которой стало рождение двух новых существ – злобного зверя, который имел такую же густую черную гриву, как у Мбугуа, а также человекоподобного младенца с темной золотистой кожей вемика и кошачьими глазами.

Насколько радовался Ка'Нарлист, настолько же ужасался Мбугуа. Для колдуна это выглядело, как успешное «разделение» вемика на его важные составные части: человека и льва. Для вемика это было зверством, которого он не мог постигнуть. Ликующий Ка'Нарлист не заметил возмущения и мрачной целеустремленности на лице своего раба. Если бы он присмотрелся к нему внимательней, то сразу понял бы, что Мбугуа поклялся покарать его.

Хотя знание этого не имело никакого значения. Ка'Нарлист был уверен в своей власти и силе. Мрачные мысли вечного раба ничего не значили для него. Его собственное божественное дело и существа, которые в конечном итоге получились: это и только это имело значение для Ка'Нарлиста.

И так на протяжении многих лет, в то время, как львиные существа, порожденные из похищенной крови Мбугуа, вырастали и образовывали прайды, а почти человеческие дети становились лишь одними из таких же слуг, которые трудились в замке колдуна, Ка'Нарлист захватывал или покупал все новых и новых существ для изучения. Темный маг искал тайну крови, которая делала каждую расу уникальной – великую тайну самой жизни. Хотя уже все залы, конюшни и подземелья замка были переполнены странными существами, рожденными от его магических экспериментов, колдун все еще был недоволен.

– Вы создали уже много кобольдов и выпустили достаточно динго-псов в холмы, подвергая опасности стада и табуны ваших соплеменников, – заметил Мбугуа, возвышая голос, пытаясь перекрыть мучительные визги кодингобольда. – Что еще вы надеетесь получить от этого жалкого существа?

На мгновение нож колдуна прервал свою ужасную работу.

– Не все эксперименты прошли так, как планировалось, – мрачно пробормотал Ка'Нарлист. – У меня должна быть абсолютная уверенность в успехе, прежде чем я начну финальную стадию.

Финальную стадию!

Для вемика эти слова звучали кощунственно. Среди его народа дети оберегались всем племенем, и рождение каждого здорового детеныша было поводом для пиршества и веселья. То, что творил Ка'Нарлист просто не укладывалось у него в голове: темный эльф пытался создать ужасных детей, используя свою кровь, детей, которые в лучшем случае были бы рабами, или же безжалостно брошены на произвол судьбы, если бы они не стали выполнять обещания, данные «умному и самоуверенному» Ка'Нарлисту.

Внезапный сдавленный крик прервал размышления Мбугуа. Неуклонно растущее напряжение кодингобольда, создаваемое систематическим причинением Ка'Нарлистом невыносимой боли каждой кости и сухожилию существа, внезапно прекратилось. Маленькое создание напряглось, его тельце выгнулось назад, словно тугой охотничий лук. Мбугуа понял, что конец близок, и потянулся за следующим инструментом.

Низкий, жуткий и пронзительный звук заполнил комнату, он напомнил Мбугуа звук растущего шторма. Странно было слышать этот дерзкий и неуклонно возрастающий крик исходящим из горла хрупкого и трусливого существа. Но Мбугуа услышал в этом крике напоминание о том, что даже в самом маленьком существе сила жизни была огромной. Каждая защитная функция, которую природа вложила в тело кодингобольда, сражалась с приближением смерти с неистовством берсеркера. Его жизненная сила была столь же интенсивной, как полуденное солнце, направляющее свой последний луч, готовясь уйти с небосвода. В этот последний момент смертной жизни кодингобольд был не просто жалким изгоем дикого собачьего народа: он воплотил в себе саму суть всей его расы.

Мбугуа передал своему хозяину окровавленную чашу.

Натренированной рукой Ка'Нарлист легкими взмахами ножа вскрыл жесткие, проходящие вдоль горла вены существа, протянул чашу и поймал пульсирующую кровь, не пролив при этом ни капли. И все это время он повторял слова темного заклинания, которое узнал (так он утверждал) у ног своего страшного бога.

Когда, наконец, кодингобольд затих и все закончилось, колдун удовлетворенно кивнул.

– Избавься от трупа, а затем приходи ко мне в комнату заклинаний.

– Как прикажете, владыка.

Ка'Нарлист услышал замешательство в голосе своего раба. Мгновение он был озадачен: некогда мятежный Мбугуа был теперь самым послушным и надежным из всех слуг архимага. Потом пришли воспоминания, а вместе с ними понимание. Ка'Нарлист повернулся к вемику.

– Ах, я так понимаю, ты хочешь сначала, спеть духу существа?

– Если мой хозяин позволит, – сказал Мбугуа жестко. У себя в племени шаман пользовался народным уважением. Презрение колдуна-илийтири к их духовной магии ударило по гордости вемика и разжигало его гнев.

– Скажи-ка мне, – начал Ка'Нарлист голосом, который обычно используют, чтобы дразнить глупого, угрюмого ребенка, – как ты думаешь, если бы ты не предавался этим странным играм и ритуалам, стали бы мы тогда спотыкаться о мстительных духов на каждой лестнице?

Мбугуа встретил прямым взглядом насмешки темного эльфа.

– Вы действительно хотите знать это?

Улыбка мага понемногу угасала, потом исчезла совсем. Он отвернулся, пренебрежительно щелкнув пальцами.

– Делай все, что захочешь с этой падалью. Все равно это не имеет никакого значения.

После того, как тихие шаги Ка'Нарлиста перестали слышаться, Мбугуа снял мертвого кодингобольда со стола и закинул тело на плечо. Вемик спустился по извилистой лестнице, ведущей из магической башни вниз в большой зал.

Ошеломляющее разнообразие всяких монстров заполняло огромную комнату, вызывая определенные эмоции, порождая страх. Стая крылатых эльфов, с искрящимися легкой магией, кончиками пальцев, порхали высоко над головой, когда он проходил со своей ношей мимо длинных и узких окон, во множестве

окружавших зал, каждый из которых был бесценным произведением искусства, инкрустированный разноцветными драгоценными камнями. Несколько четырехруких огриц, бывших кухонными рабами, прокладывали себе путь по направлению к темницам, неся еду для тех несчастных созданий, которые ожидали особого внимания Ка'Нарлиста. Множество миниатюрных красных драконов метались туда-сюда, зажигая свечи и масляные лампы небольшими вспышками их пламенного дыхания. Орда рабов-гоблинов усердно натирала, покрытый замысловатой мозаикой, пол. Возможно, это было бы обычным явлением, но, повинаясь редко посещавшему его вдохновению, Ка'Нарлист развел гоблинов с красивыми цветными шкурами: солнечно-желтыми, цвета синего топаза и ярко-розовыми. И для Мбугуа, зал выглядел, как луг, заполненный отвратительными, двуногими цветами.

Пока вемик шествовал через большой зал своими бесшумными массивными лапами, все расступались, освобождая ему дорогу. В зале не было никого, кто не испытал на себе темные опыты колдуна, и они боялись, похожего на льва, помощника Ка'Нарлиста почти так же, как и его самого.

Массивная парадная дверь была загорожена парой охранников-минотавров, огромными зверями, вооруженными ужасными ятаганами и неестественно длинными рогами. Не успел Мбугуа прорычать команду, как мужчины-быки уже вскочили. Они подняли решетку, а затем общим своим весом навалились на деревянный засов, запирающий наружную дверь. Засов со скрипом отошел в сторону, и двери распахнулись наружу.

Мбугуа выскочил во двор, с благоговением наполняя легкие прохладным вечерним воздухом. Замок колдуна всегда был заполнен дымом из жаровен, вонючими испарениями, исходящими из дюжин гнусных магических смесей, и вездесущим запахом смерти.

Вемик продолжил свой путь вниз по крутой тропинке к, усыпанному галькой, побережью. Там была небольшая бухта, окруженная большими камнями. Он мог делать здесь все, что хотел, потому что бухта не просматривалась из окон замка и со двора. Слуги колдуна слишком сильно боялись Мбугуа, чтобы следовать за ним сюда; сам колдун был очень гордым, чтобы представить, что простой раб мог совершить что-нибудь вредное или важное. Повиновение и верность поддерживались могущественными магическими путями: Ка'Нарлист верил своей собственной магии.

Эта самая убежденность, эта гордость и эта магия обернется, как верил Мбугуа, против темного эльфа. Это было единственное оружие, которое было у него, способное победить колдуна.

Вемик бросил тело кодинггобольда на утрамбованную почву. Наклонившись, он вытащил небольшой, идеально круглый черный предмет, который был скрыт из виду среди камней. Затем, закрыв глаза и подняв руки, он начал медленно и ритмично дышать, очищая свой разум и подготавливая его к тому, чтобы увидеть и услышать то, что ведал только шаман.

Через мгновение Мбугуа почувствовал душу кодинггобольда, невидимо присутствовавшую здесь, но скрывающуюся в тени. Вемик начал свой танец, сначала

медленно кружа вокруг убитого кодинггобольда, затем стремительно поворачиваясь и прыгая, словно играющий львенок. Его человеческие руки плели мистический узор, сливаясь в контрапункте с ритмом лап, магически указывая путь, которым должна была следовать изумленная душа кодинггобольда. Она тоже пела – низкий, рокоchущий напев, который взлетел над сумрачным морем и слился с магией танца.

Вемик совершил уже множество таких шаманских обрядов, но на этот раз он был немного не похож на другие. Когда, наконец, Мбугуа закончил, его рыжевато-белое тело блестело от пота, он посмотрел со смешанным чувством триумфа и ужаса на, лежащую у него в руке, черную жемчужину, вибрирующую от тихой песни, которую мог слышать только шаман. Самоцвет был магическим предметом, изобретением Ка'Нарлиста, созданный для того, чтобы поглощать магию его врагов. В арсенале у Ка'Нарлиста хранилась куча таких же голодных драгоценных камней. Вемик украл парочку и приспособил эти страшные устройства для собственных целей.

В жемчужине, лежащей на его ладони, находилась захваченная душа кодинггобольда.

– Прости меня, – пробормотал Мбугуа, чья гордость боролась с извинениями, которые требовала его честь. Но он не пожалел о том, что сделал. У Ка'Нарлиста была своя работа, а у Мбугуа была своя.

Вемик вытащил другую спрятанную жемчужину и начал ритуал заново – на этот раз его песня была бесконечно печальней и более притягательней. На этот раз Мбугуа собирался воспользоваться магией, которая бы заманила в ловушку душу живого существа.

Твои родичи – благодарные слушатели, эльф. Посмотри, как они наклонились в мою сторону, прислушиваясь к рассказу! Похоже, они обеспокоены поведением вемика. Я слышал, что эльфы не беспокоят останки даже своих врагов. Это говорит о многом, и я хвалю вас, если это правда. Я также слышал, что эльфы всегда оказывают честь бардам, но все же ни один из вас не предложил мне воды или вина, чтобы я мог смочить горло и ускорить рассказ.

Ах, спасибо. Вы – самый радушный хозяин. Да, теперь я чувствую себя вполне освеженным. Да, я буду рад продолжить.

– Ты не искал меня уже много лун, – заметила Сатара. В ее спокойном, мелодичном голосе не было даже намека на то, что это был вопрос, и ее золотистое лицо оставалось спокойным, пока она передавала своему «отцу» чашку с чаем.

Но пронизательный Мбугуа услышал невысказанный упрек в этих словах.

– Колдун все больше становится одержим своими деяниями. У меня совсем не было времени, посетить тебя.

– Итак, ты здесь, и у тебя должна быть какая-то причина для этого, – прямо сказала девушка. – Иначе, я бы тебя и не увидела.

Вемик вздохнул.

– Я сделал все, что мог, Сатара. Я дал тебе имя в честь своей матери. Я пытался научить тебя гордости. Но это оказалось сложно. Это... это не та жизнь, которую я бы выбрал для тебя.

– И не то тело.

Вемик не мог оспорить эти слова или винить ее за горечь, с которой она произнесла их. Сатара была одной из «детей», созданных из его крови, и поэтому он был обязан дать ей ту любовь, которая была нужна ребенку. Но это было сложно. Трудно было даже смотреть на нее.

Сатара была прекрасна – даже вемик не мог отрицать этого, – но не была похожа на людей-львов. У нее была пара длинных ног, не четыре, стройные человеческие ноги, а не лапы, и грациозное, соблазнительное тело. Даже лицо Сатары было более своеобразным, совсем не похожим на лицо вемика, с тонкими чертами и без намека на кошачий нос, который часто проявлялся на детях, родившихся от украденной крови Мбугуа. Несколько сохранившихся намеков на вемическое происхождение только делали ее еще более экзотичней: шелковистые черные волосы были пышными и густыми, как и грива у Мбугуа, кожа имела золотистый, солнечный оттенок, а большие миндалевидные глаза были, как у кошки, янтарного цвета. Да, она была очень красивой и почти созрела для спаривания. Ни то, ни другое долго не останется без внимания ее хозяина.

– Ну так почему ты пришел? – тихо повторила Сатара.

Вемик встретился с ней глазами.

– Ты еще не была в постели с Ка'Нарлистом?

Сатара с яростью посмотрела на него.

– Колдун все еще жив? Я еще жива? Ответь на эти вопросы, и ты ответишь на свой!

Ее жестокий тон и пылающие глаза поразили Мбугуа и только укрепили его цель. Узы крови сильны: хоть Сатара и не была похожа на его ребенка, но он увидел что-то от себя в ее неукротимой гордыне. Она была свободна, независимо от условий ее жизни.

– Ты не сможешь убить колдуна, не причинив вред себе, – предупредил он ее.

Девушка скривилась.

– Это я уже знаю.

Она подняла копну тяжелых волос и показала ему множество длинных, багровых полос, покрывавших ее шею и плечи. Мбугуа признал в них отметины от ногтей и с гордостью понял, что Сатара использует в битве свои руки так же, как и любая женщина-вемик свои передние лапы. Он только пожалел, что такие же раны не остались на теле Ка'Нарлиста, который так заслуживал их!

– Разыскав тебя однажды, – мрачно заметил вемик, – он будет делать это снова.

– И когда у него это получится, я буду сражаться! – прорычала она. – Я погасила его пыл кровью и снова сделаю это. Я сохраню свою честь или получу смерть. Это не так важно.

Мбугуа начал было уговаривать ее не делать этого, но что-то в глазах Сатары заставило его придержать язык. Он не мог – он не *стал* бы – поручать этой свирепой девушке время от времени подчиняться колдуну. И он снял с себя, сделанное им, ожерелье – изящную раковину, разукрашенную символами его клана вемиков и подвешенную на нитку с, нанизанным на нее, пресноводным жемчугом – и вручил его ей.

Сатара с радостью приняла безделушку, ухватив ее жадными пальцами. На мгновение лицо девушки засветилось от удовольствия, шутка ли, получить прекрасный подарок из рук своего отца, и эльфийский колдун был совершенно забыт. Но затем ее глаза – глаза, которые повидали почти столько же, сколько видел сам шаман – остановились на беспокойном лице Мбугуа.

– Как это связано с колдуном? – потребовала она ответа, добравшись до сути дела.

Мбугуа решил ответить напрямик.

– В раковине есть жемчужина. Одень его, когда он пошлет за тобой. Это украдет часть его души.

Девушка задумчиво кивнула. В ее глазах не было и намека на страх, пока она обдумывала план нападения на своего могущественного хозяина.

– Но как это можно сделать, чтобы он не заметил?

– Посмотри на небо, – посоветовал Мбугуа. – Разве его сапфировый оттенок тускнеет от твоего дыхания? Или звезды приближаются, сметаемые северными ветрами? Небо не может уменьшаться. Так же и с душой: это нечто без начала и конца. Колдун даже не заметит, как часть его души будет втянута в жемчужину.

Скупая улыбка промелькнула на лице Сатары, и она быстро перекинула ожерелье через голову.

– Я сделаю это с удовольствием. Жалко только, что это не причинит колдуну никакой боли!

– У меня есть еще одно дело для тебя, – нерешительно произнес Мбугуа, – но сначала я должен рассказать тебе немного больше о планах Ка'Нарлиста, чем ты могла слышать.

Когда девушка согласно кивнула, он рассказал ей о решимости колдуна создать расу морских существ из собственной крови, порочную расу, которая будет покорять и контролировать моря.

– Скоро будет рождение его первого кровного ребенка, – закончил Мбугуа. – Я хочу, чтобы моя кровь смешалась с Ка'Нарлистом в теле этого монстра, и, связав это существо кровными узами с кланом вемиков, я повернул бы его против колдуна. Это не легко сделать, и мне понадобится твоя помощь. Мне нужна твоя кровь.

Сатара пристально смотрела на него, с сомнением слушая его рассуждения.

– Почему бы тебе не воспользоваться собственной кровью?

– Ты думаешь, Ка'Нарлист дурак и не придаст значения тому, что его существо родится с четырьмя ногами и мехом? – возразил Мбугуа. – Хоть ты и носишь в себе кровь клана вемиков, но твое тело больше похоже на эльфийское. Это тоже рискованно, но в меньшей степени.

Девушка пожала плечами.

– Что же, я не боюсь риска, но пока не понимаю, почему существо колдуна пойдет против него.

Опять Мбугуа услышал невысказанный вопрос в ее словах. Он не осмелился рассказать ей вторую половину своего плана – о решимости вселить в существо собственную ненасытную душу Ка'Нарлиста, с воинственным стремлением колдуна к завоеваниям. Самая притягательная, но в то же время смутная надежда Мбугуа

заклучалась в том, что существо будет желать впечатляющее богатство Ка'Нарлиста и найдет способ овладеть им. Это не первый случай, когда сын изгоняет своего отца, и, наверно, не последний. Кроме того, у существа не будет той магии, которая была у Ка'Нарлиста, и его, в свою очередь, тоже можно будет свергнуть. Мбугуа не стал рассказывать об этом Сатаре, опасаясь, что колдун каким-то образом сможет прочесть это в ее мыслях. Он расскажет ей все, что можно, и помолится о том, что, если она его дочь, этого будет достаточно для нее, чтобы понять обо всем.

– Почему это существо не будет мстить, – сказал Мбугуа, – видя, как волшебник порабощает многих его родичей-вемиков? Узы крови сильны в клане. Разве ты не знаешь об этом?

Пальцы Сатары сжали дар отца и нащупали руну, которую он выгравировал на безделушке – руну, провозгласившую ее, ужасную тварь, порожденную колдовством мага, членом гордого клана вемиков. Ее глаза стали ясными, но в то же время свирепыми, когда они обратились к Мбугуа.

– Узы крови сильны. Я сделаю все, что ты просишь.

Вемик погладил ее щеку своей массивной рукой и глубоко опечалился, поняв, что это была первая ласка, он никогда раньше не предлагал ее своему, похожему на эльфа, ребенку.

Сатара крепко сжала руку своего отца. Затем она отступила назад, расправив плечи, словно готовясь к битве, ожидающей ее впереди.

Этот бурдюк пуст? Сказительство – занятие вызывающее жажду. У слушания тоже есть свойство иссушать горло, ты и твои близкие умеете хорошо слушать. Более благодарной аудитории, я редко встречал!

Моя уловка? Какая? Конечно же, группу эльфийских охотников-воинов сложно сравнить с одним вемиком-сказителем, даже если пьет он или нет. Такие подозрения не делают тебе чести, эльф. Как сказал бы мой дедушка: вор никогда не забудет запретить собственную дверь.

И разве я не дал клятву, что не буду сражаться, пока не расскажу всю историю?

О, очень хорошо, эльф! Ты обращаешь мою собственную насмешку против меня – ловкий прием! Да, я тоже обещал поведать вам всю историю, и я сделаю это.

Этой ночью обитатели замка колдуна вздрогнули, когда услышали песню шамана-вемика, принесенную им заунывным ветром.

Этот звук был им знаком. Они хорошо знали, что это означало: умерла еще одна жертва Ка'Нарлиста. И уверенность в том, что их очередь также может прийти в любой момент, закаляла их, пока они слушали ритмическое пение вемика. Но сегодня голос шамана казался каким-то бесконечно грустным и подрагивающим от сдерживаемого гнева.

Далеко под слушающим замком, Мбугуа пел душе Сатары, находящейся на пути к той гордой загробной жизни, которую ожидает каждый вемический воин. Но сначала он забрал с ее тела две вещи: пузырек с кровью, взятой из одной из ее многочисленных ран, и черную жемчужину, вибрирующую от души, столь злобной, настолько амбициозной и мерзкой, что это могла быть только душа Ка'Нарлиста. В

этом шаман-вемик был уверен, так же, как уверен и в том, что истинная дочь его крови и ее душа лежала мертвой перед ним.

Это был успех. Позже, возможно, Мбугуа будет очень доволен. Но теперь было только глубокое горе, глубже, чем он ожидал.

Когда ритуал был закончен, и Сатара действительно ушла, вемик взревел, разметав всю свою ярость и тоску над равнодушным морем.

И далеко над ветреным берегом жители замка Ка'Нарлиста задрожали от страшного звука. У них было много поводов бояться колдуна; и тот факт, что он сам не боялся вемика, был самым главным среди них.

В родильной камере, стоны морской эльфийки смешивались с гулким пением шамана-вемика. Мбугуа присел рядом с неглубоким бассейном, где мучилась эльфийская женщина, мурлыкая и тихо напевая, помогая ребенку внутри нее появиться на свет.

Тело морской эльфийки напряглось, когда очередная сильная схватка, сжала ее округлый живот. Она изогнулась, ее рот раскрылся в вопле мучительного страдания. Мбугуа потянулся к воде и поймал младенца, выскользнувшего из ее чрева.

Сразу же вемик увидел, что он преуспел в формировании магического порождения Ка'Нарлиста. Младенец вовсе не был таким, каким его задумывал колдун. Этот ребенок был мальчиком, совершенно сформировавшимся морским эльфом, от его мягко заостренных ушей до тонких перепонки между пальцами на его, сжатых в кулачки руках. Но чувства шамана Мбугуа, тонко настроенные на новую жизнь у него на руках, ощущали кровные узы его собственного клана, связывающие его с ребенком. Шаман-вемик продолжал петь, но на этот раз песню приветствия, поскольку он должен был заботиться о ребенке и измученной морской эльфийке, родившей его.

Глаза женщины улавливали каждое движение вемика и медленно в них полное отчаяние сменилось на удивление – и зародилась сильнейшая материнская любовь. Но Мбугуа отрицательно покачал головой, когда она протянула жаждущие руки к прекрасному ребенку. Даже если ее кровь и участвовала в рождении младенца, даже если она зачала и выносила его в полном соответствии с законами природы, даже если ребенок казался никем иным, как идеальным морским эльфом, все же новорожденный не принадлежал ей. Мбугуа чувствовал еще не сформировавшуюся душу ребенка. Он точно был родным Ка'Нарлисту.

В этот момент колдун вошел в комнату и всмотрелся в младенца на руках у Мбугуа. Его темное лицо исказилось от ярости и разочарования.

– Снова неудача, – пробормотал он и отвернулся. – Избавься от него.

– Как прикажете, владыка, – с почтением произнес Мбугуа вслед уходящему колдуну. Одной массивной лапой он отбросил в сторону протянутые руки эльфийки и выбежал прочь из камеры с обреченным младенцем на руках. Другие рабы будут заботиться и утешать самку, потому что она еще понадобится – морская эльфийка была проверенным производителем, родившая трех собственных живых детей.

Ка'Нарлист не будет тратить много времени на восстановление этой рабыни: Мбугуа был уверен, что до того, как полумесяц станет полной луной, еще один извращенный потомок темного эльфа будет волшебным образом помещен в ее живот.

Вемик понес новорожденного к краю моря, игнорируя его слабые, возмущенные крики. Он шел в свою тайную бухту, и от его диких рыков замирали те, кто был в замке над ним.

Они слышали его, но не понимали.

В ответ на призыв Мбугуа, эльфийская женщина вышла из волн на берег. Она приняла малыша из рук вемика, затем развернула влажное одеяльце, в которое он был запеленат, и рассмотрела крошечные пальцы рук и ног.

– Ребенок прекрасен, – произнесла она, наконец. – Вы уверены в его сущности?

– Так же, как я уверен в самом себе, – резко ответил Мбугуа. – Воспитайте его, как мы договаривались, и он в свое время отомстит колдуну за ваших украденных соплеменников, но не доверяйте ему! Ка'Нарлист вложил в него насилие и ненависть.

– Я запомню это и буду осторожна, – согласилась эльфийка. – И я расскажу ему о могуществе и богатстве колдуна, и пусть он узнает, что оно могло принадлежать и ему, если бы его отец не выбросил его.

Вемик кивнул.

– И еще одно: всякий раз, как вы услышите мой голос, вознесенный в ритуальной песне, доставьте ребенка поближе к берегу, чтобы он мог смотреть и учиться. Пусть он видит, как я отпеваю души жертв Ка'Нарлиста. Пусть он научится ненавидеть своего отца-колдуна за зло, которое он делает. И когда он усвоит урок, – мягко сказал Мбугуа, – тогда я научу его сражаться!

Прошел почти год, и вновь Мбугуа присел у родильного бассейна, чтобы помочь той же самой морской эльфийке. На этот раз мягкий плеск очищающего фонтана и пение шамана были единственными звуками в камере. Эльфийская женщина безвольно лежала, равнодушная ко всему, пока природа следовала своим предопределенным путем, и, наконец, ребенок вырвался из ее тела.

На этот раз сам Ка'Нарлист присутствовал при его рождении. Он наблюдал за происходящим с большим интересом, и когда его раб-вемик поднял ребенка из бассейна, улыбка торжества появилась на его темном лице.

– Наконец-то, успех! – воскликнул архимаг.

Мбугуа уставился на ужас у него в руках. Младенец был отвратительным, чудовищным. Он уже был силен: мог поднять голову и целенаправленно царапал вемика крошечными когтями, оставляя кровавые полосы на руках и запястьях Мбугуа. Несмотря на то, что существо имело эльфийское количество и расположение конечностей, оно тем не менее было покрыто темно-зелеными чешуйками. Маленькие черные плавники вырастали из головы и тела. На голове не было ни волос, ни ушей, и на лице преобладали пара огромных черных глаз, да длинная

прорезь рта. Ему еще надо было дышать и плакать; Мбугуа надеялся, что этого никогда не случится.

Проворчав проклятья, Ка'Нарлист вырвал младенца из рук ошеломленного вемика. Он бросил крошечного монстра назад в бассейн. Пузыри поднялись из воды, вместе с жутким, пронзительным криком, от которого мурашки побежали по позвоночнику Мбугуа. Для чувствительных ушей шамана этот крик был предвестником смерти многих невинных обитателей моря.

– Перережь пуповину и прижми ребенка к ее груди, – прикрикнул Ка'Нарлист. – Ты здесь акушерка, а не я! Действуй!

Мбугуа выловил младенца из бассейна, быстро исполнил то, что требовалось, и поместил его в слабые руки эльфийской женщины. Ее ошеломленные, пустые глаза расширились от внезапного ужаса, и ее апатия сменилась истерическими криками. Слишком поздно вемик понял, почему.

Рот ребенка был широко распахнут, невероятно широко. В нем ровными рядами располагались крошечные, треугольные клыки, похожие на акульки. Младенец сжал их, и Мбугуа услышал ужасный звук, который издают зубы, скрежещущие об кость. Он мельком увидел оголенные ребра морской эльфийки, прежде чем кровавый поток не перекрасил воду в родильном бассейне в темно-багровый цвет.

Ка'Нарлист нахмурился и щелкнул пальцами: крики умирающей эльфийки внезапно прекратились. Колдун задумчиво кивнул, наблюдая, как младенец грызет и глотает свою первую еду.

– Как лучше научить их охотиться на морских эльфов, наверно дать им насладиться вкусом эльфийской крови с их первым вздохом? – задумался он.

Он повернулся к Мбугуа.

– Приведи всех плененных самок морских эльфов, затем отправляйся на невольничьи рынки и купи их все, сколько есть. Нам понадобится столько инкубационных тел, сколько мы сможем приобрести, поскольку оказалось, что их можно использовать только один раз.

Архимаг улыбнулся, похоже, забавляясь ошеломленным выражением на лице вемика.

– Ну, теперь-то – что говорит твоя надоедливая совесть! Сегодня просто замечательный день. Когда моря станут принадлежать мне, ты сможешь похвастаться тем, что был свидетелем рождения расы сахуагинов!

Прошли годы, и огороженные пруды в поместье Ка'Нарлиста, как и заполненные водой подземелья замка, кишели сахуагинами.

Даже Мбугуа признавал, что это были удивительные существа. Они достигали зрелости за год, и, в отличие от большинства других творений колдуна, могли размножаться. Они делали это с поразительной плодовитостью. Через три года Ка'Нарлист прекратил магически разводить сахуагинов, предоставив им это делать самим. И за десять лет у Ка'Нарлиста появилось собственное племя.

Сахуагин обучался почти так же быстро, как и размножался. Он мог плавать с момента рождения и мог ходить уже на вторую луну своей жизни. По мере того, как у них получалось держать оружие, их начинали учить драться на суше и в воде. Через двадцать лет у Ка'Нарлиста была своя армия.

На протяжении всех этих лет Мбугуа проводил большую часть своего времени в бассейнах или тренировочных загонах, наблюдая за тем, как илитиирские налетчики – сами бывшие рабами колдуна – обучали сахуагинов боевым искусствам темных эльфов.

Эти существа оказались свирепыми бойцами, не давая и не прося пощады в битвах друг против друга и испытывая безжалостный восторг от убийства морских эльфов, которых время от времени бросали в их бассейны. Но никогда – ни разу – ни один из них не обращал свои зубы, или когти, или оружие против своих наставников – темных эльфов.

С момента рождения каждому сахуагину внушали относиться к темным эльфам, как к богам, а к Ка'Нарлисту, как к главному из них. Он просто был их Создателем. Ни один сахуагин, никогда не видел Ка'Нарлиста, но их учили бояться, повиноваться и почитать его.

Наконец, настал день, в который нужно было выпускать сахуагинов в море. Они были впервые приведены в большой зал замка, и все они были в восторге от чудесной демонстрации музыки, света и магии, которую никто из них не видел вблизи, и это казалось им истинным проявлением могущественного Бога. В разгар церемонии появился сам Ка'Нарлист, парящий над собранием, его тело было магически увеличено до огромных размеров и затенено жутким, танцующим светом.

– Настало время исполнить ваше предназначение, – объявил колдун голосом, от которого зазвенели все окна в зале. – Сахуагины станут великим народом. Вы будете покорять обитателей моря, разграблять их сокровища и познаете огромное богатство и власть! Это ваше право и ваша судьба, как сотворенных детей Ка'Нарлиста. Во всем прославляйте имя вашего Господа Бога!

– Ка'Нарлист! – сахуагины ответили хозяину восторженным громовым ревом.

Колдун благожелательно улыбнулся и протянул руки. Черный жемчуг стекал с них и сыпался в цепкие когти его детей.

– Вы знаете, что это такое, и обучены как их использовать. После каждого убитого вами морского эльфа, вы вернете одну из этих жемчужин мне – конечно, с захваченной магией эльфа внутри. Магия предназначена только для богов. Считайте смерть каждого богохульного морского эльфа актом поклонения, а жемчужины доказательством преданности мне! Ибо разве я не дал вам жизнь для того, чтобы править миром, и оружие, с помощью которого можно покорить его?

Сахуагины страстно кивали, ведь рассуждения их повелителя были наиболее приятны для них. Кроме того, их учили при помощи боли, что то, что подарил им великий Ка'Нарлист, он также мог забрать обратно! Те сахуагины, которых заподозрили в малейших намеках на восстание или ересь, умерли ужасно, таинственно, на виду у их чешуйчатых соплеменников. Ясно, в таком случае, что было глупо противостоять их темному владыке и лучше честно служить кому-то одному, но могущественному.

Ка'Нарлист произнес еще несколько слов напутствия, а затем, наконец, выпустил сахуагинов искать море. Они вырвались из зала и бросились вниз к обрыву, крича и сыпая проклятиями против своих врагов – морских эльфов.

Когда все стихло, архимаг опустился на мраморный пол и улыбнулся своему рабу-вемику. Из всех слуг Ка'Нарлиста только Мбугуа был удостоен чести присутствовать на этой церемонии. Действительно, колдун держал стареющего вемика у себя под боком почти постоянно – свидетеля его славы и слушателя рассказней о его пока еще невыполненных честолюбивых замыслах.

– Мир в морских глубинах – это только начало, – провозгласил колдун. – Скоро весь мир узнает о Ка'Нарлисте! Я буду не просто магом, а Богом!

– Дурная слава не способствует добру. Если бы это было так, то куртизанка Ксорниба давно была бы уже королевой всех богов, а не просто дорогой человеческой шлюхой, – заметил Мбугуа с откровенностью, которая уже стала для него привычкой.

А почему бы и нет? Его жизненная задача была уже выполнена и выполнена хорошо. Ее завершит тот, кто гораздо лучше подходит для этого, чем он. Вемика больше не заботился о том, примет ли колдун его замечания за смертельные оскорбления или нет.

Но Ка'Нарлист просто улыбнулся.

– Разве дурную славу делает сам бог, а не его магия?

Маг поднял одну из своих жемчужин.

– Магия волшебников морских эльфов почти так же сильна, как и моя собственная. Подумай об этом: кем я стану, когда у меня будет сотня таких жемчужин, наполненных их магией? Тысяча? Когда украденная магия тысячи тысяч морских эльфов будет вплетена в мою единственную магию силы? – И снова лицо Ка'Нарлиста осветилось ликующей улыбкой. – Видя такую силу боги сами придут ко мне. Не сомневайся: я действительно стану богом.

Мбугуа не сомневался.

Однажды, много лет назад, бог темных эльфов Гонадор выполнил просьбу Ка'Нарлиста и вырвал вемика из загробной жизни. Шаман почувствовал тогда странную партнерскую связь между архимагом и богом. Если Ка'Нарлисту действительно удастся украсть магию морских эльфов, он вполне сможет тогда обладать магией достаточной для того, чтобы вступить в пантеон своих темных богов. В это было не трудно поверить: они были очень схожи, Гонадор и Ка'Нарлист. И Мбугуа станет свидетелем всего этого. Он был привязан к архимагу нерушимыми веревками магии: если бы Ка'Нарлист достиг божественности, бессмертия, он бы, наверно, забавлялся тем, что сохранял душу Мбугуа в течение многих последующих лет.

Вемика поспешил к своей бухте, гораздо более напуганный, чем он был даже в тот давний день своего пленения. Он давно знал о жемчужинах Ка'Нарлиста, но считал их не более чем сосудом для хранения магии, которой было накоплено в

изобилии у мага. Мбугуа никогда не приходило в голову, что Ка'Нарлист предназначал их для систематического грабежа магии морских эльфов. Потеря магии серьезно ослабила бы защиту этого народа от орды сахуагинов и, возможно привела бы их к полной гибели.

Перспективы были ужасающими: исчезновение чудесного эльфийского народа, возвышение власти сахуагинов в море, возможность того, что зло, в лице Ка'Нарлиста, могло стать бессмертным. Во что бы то ни стало, надо остановить чудищ темного эльфа.

На берегу Мбугуа выкрикнул сигнал, который призовет его морского эльфа из волн.

Маленти, так назвал его шаман в честь легендарного воина вемиков. До сих пор Маленти во всем соответствовал этому имени. Он получил все, чему хотел научить его Мбугуа, с поразительной скоростью: все боевые стили, известные вемикам, все тактики, которым были обучены сахуагины, даже стратегии засады, используемые вымершими кодингобольдами и ныне усовершенствованные. Чтобы исполнить то, что должен, Маленти понадобятся они все.

Морской эльф быстро откликнулся на призыв Мбугуа, выйдя на сушу, чтобы обменяться воинским приветствием с вемиком. На этот раз Мбугуа уже не задумывался о странности перепончатой руки, которая сжимала его запястье: он с благоговением оценил силу в хватке эльфа и отметил отточенные в битвах мышцы, перекачивающиеся под зеленой, пятнистой кожей.

– Сахуагины уже разоряют море, – доложил Маленти без обиняков. – Они убили множество морских эльфов и осадили город эльфов, расположенный недалеко от берега. Они поклялись убить каждого эльфа, живущего в нем.

– Ты должен остановить их, – взмолился Мбугуа. – Если ты не сможешь убить их всех, по крайней мере, не дай им вернуться к Ка'Нарлисту с черными жемчужинами! – Он быстро поведал ему страшный план колдуна.

Слишком поздно ему пришлось в голову, что такие знания могли быть опасны в руках такого же амбициозного Маленти.

– Мне не нужна магия, – спокойно сказал Маленти, словно угадав мысли вемика, – но вы правы в том, что эти жемчужины не должны попасть к Ка'Нарлисту. Если он станет таким могущественным, каким желает, как я смогу свергнуть его и претендовать на его королевство как на свое?

От этих черствых слов дрожь прошла по всему телу Мбугуа. Она начиналась от верха его позвоночника и спустилась вниз по всей длине его львиного тела. Конечно, именно на это он и надеялся, что честолубие Маленти может проявиться; однако та легкость, с которой молодой морской эльф говорил о смерти своего отца, пугала.

Маленти уже отвернулся. В его руке был кинжал, когда он прыгнул в море, как будто не мог дождаться, когда сможет пролить кровь сахуагина.

И так было на протяжении многих лет. Полчища сахуагинов возвращались к Ка'Нарлисту с каждой темной луной, как они и обязались делать. Но они приносили с собой не груды черных жемчужин, а рассказы о жестоких битвах и засадах, и о

могучем вожде морских эльфов, который поднял против них всех обитателей морских глубин.

Его звали Маленти. Маленти Гроза Сахуагинов.

Когда Мбугуа слушал рассказы о своем сыне – морском эльфе, он изо всех сил старался стереть улыбку гордости со своего лица.

Ка'Нарлист, однако, не был настолько стоек.

– Тысяча копий и моя высочайшая милость к тому сахуагину, который доставит ко мне этого Маленти! – пообещал, объятый яростью, колдун, когда последняя церемония темной луны подошла к концу. – Приведите его живым, и я увеличу награду еще на тысячу трезубцев!

За такую награду, любой сахуагин мог с радостью убить ближайшего родственника. Монстры вышли в море с еще большей жестокостью, каждый из них решил выиграть обещанную награду и милость своего господина.

Несмотря на это, прошло почти три года, прежде чем сахуагины захватили своего врага. Они притащили Маленти в крепость, запутавшегося в сетях и с множеством кровоточащих мелких ран на его теле, и бросили в большом зале, дожидаясь награды своего владыки.

Несмотря на кажущуюся серьезность ситуации, на сердце Мбугуа было спокойно, пока он пробирался в зал, подчиняясь призыву колдуна. По всем сведениям, Маленти сколотил огромную армию морского народа. Несомненно, его армия была собрана у края берега даже сейчас, ожидая только команды Маленти нанести удар. Снова и снова морские эльфы преодолевали нападения воинов-сахуагинов: велик был уверен, что они и теперь сделают это, и что, жестокое господство Ка'Нарлиста, его грязная магия и страдания, наконец-то закончатся.

Когда зал был заполнен, а громкая речь сахуагинов стихла до нескольких отдельных щелкающих звуков, появился колдун. Магически усилив голос, он произнес обвинения против Маленти, а затем предоставил ему право выступить до вынесения приговора.

– Убери сети, – смело отозвался Маленти. – Когда я предстану перед тобой, когда посмотрю тебе в лицо, только тогда я буду говорить.

С жестокой улыбкой, архимаг поднял руки. Линии пламени выскочили из его пальцев и спалили спутанные сети, нанеся при этом узнику лишь незначительный ущерб.

Лишившись большей части своих волос, с покрасневшей и покрытой волдырями кожей, в обуглившейся одежде, висевшей на нем клочьями, Маленти, тем не менее, гордо поднялся на ноги и встретился взглядом с могущественным магом.

– Наконец-то мы встретились... Отец, – сказал он громким голосом, который несся в каждый уголок большого зала. Он сделал паузу, очевидно наслаждаясь ошеломленным выражением лица Ка'Нарлиста и приглушенным ропотом толпы сахуагинов.

– О да, я первый из твоих детей-сахуагинов, которого ты выбросил, когда обнаружил, что я выгляжу неподобающе. Я Маленти, Гроза Сахуагинов. Гроза Сахуагинов, – подчеркнул он, – ибо таков я и есть на самом деле. Не имея

преимуществ в обучении и вооружении, которыми ты наделял других, я побеждаю их. – Он сделал паузу, подняв руки, как бы приглашая колдуна осмотреть его. Вемик напрягся, уверенный, что сигнал к наступлению сейчас поступит. Проходили минуты, но этого не происходило. Мбугуа поймал себя на мысли, что маг внимательно изучает Маленти и он не казался недовольным увиденным.

Морской эльф сбросил остатки своей обугленной одежды, под ней обнаружилась невероятно тонкая кольчуга, в которую были вплетены тысячи маленьких черных жемчужин. Шаман Мбугуа уловил тонкую, тихую песню захваченной магии; он с ужасом понял, что каждая жемчужина содержала украденную магию морского эльфа.

«Но Маленти не может использовать магию, – подумал Мбугуа, внезапно испугавшись, что его подопечный собирается атаковать колдуна – и потерпит неудачу. – У него нет дара, и он не обучен! Что он собирается делать?»

Словно услышав эти вопросы, Маленти повернулся, всмотревшись прямо в золотистые глаза вемика.

– Ты хорошо меня учил, – насмешливо сказал он. – И теперь я обращаю твою собственную истину против тебя: глубочайшие тайны жизни не в крови, а в душе. Кровные узы действительно очень сильны, но душа легко побеждает зов крови!

Глаза Ка'Нарлиста зажглись яростным пламенем, когда он осознал роль Мбугуа во всем этом. Он набросился на него.

– Ты должен был уничтожить этого первого сахуагина!

– Ты будешь радоваться, что он этого не сделал, – возразил Маленти. Он ловко стянул кольчугу с магией через голову и взмахнул ею. – Это жемчужины, которые я забирал у ваших слуг за все эти годы, а также сотни других, которые я добыл сам. Я – сахуагин, – говорил он дальше, его глаза обводили собравшихся перед ним, выискивая того, кто посмеет оспорить этот факт. – Я ненавижу морских эльфов так же, как и любой из вас, но они доверяли мне, и поэтому мне было легче их убивать.

Эльф, то есть сахуагин, поднял кольчугу с жемчужинами высоко над головой.

– Это мое подношение великому Ка'Нарлисту, первая моя дань, среди многих! Отправьте меня в море, и я продолжу убивать морских эльфов, пока живу. – Он потряс кольчугой так, что, вплетенные в нее черные жемчужины, засверкали.

Ка'Нарлист криво усмехнулся, поняв, как он считал, душу своего сына.

– И что ты желаешь, в обмен на ту дань, которую предлагаешь?

– Только то, что мне причитается: высокое положение и власть в армии сахуагинов, большая доля богатств моря и полное уничтожение морских эльфов! Я уже знаю, к чему ты стремишься и в моих интересах увидеть, как ты достигнешь этого. – Он тихо добавил так, чтоб его слова донеслись только до мага-темного эльфа и ошеломленного вемика, сидящего рядом. – Я хочу быть известен как перворожденный сын Бога!

– Сделка состоялась, – начал Ка'Нарлист, но Маленти прервал его, подняв руку.

– Я хочу еще одну вещь: жизнь вемика, который предал тебя. О, я не хочу просто его убить! Как научил меня гордый Мбугуа, именно в душе скрыты тайны жизни! Помести его в одну из этих жемчужин, и я буду носить ее до дня моей смерти. А дальше, пусть его дух вечно ревет свои песни и сказания посреди морских волн, и то,

что было совершено в этом месте, останется в памяти всех народов до тех пор, пока они слышат голос моря!

С тяжелым сердцем Мбугуа слушал свой приговор, провозглашенный его кровным сыном, и одобренный темным эльфом, которого он надеялся свергнуть. Пока Ка'Нарлист произносил слова заклинания, а предатель Маленти приставил кинжал к горлу Мбугуа, велик молился с тихим рвением, надеясь, что кто-то когда-нибудь разберет голос велика среди звуков волн и ветров и найдет способ отпеть его душу, чтобы она смогла обрести вечный покой.

Так появились сахуагины. И так повелось с того дня, что сахуагины время от времени рождали детей, похожих на морских эльфов во всем, кроме их кровожадной натуры. Их называют «маленти» в честь своего предка. Иногда сахуагины воспитывают и обучают таких детей жить среди морских эльфов в качестве шпионов; чаще их убивают при рождении. Сахуагины понимают всю разумность таких действий – маленти считаются опасными даже среди их порочных соплеменников, поскольку в них живет душа самого Ка'Нарлиста.

Что же касается Мбугуа, то некоторые говорят, что его душа была выпущена и обрела покой много веков назад. И все же рассказывают также, что в бурную ночь все еще можно услышать рев отчаяния велика, среди множества голосов моря.

Итак, мой эльфийский похититель, у вас есть история, переданная мне моим дедом, который, в свое время, получил ее от своего.

Зачем люди-львы рассказывают такую историю, спросите вы? Возможно, потому что эльфы не будут. Да, говорить о такой магии опасно. Это правда, что на каждого мудрого велика, который слышит предупреждение в этой легенде, найдется один дурак, который увидит в нем сверкающую изнанку драконьих сокровищ. Так что считайте ее просто мифом, если так вам нравится. И действительно, может этой истории и не было на самом деле.

Но запомни одну вещь, эльф, и запиши это в своем свитке: часто в легенде гораздо больше правды, чем в факте.

НАДВИГАЕТСЯ ХЛЕБНАЯ БУРЯ

Том Дюпри

- Каникулы?

Нахмурившееся и морщинистое лицо мага выглядело ещё более насупившимся, чем обычно, и Виглаф едва не потерял самообладание прямо тогда же. Возможно, это

наследие его семейной фамилии пыталось заставить его продолжать, ведь мозг и язык Виглаф соревновались между собой с самого детства. Но слово уже вылетело, и подделать с этим ничего было нельзя, кроме как следовать за ним туда, куда оно приведёт. Парень набрал было воздуха, но его наставник продолжил:

- Юный Вечноязыкий, предполагается, что ты изучаешь магические искусства. Нет, больше – тебе предоставлена привилегия пройти путями магов. Здесь не уютная мастерская, где мы работаем в своё удовольствие, а потом закрываемся с приходом темноты. Магия – это не то, чем мы занимаемся; мы и есть магия. Я считал, что ты согласился на полное повиновение, когда начал своё обучение, а теперь мне кажется, или я слышу, что ты хочешь смыться отдохнуть?

- Может быть «каникулы» - не совсем верное слово, учитель, - Виглаф поводит ногой и поскрёб несуществующее пятнышко грязи на мантии. – Просто прошло уже больше года с тех пор, как я покинул Калимпорт, и мне нужно совсем чуть-чуть времени, чтобы побывать дома, а я знаю, что моя семья захочет посмотреть, что из меня получилось, и ведь нельзя сказать, что я плохо старался прошедшие месяцы, не так ли, мастер Фензиг? Не так ли?

- Твоё неуклюжее подражание щенкам принято во внимание, Виглаф, - отрезал маг, сложив руки за спиной и отвернувшись. – Я напоминаю, что тебя привёл ко мне твой личный выбор. Это ты попросил моего совета и помощи. И ты понимал, каких жертв я от тебя потребую. Более того, как тебе хорошо известно, я держал твою семью в курсе твоих успехов, хотя и весьма умеренных. Твой запрос ничем не обоснован и не заслужен. – Волшебник мгновение разглядывал загромождённую комнатуху, в которой эти двое провели вместе столько времени, что старому магу пришлось бы поднапрячь память, чтобы вспомнить, как всё выглядело раньше. Затем он развернулся взглянуть на своего ученика. Виглаф всё ещё изучал узоры на деревянных досках пола. – Однако же... можешь идти.

- Я... что? – радостно пискнул Виглаф.

- Даже такие стариканы, как я, ещё помнят, каково это – отказаться от прошлого ради великой цели. Зов бывает не только одного вида, Виглаф. Иди и ответь на свой. Я даю тебе одну неделю. А ещё... вот это, - он положил тяжёлую книгу с застёжками из бронзы на ладони ученика. – Можешь называть это домашним заданием. Даже во время отдыха можно быть продуктивным. И я хочу, чтобы через неделю ты без запинок пересказал мне вербальные формулы трёх новых заклинаний.

Захлестнувшая Виглафа эйфория слегка остыла.

- А чтобы убедиться, что ты занимаешься в отъезде, я отправлю с тобой товарища, - маг сделал быстрое движение руками, сложил чашечкой перед губами и прошептал какое-то слово, которое Виглаф не расслышал. Несколько минутами позже, как раз когда Виглаф запихивал последние из походных пожитков, появилась амазонка.

На две ладони выше парня, светловолосая, загорелая воительница заполнила собой дверной проём кабинета колдуна, как заполняла сладкие сны почти каждого мужчины, чей взгляд на неё когда-либо падал. Усыпанный боевыми зарубками палаш украшал её статную фигуру, пересекая роскошные бёдра ниже подola

коричневой кожаной юбки, продолжаясь к длинным, гибким, сильным ногам, выглядевшим как способными к пируэтам, так и к пинкам в лица врагов.

- А, это ты, Саша, - протянул Виглаф.

- Вызывали, мастер Фензиг? – спросило видение приятным, но властным голосом.

- Да. Пожалуйста, сопроводи этого балбеса до Калимпорта и постарайся свести количество неминуемых неприятностей к минимуму.

- Пойдём, кудесник, - улыбнулась воительница Виглафу, открыв ряд идеально белых зубов, изящно дополнивших ослепительную картинку. – Посмотрим, умеешь ли ты ставить одну ногу перед другой, и при этом не падать.

Поездка получилась лёгкой и приятной, и вместила в себя безмятежность песчаных равнин и случайных островков леса, вкупе с бодрящим солёным воздухом и ритмичным грохотом с побережья. Виглафу казалось, что он провёл всю жизнь в заточении, и вот, наконец, освободился. Парень даже не был против присутствия Саши, ведь рискованное путешествие в одиночку послужило бы приглашением для компаний другого рода. Не то чтобы всякие придорожные мошенники мелкого пошиба нашли бы, чем поживиться у Виглафа – эти недотёпы едва ли смогли бы прочесть предупреждение на знаке, что уж говорить о книге заклинаний – но ученик мага слышал, что их разочарование часто выливается в действия, прямо влекущие физические повреждения. Он, конечно, все равно отправился бы в путешествие, рассчитывая на удачу и на свой изобретательный язык в качестве единственных доступных ему средств защиты, но Саша, неоспоримо, была более надёжным сдерживающим фактором. Ни один вор не принял бы её за простую смиренную спутницу; только самые недалёкие из них не осознали бы, что существуют намного более лёгкие способы жить и наслаждаться жизнью, чем злить эту женщину.

Но в те редкие моменты, когда Саша всё-таки отдыхала, она посвящала себя любимейшему занятию: доставанию Виглафа. Она была частью команды поддержки, скрытно руководимой Фензигом, которая в прошлом году преподавала молодому магу первый урок – сила является результатом изучения и труда, а не выигранной лотереей. Он попался на удочку, как рыбёшка, и выставил себя дураком перед толпой народа, и Саша хотела убедиться, что урок усвоен хорошо. Виглаф льстил себе, думая, что Саша находит его милым, потому что поток подтруниваний не содержал ни одного обидного слова, хоть девушка и смаковала каждое. Всё же, несмотря на эти шуточки, очаровательная улыбка Саши всегда порождала своего близнеца на лице Виглафа.

- Итак, маговик, какие мощные трюки ты выучил за последнее время? Мозольная чума? Овсяночная левитация? Может, научился разговаривать с одеждой?

- Я работал днём и ночью, чтобы доказать, что волшебная палочка сильнее меча. Можешь спросить Фензига.

- Мне не придётся, - успокоила Саша. – На его лице всё написано.

- Выражение его лица не менялось с того самого дня, когда я сюда пришёл. Он не поймёт шутки, даже если её засунуть ему за воротник.

- Ну, у него весь день – одна сплошная шутка. Теперь эта честь выпала мне.

- Смейтесь сколько угодно, мисс Мышцы. Но однажды ты будешь получать бесплатный эль, стоит тебе только о упомянуть о знакомстве с великим магом Виглафом Вечноязыким.

- Так я уже получаю.

Виглаф просветлел.

- Я могу всю таверну заставить выплюнуть свою выпивку, если расскажу о тебе.

- Очень смешно, Саша. Но в один прекрасный день я этого достигну. Достигну.

- И этот день – сегодня, кудесник. Ты достиг. Смотри, - воительница указала на вихрящиеся завитки дыма из каминных труб, уносимые лёгким морском бризом вглубь суши. – Калимпорт. Время представления.

Пробираясь через главную площадь в свете послеполуденного солнца, Виглаф отметил, как мало всё изменилось за тот год, что его не было. Жители Калимпорта в большинстве своём представляли из себя простых, славных людей, веривших в честную работу – кузнецы, сапожники, фермеры, другие ремесленники, поставлявшие основной набор услуг и товаров, многими принимаемый как должное. Главой этих самых многих являлся паша, правитель земель Калимшана, избалованный жирдяй, уже неспособный подняться, редкий тип – идеальный поглотитель. Паша никогда не выбирался за пределы своего уединённого дворца, предпочитая изъяслять свою волю через сотни утомляющих бюрократов и слуг. Города-государства в его королевстве постоянно грызлись друг с другом, но с глаз долой – из сердца вон, как говорится, поэтому главный человек страны проводил время в резиденции, чередуя промежутки легендарного обжорства с периодами не менее легендарных кутежей.

И, как подобает большинству морских поселений, из всего населения, в любой день, лишь относительно небольшая часть на самом деле работала. Подавляющую массу жителей Калимпорта – и кровь городской торговли – составляли моряки, как из экипажей кораблей, принадлежащих купцам, так и из военных. Большая часть являлась наёмниками со стороны, плавающими под флагом Калимшана за деньги; многие сошли на берег в первый раз за несколько месяцев – и самые недовольные из них жаловались, что судьба привязала их к этому, по их мнению, жалкому захолустью, в то время как они могли бы наслаждаться многочисленными соблазнами суетливого Глубоководья, дальше к северу вдоль Побережья Мечей.

Но нельзя сказать, что граждане Калимпорта были невежественными, наивными или не имели гордости. Калимшан существовал задолго до Глубоководья, поэтому местные терпели нытьё матросов, закатывая глаза или тайно подмигивая друг другу. Как пелось в детском стишке, «Калимшан был Калимшаном, Глуби делал первый «топ»; так и будет Калимшаном, когда Глуби ляжет в гроб». Хотя и очень общительные между собой, уроженцы Калимпорта предпочитали слушать, а не говорить, когда имели дела с незнакомцами. Мореходы, наряду с постоянным потоком торговцев, разбивающих свои палатки на популярной народной площади за пределами города, приносили частые новости из Глубоководья, Долины Теней, и

остальных Восточных Королевств. И хотя калимпортцы не могли похвастаться насыщенным космополитизмом «так называемого Города Роскоши», а их ряды были почти сплошь представлены людьми, присутствие эльфов, гномов, халфлингов, даже случайных полуорков, было настолько привычным, что оставалось незамеченным.

По правде говоря, Калимпорт сам по себе был намного экзотичнее, чем его гости. Архитектура и стиль представляли собой гремучую смесь традиционного зодчества Сердцеземья и утонченности южных земель джиннов и ифритов. Здешние маковки и заострённые купола были ничем не примечательнее вальм и кирпичных труб.

Приближаясь к своему прежнему району, Виглаф ощущал запахи свежей кожи и жарящегося мяса, приправленного карри; слышал, как звенит о рабочую наковальню сталь, и как пила прокладывает свой путь через очередное бревно. Вечер надвигался, и громогласные слова морских шанти уже вовсю доносились из таверны «Паруса по ветру», а в стойлах фыркали и тонко ржали лошади.

Всё это – а не дворец паши – и было миром Виглафа. Пока он жил здесь, обыденность этого окружения кусала и мучила его, словно клещи, которых ему не удавалось поймать. Но теперь он почти плакал. Как же приятно оказаться дома.

Местные лавочки уже начали закрываться, испустив напоследок порыв жарких переговоров, при которых самые хитрые покупатели стремились воспользоваться желанием усталых торговцев закончить дела на сегодня. Улицы постепенно пустели, оставляя лишь нескольких людей с их ценной добычей – седлом, лампой, топором, стулом, букетом цветов, большим кувшином воды. Невысокая женщина средних лет, как раз та, что с кувшином, разок взглянула на Виглафа и немедленно уронила свою ношу на землю, а её лицо застыло в потрясённом выражении.

- ВИГЛАФ!

Она побежала через всю улицу, со всей скоростью направившись к молодому магу. Саша мгновенно вытащила палаш и приняла атакующую стойку, сквозь сжатые зубы резко вдыхая и выдыхая воздух.

- Всё в порядке, Саша! – осадил Виглаф. – Это моя мать!

Не сбавляя шаг, женщина бросилась в объятия сына, едва не сшибив того с ног. Она покрывала его поцелуями, в то время как пристыженная Саша отступила назад, убрав меч и оглядываясь вокруг, проверяя, заметил ли её оплошность кто-нибудь ещё.

- Виглаф... Виглаф... Виглаф... Виглаф... Виглаф..., - повторяла женщина между поцелуями.

- Привет, мам, - смущённо отозвался юноша, выкарабкавшись, наконец, из её объятий, и заметив, что Саша сдерживает хихиканье.

- Это правда ты! Боженьки мои! Почему ты не сказал, что возвращаешься домой, дорогуша?

- Потому что я решил на это совсем недавно. Мы бы прибыли сюда ещё до того, как ты получила об этом сообщение.

- Ой, да, конечно пришли бы. Ой, боженьки мои! – на секунду на лицо матери набежала туча. – Ты ведь просто пришёл в гости, сынок? Не потому, что... не справился с обучением?

- Нет, не поэтому, мэм, - вмешалась Саша. – Он один из лучших учеников, из всех, что Мастер Фензиг когда-либо наставлял.

Оба Вечноязыких повернулись к блондинке: Виглаф в изумлении, а его мать – светясь от гордости.

- Ой, а это, должно быть, твоя подруга, о которой мы столько слышали.

- Саша, позволь представить тебе Ариэль Вечноязыкую, мою мать, - продекламировал Виглаф, всё ещё основательно сбитый с толку. Лучших учеников? Подруга? Слышали?

- Рада знакомству, - с улыбкой промурлыкала воительница и грациозно поклонилась.

- Виглаф, твой отец будет так рад повидаться с тобой. Сейчас я к нему побегу...

- Мама, я бы предпочёл сделал сюрприз, хорошо? Пожалуйста.

- Ну... хорошо. Я просто... пойду домой и... что-нибудь приготовлю. Подготовлю гостиную, и... - Ариэль ущипнула сына за щёку, – твою старую комнату.

Лицо Виглафа залилось румянцем, к вящему и нескончаемому удовольствию белокурой спутницы.

- Спасибо, мам. Мы скоро нагоним.

- Я так рада наконец встретиться с тобой, - сказала Ариэль Саше, потом отошла на шаг, снова посмотрела на Виглафа, разразилась слезами радости, и убежала, всхлипывая и причитая «Боженьки мои!»

- Мамы, - подытожила воительница. – Что собираешься делать?

Маг, нахмурившись, повернулся к ней.

- Саша, что всё это значит?

Но прежде чем девушка ответила...

- ВИГГИ!!!

- О нет, - пробормотал Виглаф.

Крепкий, чернобородый мужчина вывалился из дверей «Парусов» и радостно затопал к парочке, сжимая в здоровенной ручище кружку. Ростом он был не меньше Саши – нет, когда он подошёл, стало ясно, что даже выше; рука девушки инстинктивно сжалась на рукояти оружия. Более того – он был просто огромен и обладал тем видом ширококостного сложения, который достаётся по наследству, но затем поддерживается тяжёлым ручным трудом. Виглаф никогда не видел великанов, но этот человек был больше всего из всех встреченных юношей существ на них похож – причём конкретно этот великан сейчас веселился.

- То-то я думаю, знакомое имя услышал, - прогрохотал громила резонирующим басом. Пятна пота на его одежде остались ещё с дневных трудов, а борода хранила остатки позднего обеда и возлияний. Он почти добрался до Виглафа, но остановился, вперив взгляд в Сашу, подобно охотнику, наблюдающему за намеченным оленем.

- Так, так, так, что тут у нас? – плотоядно оскалился великан.

- Саша, - Виглаф махнул рукой, - познакомься с Ангродом Мечешлёпом. Мы были соседями. Его отец – кузнец... и, полагаю, ты пошёл по его стопам?

- Ага, малыш Вигги, и мечи – не единственное, по чему мы любим пошлёпать, - ухмыльнулся чернобородый, оглядывая Сашу с головы до ног.

Девушка не шевелилась и спокойно смотрела на громадину.

- Ещё шаг, друг-перерослик, и я засуну твою шлёпалку прямо тебе...

- Саша! – рывкнул Виглаф.

- Ничего страшного, крошка Вигги, - хмыкнул Ангрод, положив ладонь на костлявое плечо юноши. – Пойдём в «Паруса», повспоминаем былое! – он ткнул кружкой в сторону питейной, выплеснув при этом солидную порцию эля. – И ты, мисс... если ты мужчина.

Захваченный могучей лапищей здоровяка, всё, что Виглаф смог сделать, это одними губами произнести «Помоги мне!», обращаясь к Саше – которая лишь пожалала плечами и последовала за приятелями внутрь.

«Паруса по ветру» были одним из тех заведений, где все знают друг друга по имени. Деревянные столы и лавки, барная стойка с отметинами от ножей, жаркий, сложенный из кирпичей камин – вся мебель выглядела так, будто она стоит здесь уже несколько столетий; как, впрочем, и некоторые из посетителей. За стойкой стояла Гарадель – уже много лет как предприниматель, владелец, но при этом трезвенник, и главный поставщик сплетен округи. И когда её взгляд упал на Виглафа, седовласая, но всё ещё бойкая женщина поняла – в двери только что вошла порция восхитительных новостей. Внезапное появление Виглафа было настолько поразительным, что все присутствующие почти не придали значения даже не менее поразительной воительнице.

- Посмотри, кого орки принесли, Гарадель! – выкрикнул Ангрод, и в помещении стало тихо, как в молельне.

- На-те вам, Виглаф Вечноязыкий! - воскликнула хозяйка. – Я думала, ты давно помер, так и уткнувшись лицом в свои книги заклинаний!

- Просто вернулся навестить родных, Кэрри, - ответил тот.

- И повидаться со старыми приятелями! – добавил Ангрод. – Скажи-ка, Вигги, все те рассказы, что мы слышали – правда? Когда ты швырялся овощами в воздух, пока твоя сладкая подружка стояла и смотрела?

Виглаф покраснел и повернулся к Саше. Ни тени улыбки не тронуло её лица.

- Новости доходят сюда быстро, Вигги, - продолжал Ангрод. - Мы всё слышали о твоём грандиозном магическом шоу в Чамедаре.

- Ауч, - фыркнула Гарадель.

- Он наколдовал на себя слепоту и глухоту, - крикнул кто-то.

- И закинул корову на дерево! – поддакнул другой.

Юноша сделал глубокий вдох. Всё правда. Все его попытки сотворить чары пошли наперекосяк в тот день; это был самый унижительный опыт в его жизни. Но узнать, что его провал стал известен даже тем людям, среди которых он вырос – это было больше, чем он мог вынести.

- Ооо, мой Вигги, мы все по-настоящему рады, что ты наконец образумился и вернулся домой. Кроме того... нам нужно немного магических овощей для ужина! – раскаты издевательского хохота наполнили «Паруса», а кружки застучали об столы.

- Во-первых, - взревел Виглаф, мгновенно получив в своё распоряжение тишину. – Меня зовут не Вигги. Ты знаешь, что я ненавижу это сокращение, Ангрод. Вы прекрасно знаете моё имя, вы все – используйте его. Во-вторых, конечно, я делал ошибки, но также весь прошедший год я учился, и определённо усвоил интересный

трюк-другой, - Саша предостерегающе сжала его руку. – И обучение своё я ещё не закончил, так что собираюсь стать ещё лучше.

- В-третьих, - добавил за него здоровяк, - и в-четвёртых, и в-пятых, и в-шестых, Виг-ЛАФ, – он намеренно протянул последний слог, - ты живёшь в выдуманном мире. Притворяешься. На самом деле ты один из нас, приятель. Рабочая пчела. Трутень. Шестерёнка. Муравей. Творить магию – не для таких, как мы. Это для выпендрёжников и маменькиных сыночков, никогда в жизни не работавших до честного трудового пота.

- Ты даже не представляешь.

- Нет, дружок, это ты не представляешь. Снова и снова жизнь будет вдалбливать тебе в лицо эту истину, так тогда в Чамедаре. Если будешь пытаться выбраться из той реки, в которую тебя погрузила сама Судьба, ты будешь падать обратно, пока однажды не потеряешь силы и не утонешь. Ты не большой и страшный волшебник, друг. Кто ты есть – это тот, кем является твой отец, и кем был его отец, и отец его отца. Привыкай к этому, Виглаф. Ты всего лишь пекарь.

- Хватит! – раздался голос позади них. Высокий, худой, благородно выглядящий человек в белом фартуке стоял в дверном проёме таверны, и пятнышки того же цвета, что и передник, испещряли его лицо, передок туники и кончики пальцев. – Виглаф, мать уже приготовила ужин.

- Уже иду, отец, - отозвался Виглаф.

Он обернулся на толпу, прежде чем направиться к двери. А когда Саша проходила мимо Ангрода, рукоять её меча задела кружку, скинув её кузнецу на колени; но девушка не извинилась, лишь улыбнулась, уходя прочь.

- Я хотел сделать тебе сюрприз, - сказал Виглаф, когда Торин Вечноязыкий проводил их домой.

- Твоя мать не сможет сохранить секрет, даже если он заперт в детской комнате паши, - хмыкнул Торин. – Ты уже должен бы знать это. – Он остановился посреди улицы. – Трактирные пересуды недорого стоят, сын. Добро пожаловать домой. Мы очень гордимся тобой.

- Мы очень гордимся тобой, дорогуша, - двадцать минут спустя подтвердила Ариэль, когда Виглаф и Саша со ртами, полными слюны, жадно нажились на ужин.

Мать Виглафа вывалила на стол целый ассортимент пряного мяса – местного фирменного блюда – любовно сваренные на пару овощи и, что лучше всего, горячий свежий хлеб и кексы из отцовской пекарни, одного из старейших из действующих учреждений Калимпорта. После стольких дней безвкусных дорожных пайков гости выразили признательность своим аппетитом. Виглаф был рад наблюдать за Сашей – она вела себя непривычно воспитанно, и его родителям, похоже, нравилась её компания. Всё-таки правда, подумал он. Нет другого места, похожего на дом.

- И я надеюсь, ты испытываешь те же чувства по отношению к нам, сын, - сказал Торин. – Эти бездельники из «Парусов» могут говорить что угодно, но ни один человек не должен извиняться за честный труд. И я ни разу не видел, чтобы они отвергали плоды моих печей, а ты? - Виглаф смущённо улыбнулся, когда отец положил руку ему на плечо. – Ты выбрал другой путь, и мы рады за тебя. Признай, -

широко ухмыльнулся высокий мужчина, - ведь в любом случае ты никогда не был моим лучшим учеником, не так ли?

- Его мысли витали где-то в другом месте, дорогой, - смешливо предположила Ариэль.

Торин подмигнул Саше.

- Ну что же, давайте поблагодарим небеса за то, что его мысли сегодня вместе с ним. Дома.

Молодой маг поднял полную сладкого сидра кружку, а остальные присоединились к нему.

- Дома, - повторил он, закрепив сказанное звоном стаканов.

На следующее утро, с полным животом и отдохнувшим телом, Виглаф, взяв Сашу, отправился показать ей виды города, и первым делом направился к своему любимому месту – побережью.

Будучи подростком, Виглаф проводил здесь часы и часы, мечтая о землях, что страннее даже Песчаных Империй; о людях, что путешествовали даже больше матросов, чьими историями он заслушивался; о неведомых и несчётных героях и походах. Простор открывавшего здесь вида многих людей заставлял почувствовать свою незначительность, но Виглаф видел эту ошеломительную картину как окно в большой мир, манящий потенциальными возможностями. Здесь он ощущал себя значимым, а не ничтожным.

Линия берега рябила проходами, пещерами и гротами, выдолбленными бесконечным напором вод Сияющего Моря, и парочка скрылась от тёплого солнца и солёного воздуха в одном из таких тайных убежищ. Зайдя в пещеру, они остановились при виде открывшегося им зрелища.

Аккуратные водопадики метровой высоты питали озерцо с кристально чистой водой, метров девяти в поперечнике и окружённое каменной каймой, по которой можно было пройти. Когда их глаза привыкли к тусклому свету, девушка с магом осторожно пошли вдоль периметра к тому месту, где уровень воды практически достигал края. Пока Виглаф вышагивал, словно балансирующий акробат, вытянув руки в стороны и ставя ступни на одну линию, Саша уже погрузила руку в изумительный водоём.

- Вот такую магию я люблю! – охнула воительница. – Тёплая!

Она отстегнула меч и прыгнула в воду. Несколько мощных гребков подвели её к центру бассейна. – Ааа, замечательно! Присоединяйся, кудесник.

Пока юноша смотрел за купанием Саши – ведь кто бы мог устоять перед таким зрелищем – его нога зацепилась за выступ, и он кувыркнулся в озеро, выдав безупречный шлепок пузом о воду, вызвавший в пещере эхо. Отплёвываясь и осыпая всё брызгами, он немного побарахтался, но в следующий миг Саша уже была рядом, а Виглаф – в её руках; в других обстоятельствах он наслаждался бы этим фактом сполна, но сейчас его гордость лежала на кону – а точнее, на плахе.

- Идеальный пируэт, о, магоносный, - фыркнула белокурая красавица, подтащив незадачливого волшебника обратно к обрамляющей водоём кромке.

Наконец обретя опору, Виглаф начал возмущённо оправдываться:

- Я, э, просто немного неуклюж в воде. В этой мантии сложно двигаться. Я неправильно приземлился.

Саша неверяще смотрела на него.

- Стой, стой! Ты вырос в Калимпорте, на берегу океана, и не умеешь плавать?

Он глубоко вдохнул, собираясь ответить, но потом выдохнул. Живот болел после столкновения, но паника уже улеглась, и сейчас вода была такой кроткой и успокаивающей, почти температуры его тела, так что Виглафу казалось, что он плавает в воздухе. Рябь от поднятых им брызг разглаживалась, формируя красивое мерцающее сияние чуть ниже поверхности воды.

Что?

- Саша, там внизу что-то есть! – возбуждённо крикнул парень. Под водой, на камне на уровне колен, определённо что-то поблёскивало в тёмном водоёме. Зацепившись за природный бортик, одной рукой волшебник потянулся достать неведомое нечто и после некоторых усилий высвободил.

Предмет оказался бутылкой, из тех, что можно использовать для передачи послания с необитаемого острова; Виглаф едва мог удержать её одной рукой. Ему не удавалось чётко увидеть содержимое через полупрозрачную поверхность, но что-то внутри продолжало слабо мерцать. Когда молодой маг крутил сосуд в руках, создавалось впечатление, что стекло отражает яркий солнечный свет. Он посмотрел вверх, надеясь увидеть источник, но никакого солнца в гроте не было. Парень осторожно поставил бутылку на камень и вскарабкался рядом, в то время как Саша с лёгкостью выскользнула из бассейна.

Мокрый от воды юноша вытянул бутылку перед собой и потянулся к горлышку, но там, где обычно бывает пробка, не было ничего, кроме гладкого стекла. Он удивлённо отдернул руку, при этом смахнув бутылку с ладони. Предмет, казалось, на мгновение завис в воздухе, а потом упал на каменную дорожку и разлетелся вдребезги.

- Нет! – вскрикнул маг. Но его испуг сразу испарился, когда он увидел среди осколков светящийся свёрток. Юноша осторожно поднял его и стряхнул остатки стекла.

Кулёк оказался квадратным, размером чуть больше, чем два кулака, и тщательно запакованным. Гладкий, матовый, молочно-белый материал туго обтягивал содержимое. Виглаф заметил, что хотя с тыльной стороны ладони всё ещё капало, сам пакет был сух, как камень в пустыне, а его поверхность мгновенно впитывала влагу с кончиков пальцев, когда он по ней проводил. В качестве эксперимента он погрузил уголок находки в воду и снова потрогал. Совершенно сухая; при этом, снова поглотив капли с подушечек пальцев, она оставила на них тонкий слой мелкого белого порошка.

Внутри точно что-то было, что-то угловатое и податливое, и ещё один предмет, твёрдый и цилиндрической формы. Но крепкая, впитывающая материя, оберегающая сокровище, не имела ни одной неровности. Виглаф ощупывал и разглядывал, но так и не нашёл никакой застёжки или зажима.

- Бесполезно. Запечатано наглухо.

Юноша вздохнул и поднял руки, будто сдаваясь – только чтобы обнаружить, что ладони и основания пальцев тоже покрыты белым порошком. Из любопытства маг покрутил его между подушечками и с удивлением обнаружил, что странная пудра собирается в маленькие комочки. Один такой он поднёс к языку и попробовал, прежде чем Саша успела его остановить.

Лицо Виглафа просветлело.

- Мука! Это мука!

- Она же и покрывает, - отозвалась девушка.

Виглаф вновь посмотрел на свёрток. Защитная обёртка теперь отваливалась большими пластами, рассыпаясь на глазах. Парень попытался подобрать кусок, но поднял полную муки руку. Сдув её, он обнаружил ещё одно открытие.

В середине груды муки лежал предмет кремового оттенка, квадрат длинной в палец, который, похоже, был одной из частей большего куска, судя по неровному краю. Здесь же была маленькая баночка, полная мутной вязкой жидкости, с плавающими в ней кусочками чего-то. Под предметами Виглаф увидел сложенный пополам лист пергамента, усыпанный странными вертикальными каракулями – полукруглыми значками, пересекающимися в середине линиями, расставленными в определённых местах точками. Сухая бумага хрустнула, когда юноша её развернул.

- Можешь прочитать? – уточнила Саша.

- Торасс.

- Прошу прощения?

- Написано на Торассе. Старый Всеобщий, - Виглаф наклонился, вглядываясь. – Никто его больше не использует. Нельзя сказать, сколько лет этим предметам, Саша. Может, сотни.

- Зуб даю, что Фензиг сможет это прочесть.

Молодой маг нахмурился.

- К твоему сведению, он и меня учит на нём читать.

- Хорошо. Тогда переводите, Ваше Кудесие.

- Ну... Я только начал, а это вообще-то мёртвый язык, поэтому я не очень-то...

- ... и у тебя возникли проблемы с изучением. Замечательно. Как раз когда порция книжных знаний нам бы пришлось кстати.

- Погоди, погоди. Кое-что я усвоил. «Время»..., нет, «Год»... «нет-еды»

- Ага. Предельно ясно.

- Саша, пожалуйста. «Делай... блюдо»... нет, «хлеб... чудес. Делай год... много-еды».

Рот Виглафа раскрылся. Он медленно повернулся к другим предметам.

- Саша, ты понимаешь, что произошло? Понимаешь, что мы нашли?

- Нет, моя много понимать-не.

- Должно быть, кто знает, давным-давно случился голодный год. И тогда могучий колдун – или может, целая группа – создал это, - он вытянул квадратный кусок и повертел в руках. – Глупый я, оно же прямо передо мной. Тесто. Это же опара! Из неё получается этот хлеб чудес! – он схватил баночку. – А это наверно хлебная закваска – чтобы сделать ещё больше теста!

- Ну вот, теперь я голодна.

- Нет, неужели ты не видишь? Эта штука превратила Год Голода в Год Изобилия. Может быть, даже спасла всю нашу цивилизацию. Они, скорее всего, спрятали её здесь на случай, если голод вернётся.

- Думаешь, оно ещё работает?

- Не вижу причин, почему нет. В Луирене нашли флягу эля из древнейших времен, и напиток оказался вполне отличный. Как и рецепт, найденный вместе с ней. Теперь все тамошние таверны подают Древнейший Стаут. А эта находка может быть ещё значительнее!

Взбодороженный волшебник вскочил, раскинув руки.

- Саша, это величайшее открытие, которое когда-либо видел Калимшан! – он начал заваливаться в воду, но девушка успела вовремя.

- Эй, хватит на сегодня плавания, хорошо, Виглаф? Давая просто отнесём твой чудо-хлеб обратно в город.

В «Печах Вечноязыких» на полную дневную ставку работали три пекаря; два подмастерья, занимавшиеся обчётом, закупками, составлением списков, запасанием и контролем постоянного потока поставок; и – самая низшая ступень в хлебопечной иерархии – поварёнок, в чьи обязанности входило нескончаемое поддержание полов и стоек настолько чистыми, насколько позволяло дело, и возвращение использованного инвентаря обратно в рабочий процесс, но уже начищенным и блестящим. Некоторое время даже сам Виглаф был поварёнком – незавидная позиция, через которую, однако, предстояло пройти всем, кто хотел подняться по лестнице поварского мастерства. Даже лавочный кот, по кличке Сдобовой, расценивался как инспектор.

Торин и прочие ещё до восхода начали работать над поставкой утренней выпечки, и уже перешли к изготовлению свежих буханок для вечернего приёма пищи, когда в пекарню, вернувшись с прогулки, ворвались Виглаф с Сашей. Булочки обрадовались старому коллеге, но они были ужасно заняты. Виглафу не раз пришлось уворачиваться от мельтешащих людей, пока он пересказывал все события сегодняшнего дня – все, кроме необычной находки на дне бассейна, заметила девушка. Но в самый напряжённый момент маг вынул сокровище из кармана и поднял над головой, будто это какой-то зачарованный меч.

Когда у работяг появилась возможность увидеть что-то осязаемое, вся суэта прекратилась. Они с опаской приблизились к тесту и баночке, которыми потрясал Виглаф. Только Сдобовой, спящей буквой U изогнувшийся на подоконнике, не проявил интереса.

- Если это не опара, то я – балерина, - подивился Сэм Браунстоун, один из пекарей-старожилов Торина. Юноша протянул предмет тому на изучение. – Самая отвратительная из всех, что я видел, - он слегка помял образец. – Как будто свежая, но сухая, словно поверхность пустыни. Мы должны поверить, что ей сотни лет, господин Вечноязыкий?

- Может быть тысячи! – возопил Виглаф.

- Так что ты собираешься с этим делать, сын? – поинтересовался его отец.

- Ну, если здесь никто не знает, куда её пристроить, схожу с предложением в другое место, - широко улыбнулся молодой маг.

- Ты же не думаешь, что после стольких лет она ещё на что-то годится?

- Есть только один способ узнать, отец.

Торин Вечноязыкий помолчал, обдумывая.

- Ну хорошо, но только после того, как закончим с сегодняшней выпечкой. Сегодняшней, джентльмены.

Чары спали, и хлебных дел мастера торопливо вернулись к своим обязанностям.

Виглаф прыгал от радости.

- Так чего же мы тогда медлим? Дайте мне фартук, и я помогу!

Саша откашлялась, прочищая горло. Во всей этой суматохе на неё даже не обратили внимания.

- Думаю, для меня сейчас как раз подходящий момент, чтобы пойти прогуляться. Увидимся позже, Виглаф.

Он ответил коротким взмахом руки и нырнул второй раз за день – в бешеный поток работы в отцовской пекарне.

Было приятно вернуться к прежнему ремеслу. Если свежий, горячий хлеб – добрая еда, то его изготовление – достойный труд. Иногда те, кто с радостью когда-то покинули своё дело, сталкиваются с воспоминаниями о былых тяготах, приходящими в виде запахов и звуков; Виглаф лично знал бывшего кузнеца, которых ненавидел запах лошадей и подпрыгивал от кусачих звуков ударов металла о металл. Парень всегда считал, что если когда-нибудь сможет сбежать из булочной, то никогда больше туда не вернётся. Но он понимал, что любая профессия становится рутинной, если приходится делать то, что не хочешь – даже обучение магии. А любой, кто когда-либо проходил мимо булочной, знает – не так много существует других не менее дразнящих ароматов; удовольствие вдыхать их не миновало и самих пекарей.

Виглаф помогал с подготовкой, очисткой, и, особенно, с обслуживанием покупателей, в котором всегда преуспевал. Большинство заходивших посетителей были стародавними знакомыми, знавшими его всю жизнь, поэтому они удивлялись, завидев его за работой, и каждому он рассказывал про свою последнюю находку. Вторая половина дня пролетела, и до того, как юноша узнал об этом, последние буханки – те, что сами булочники заберут себе домой – лежали в корзинах, исходя дымком.

С серьёзностью группы опытных целителей, хлебопёки приготовились сотворить ломоть хлеба из особого теста Виглафа. Поварёнок разогрел воду в котле. Сэм Браунстоун набрал немного в большую миску и предоставил молодому магу честь совершить волшебное открытие.

- Так, нужно всего полбуханки, - предупредил Виглаф, - так что используем в два раза меньше ингредиентов. Сначала испытаем.

Он осторожно бросил кусочек теста в ёмкость и помешал смесь вилкой. Все в комнате, затаив дыхание, следили за этим, обычно обыденным действием; Сдобовой

даже сорвался с места и вился у ног, соревнуясь за внимание. Вскоре опара полностью растворилась.

Сэм погрузил чайную ложечку в мешок с сахаром. Все знали – это момент истины; возможно ли, чтобы дрожжи не потеряли своих свойств за всё это время? Важно взглянув на громко сглотившего Виглафа, Сэм высыпал сахар в воду и начал размешивать.

Смесь начала пузыриться.

Пекари испустили дружный, радостный вопль.

- Живое! – приободрился Сэм, хлопнув Виглафа по спине. – Хорошо!

Старый булочник набрал воды в другую посудину и сноровисто вмешал туда мёд, соль и муку. Затем, постепенно – так медленно, что почти мучительно – добавил жидкое тесто. Оно легко растворилось, будто само зная, что дальше делать.

Наконец удовлетворившись консистенцией, Сэм перевернул миску, и большой комок нежно-кремового цвета шлёпнулся на стол. Хлебопёк раскатал его в блин, затем начал формировать буханку; надавливая, заворачивая, собирая, переворачивая – изящными текучими движениями, заморожившими публику так же верно, как это сделало бы колдовство.

- Славное тесто, Виглаф, - поделился Сэм, массируя смесь. – Уж не знаю, каково оно на вкус, но под рукой ощущается, словно мягкая молодая девушка.

- Значит, так же оно будет ощущаться под рукой Достойнейшего! – внезапно раздался от двери визгливый голос.

Все головы повернулись в сторону гостя – невзрачного, лысеющего, похожего на мышь человечка, несущего перед собой потрёпанный грессбук, словно это священное писание. Его ослепительно-красное одеяние сбилось из-за резного золотого кулона, размером почти с неплохой щит, свисающего с шеи – который, кстати, наверняка нёс как минимум частичную ответственность за его сутулость. Торин издал едва слышный стон, когда посетитель заковылял, точно умирающий гуль, через прихожую, попутно вынудив Сдобового забиться в дальний угол.

- Виглаф, имею честь представить тебе уважаемого Хассана А'Зануди, собственной официальной персоной - возвестил он голосом, полным едва прикрытой нарочитой монотонности.

- Х'Ассануди, - поправил хорёк.

- В любом случае, - протянул пекарь, закатив глаза, - он – сборщик налогов.

- Младший специалист по экономике внутреннего перераспределения средств, - продекламировал маленький человечек, - в западо-северо-западной пригородной торговой зоне города Калимпорта, королевства Калимшан, на услужении у Могущественнейшего из Могущественнейших, Его Королевского Благожелательства.

- Мы уже заплатили, кому нужно, - сказал Торин.

- А, но это особый визит, - возразил бюрократ. – От внимания Его Щедрейшей Щедрости не укрылось то, что в этих землях, в его королевстве обнаружены тайные артефакты, могущие иметь ценнейшую историческую... эээ... ценность.

- Твои покупатели разболтали, Виглаф, - подарил Торин сыну унылый взгляд.

- Да это же просто проклятая буханка хлеба, ничего больше! – воскликнул Сэм, всё ещё машинально разминая тесто.

- Вне зависимости от сего факта, согласно сноске одиннадцать, подраздела «двойное Т» тридцать четвёртого параграфа пятьсот двадцать пятого королевского декрета Его Невыразимой Восхитительности, находки исторического значения подлежат дополнительному обложению.

- Ну, этот хлеб совершенно точно сейчас не подлежит, - сказал Торин, сжав кулаки. – Хассан, как ты собираешься оценивать стоимости груды теста?

- Их Великодушная Влиятельность предвидел проблему, и проинструктировал меня получить дань натурой. Нижайше восхищаюсь его безбрежным благодушием по отношению к вам.

- Что он сказал? – спросил Виглаф.

- Его хозяин хочет тесто, - со вздохом объяснил отец.

Х'Ассануди прошаркал к столу Сэма и потянулся за ножом.

- Дополнительное обложение на тайные артефакты покроется... вот этим, - он отмахнул две трети комка, завернул в кусок какой-то тряпки и пошлёпал к двери. – От лица кухонных мастеров Его Устрашающей Всеядности выражаю благодарность за проявленную в этом вопросе патриотическую инициативу, и желаю приятного и спокойного вечера.

Липкий осадок его визита висел в воздухе ещё много мгновений после того, как чинуша ушёл.

- Он имел право? Как он мог иметь на это право? – пожаловался Виглаф.

- Могло быть хуже, приятель, - заметил Сэм, снова раскатав остатки и придав им затем форму. – По крайней мере хоть что-то оставил. А вон та баночка так вообще не добралась до ушей набольшего. Крючкотворы совсем про неё забыли. Лучше убери подальше, пока этот грызун не решил вернуться.

- С удовольствием вылил бы ему тогда на голову, - поделился юноша, сунув склянку в карман мантии.

- Ну, неважно, - сказал Торин. – Давайте готовиться к закрытию. Оставим тесто на ночь, чтобы взошло.

Сэм поместил жалкий крошечный шарик в промасленную деревянную чашку – самую маленькую из имевшихся – накрыл куском ткани и поставил в тепло от больших печей.

- Сын, заглянешь на ужин?

- Попозже, пап. Собираюсь найти Сашу и сходить в «Паруса». Хочу посмотреть на их лица, когда они услышат, что самые громкие новости Калимпорта пришли из пекарни.

Найти девушку и посетить таверну – вышло так, что эти две задачи оказались одной. После целого часа, или около того, бесплодных поисков, Виглаф наконец заглянул в питейную – чтобы обнаружить там вечернюю торговлю в полном разгаре, и Сашу у стойки, о чём-то упоённо рассказывающую Гарадели и

потягивающую одно из лучших вин со специями, что имелось у хозяйки, в окружении пяти или шести завсегдатаев. Она заметила его в дверях и помахала рукой, давай знак зайти.

- Обзавестись друзьями не заняло у тебя много времени, - улыбнулся молодой маг.

- Ну, некоторые дружелюбнее остальных, - поделилась она, указывая на Ангрода и его дружков, каждый из которых обнимал по кружке эля, за дальним столиком. – Вон тот очень дружелюбный.

- Он сказал, что хочет побороться с ней! – воскликнул один из гостей, у которого не доставало зубов. – Что покажет парочку движений! – поддакнул другой, и вся компания ехидно захихикала.

Виглаф побледнел.

- Ах ты... - двинулся он было к кузнецу, но Саша удержала юношу.

- Нет, нет. Я ответила, что звучит неплохо.

- Саша предложила борьбу на руках, - объяснила Гарадель, не отрывая взгляд от протираемой тряпкой стойки. Внезапно, похожий на плевок сдерживаемый смешок сорвался с её уст.

- Ты победила? – недоверчиво предположил Виглаф.

- Этого громилу? О, нет, он выиграл, выиграл. Но поверь, он за это заплатил.

- Ему пришлось провести три раунда! – каркнул один из посетителей, и другие тут же присоединились.

- Его лицо стало красным, как помидор!

- Он визжал, словно баньши!

- Я думал, он порвёт себе кое-что!

- Заметь, кружку он держит левой рукой, - кивнула Саша на Ангрода, когда тот опустил выпивку, чтобы помять правое запястье. – Думается мне, господину Мечешлёпу борьбы на сегодня хватит.

В тот же день за ужином, Торин Вечноязыкий громко и долго хохотал, слушая рассказ Саши, в то время как Ариэль скромно улыбалась, глядя на «подругу» своего сына. К легкому разочарованию Виглафа, пересказывать в «Парусах» подробности своего триумфального открытия не пришлось – в течение дня новости о находке добрались сюда так же быстро, как и до дворца паши. Но бесплатную кружку выпивки от Гарадель он получил, и уже через короткое время грелся в лучах славы, как и рассчитывал – по чуть-чуть добавляя уйму вполне точных и вкусных деталей для страждущих слушателей. Наконец, когда муки голода разогнали всех по своим домам, к вечернему столу, Виглаф и Саша вернулись в их временное жилище.

- Молодой Мечешлёп не будет долго страдать, - разуверил Торин. – Он пыжится и ревёт, словно дикий зверь, но вреда не причиняет. Ваш маленький поединок наверняка пойдёт ему на пользу.

- Мне-то точно пошло, - согласилась Саша. – Теперь он дважды подумает, прежде чем...

- Торин! – донёсся снаружи приглушённый голос. Дверь дома Вечноязыких затряслась от непрекращающегося стука. Торин подбежал и открыл её, и на пороге предстала возбуждённая Гарадель.

- Кто-то забрался в пекарню! – затрещала она. – Кошка вопит, что-то разбилось – нужно остановить их!

Саша вскочила на ноги и перекинула перевязь меча через голову, а Торин схватил с камина топор. Виглаф отчаянно обыскивал карманы, напуганный до ужаса тем, что, возможно, оставил драгоценную книгу в Чамедаре, и теперь Фензиг поджарит его на вертеле, после того как сперва грабители разделаются с его отцом.

- Моя книга! – завопил он.

- Ой, боженьки мои, - всплеснула руками Ариэль, подбегая к каминной полке. – Не это ищешь? – она держала самую ценную, самую красивую, самую чудесную книгу заклинаний, которую Виглаф хоть когда-либо видел. – Я всегда вытаскиваю всё из карманов, прежде чем постирать, дорогой.

- Ну мама... - юноша схватил книгу, и они все вместе исчезли.

Пока они мчались в пекарню, Гарадель кричала что-то о том, что некоторые гости таверны жаловались на шум за дверьми – кошачья драка, судя по нечеловеческому шипению и воплям. Затем они услышали, как кухонные приборы рассыпались по полу и громкий треск, а кот заорал ещё сильнее. Воры редко добывали свой будущий товар здесь, в рабочем квартале Калимпорта, и лишь небесам ведомо, какие ценности они ожидали найти у булочника. Но всё когда-то бывает в первый раз, да и, в конечном счёте, существует и такое явление, как очень глупые грабители.

Подгоняемые адреналином, они добрались до пекарни за несколько минут, уже готовые действовать. Залитые слабым лунным светом улицы, озаряемые трепещущим сиянием размещённых в стратегически важных местах ночных факелов, были почти безлюдными. Несколько зрителей в ночных пижамах, из числа посетителей «Парусов», наблюдали с порогов своих домов напротив. Саша подкралась к двери в лавку и тихо толкнула. Заперто.

Они прислушались. Не было ни грохота, ни звона, лишь один звук – жутковатый вой с подвываниями, который могли бы использовать родители, рассказывая детям истории про привидений. Никогда Вечноязыкие не слышали, чтобы Сдобовой так вопил; звучало как издевающийся над нотной партией альт. Животное было не просто напугано – по скручивающейся спирали оно приближалось ко всепоглощающему кошачьему ступору.

- Они услышали нас! – громко прошептал Виглаф.

- Держись позади, - прошипела Саша вытащив меч и встав в стойку. – Господин Вечноязыкий, пожалуйста, откройте замок.

Торин сунул ключ и провернул; дверь медленно отворилась, из-за чего уровень громкости жуткого воя Сдобового резко вырос. Саша стояла в проёме, напряжённая, готовая дать отпор, в то время как отец юноши быстро заглянул внутрь и потянулся за приготовленным на утро факелом, который он затем передал Виглафу, взяв на изготовку топор.

Перед стойкой было пусто. Спустя несколько секунд внутрь заглянул уже маг с зажжённым факелом, и троица медленно двинулась вперёд, через прихожую к кухне.

Увидев свет, Сдобовой замаякал ещё громче, и все трое подняли взгляд наверх, туда, где на самом верху печей прятался ошестинившийся, сердито шипящий кот. Они проследили за взглядом животного.

Горшки и сковородки, миски и ложки, аккуратно сложенные днём на столах для выпечки, сейчас оказались разбросанными по полу. Деревянная посуда, в которой доходила крошечная буханка Виглафа, валялась на боку пустой.

- Мой хлеб! Они украли мой чудо-хлеб! – прошептал Виглаф.

- И как-то выбрались отсюда, - ответил Торин нормальным голосом. – Спускайся, Сдобовой. Всё в порядке, мальчик.

Но кот не пошевелился. Саша подняла руку.

- Я вижу чью-то спину. Там, - Виглаф поднял факел выше, и вся компания разглядела кривую фигуру, скрючившуюся сразу за столом. – Выходи, - приказала воительница. – Всё кончено. Сейчас же!

Ответа не последовало. Вечнотыкие и Саша опасливо приблизились к затаившемуся силуэту. Когда они обогнули стол, Сдобовой внезапно перепрыгнул через головы, одним прыжком долетев до стола, оттуда соскочил на деревянный пол и стремглав исчез за дверью.

Но за столом никого не было. Никого и ничего.

Кроме одного предмета.

Вытянутого куска теста кремового цвета – размером с самую большую из собак, что можно найти в Калимпорте.

Высотой оно едва достигало уровня стола для выпечки – итого размером с пол-Виглафа. В длину же – в два раза больше. Шмат оказался зажатым в узком пространстве между столом и камином.

- Бабушка родная! – воскликнул Торин.

- Чудо-хлеб! – восторженно пролепетал его сын.

Саша коснулась этого огромного холма кончиком меча, и он с лёгкостью погрузился внутрь, издав влажный хлопок, когда прорезал пузырь воздуха, из-за чего в девушку полетели брызги и маленькие кусочки. Белокурая девушка извлекла оружие; клинок был весь покрыт густоватой субстанцией.

Висевший около печи тяжёлый горшок опрокинулся с оглушительным дребезжанием. Саша и Торин обернулись на звук, но Виглаф всё ещё благоговейно наблюдал за чудом.

- Виглаф, - позвала Саша.

- Так вот как они накормили всех людей в Год Голода, - догадавшись, ликовал он.

- Виглаф, - повторила Саша.

- Прощай, голод. Прощай, неурожай.

- Виглаф! – крикнул, наконец, Торин.

Виглаф повернулся.

- Сын, оно всё ещё поднимается.

Масса уже пробилась дальше к печам. Теперь она почти поглотила металлический вертел, который удерживал над огнём котёл с водой. Троица резко развернулась. Жуткий курган уже возвышался над выпекательным столом на целый локоть. Когда люди стояли молча, то могли даже видеть, как тесто тихо, неумолимо прибывает, словно воды реки на отмель при наводнении.

- Так, давайте тогда уберём его отсюда, - предложил Виглаф и засунул руки в гору теста по локоть, а потом вытащил большую охапку вязкого вещества. Следы от его рук исчезли за секунды, опара поглотила их, а ещё юноша ощутил, что липкий шар, который он держал, увеличивается в размерах, раздуваясь, словно овечье вымя. И скорость всё увеличивалась. Он швырнул ломоть-великан обратно во всё расширяющееся месиво.

- Следующая мысль? – подняла одну бровь Саша.

- Сколько времени эта штука здесь настаивалась? – спросил Торин.

- Два, три часа? А что?

- Сколько времени она ещё будет подниматься!

С возросшим ужасом группа уставилась на хлебную гору. Теперь её рост было легко отследить. Тесто ползло мимо каминной решётки у дальней стены – медленно, со скоростью улитки, просачиваясь через прутья словно мягкий сыр, нависая над тлеющими углями. А на противоположной стороне, около стола для выпечки, куча уже почти была размером с Сашу, терпеливо обволакивая мебель, прокладывая путь в любое незаполненное пространство.

- Нужно уходить, - сказала воительница. – Пока ещё можем.

Они осторожно обошли растущий холм, прижимаясь к дверцам печи, которые скоро тоже покроет тестом, бочком пробираясь к пространству перед стойкой, к счастью, пока ещё чистому. Чувствуя себя свидетелем столкновения экипажей, Виглаф боролся с извращённым восхищением – он просто не мог отвести взгляд от безумной картинки. Из безопасности, остановившись за пределами входа в отдел, где работают хлебопёки, они беспомощно наблюдали, как тесто ширится во все стороны, ища границы того странного «горшка», в котором находилось. Теперь оно стало выше любого из них и пучилось к потолку и к стенам. Основательно погребя под собой угли, гора теперь подымалась к каминной трубе. В первый раз за всё это время отступающая к двери троица ощутила слабый запах выпечки.

- Самовыпекающийся хлеб! Ему даже огонь не нужен! – изумлённо выдохнул Виглаф.

На улице народу стало больше; Гарадель позвала стражу, и теперь двое вооружённых офицеров ночной смены были готовы задержать вору. Но прежде чем Виглаф и другие смогли что-либо объяснить, багровый, шипящий уголёк упал откуда-то сверху и шлёпнулся юноше на ногу. Он отпрянул и побежал по улице, судорожно что-то бормоча мерцающим факелам и надеясь, что он помнит каждый слог одного из самых первых заклинаний, которому Фензиг его обучил.

Каждый раз, когда кто-то взывает к Судьбе, доверяя ей принять важное решение, она взвешивает и сравнивает долгосрочные перспективы и сиюминутную нужду. Почему-то в этот момент божественная математика оказалась на стороне Виглафа, потому что, не издав ни звука, ярчайший шар постоянного света возник из

ниоткуда, полностью окружив пекарню и превратив ночь в день в своих пределах. Выглядело всё это так, будто уличные зеваки на самом деле были зрителями на каком-то спектакле, где главную роль исполняло здание. В пределах действия заклинания подсветка была ослепляющей, так что Саша и Торин, вывалившиеся из дома на улицу, видели перед глазами только пятна. Но всем остальным происходящее внутри было видно вполне отчётливо.

Женщина рядом с Гарадель завизжала и показала на крышу. Подсвеченное магическим «фонарём» Виглафа, принявшее квадратную форму хлебопекарное сырьё невероятной пастой медленно выдавливалось из трубы, словно сосиска из мясорубки, при этом оказавшись увешанным горячими углями, отлеплявшимися от месива и прыгавшими вниз по наклонной черепичной поверхности.

А внутри основная часть липучей массы вползла во входное помещение и направлялась к выходу, и её громадное тело громко толкало по деревянному полу сковородки и приборы в нелепой пародии на гремящее цепями привидение. Две оквадраченных руки выбрали короткий путь через окна по бокам здания и вяло, медленно стекали на землю, став мишенью для лая и огрызаний нескольких соседских собак. Из двери выбежало мышиное семейство, а самая большая из мышей стряхивала с мордочки что-то кремовое по цвету.

- И что тут происходит?

Магический свет привлёк ещё одну группу заинтересовавшихся горожан, и Виглаф с недовольством заметил среди них Ангрода Мечешлёпа, со всё ещё завязанной под подбородком салфеткой.

- Вигги! Так это твоя большая готовка? – проревел кузнец. – Я-то собирался набрать рулетов на завтрак... но, похоже, и одного будет достаточно!

Толпа нарушила потрясённое молчание нервными смешками. Ангрод схватил один из факелов и неспешно двинулся к пекарне. Подойдя, он потыкал своим импровизированным оружием в глиноподобный фонтан, сочащийся из окна:

- Я с ним разберусь!

Напряжение спало, зрители засмеялись ещё громче.

- Отойди! – предупредила Саша.

- Я могу справиться с завтраком Вигги, девочка, - ухмыльнулся громила.

Но когда он ткнул в тесто, факел неожиданно ушёл внутрь, прорвав оболочку огромного воздушного кармана. Лопнувший пузырь обдал мужчину брызгами клейкого месива, к полнейшему восторгу толпы. Рассерженный и расстроенный кузнец начал лупить своего вязкого обидчика, но с каждый ударом выбрасывалось всё больше воздуха и теста, и он лишь заляпывался ещё сильнее.

Виглаф услышал и другие хлопки; повернувшись, он увидел, как и другие пузыри лопаются, брызгая во все стороны, когда гора сырья для выпечки протискивалась наружу; ошмётки покрывали беснующихся собак и всех, кому не повезло оказаться слишком близко. Секундой позже жуткое представление окончилось – ведь именно через секунду заклинание Виглафа выдохлось, а волшебное освещение выключилось. Пока все глаза привыкали к темноте, было лишь лопание, разбрызгивание, звон, лай и крики.

- Верни свет! – вскричала воительница.

- Он должен был быть постоянным! Я не знаю, почему он погас! – крикнул в ответ юноша, отчаянно пытаясь придумать что-то на замену. Он яростно замахал руками, читая заклятья по памяти, выразительно протянул концовку и протянул вперёд ладони. Факелы и угли – все источники огня на улице – засветились многократно ярче; их свет, такой же сильный, как и свет полуденного солнца, выцепил из темноты группу напуганных людей – включавшую и его отца – выглядевших, словно проигравшая в соревнованиях по метанию тортов команда. Виглаф ощущал тепло магического пламени и совершенно неуместное сейчас желание в нём погреться, но внезапно услышал крик Ангрота.

- Не могу пошевелить ногами! – закричал большой кузнец. В темноте, Ангрот подался слишком далеко вглубь липкого холма, и теперь застрял в нём по поясицу – отмахиваясь факелом от окружающего его теста. Люди на улице лишь оцепенело смотрели.

- Держись, - крикнула Саша и побежала к застрявшему человеку, стараясь сама не угодить в клейкую ловушку. Схватив его за руки, она дёрнула изо всех сил.

- Ааааа! - заорал Ангрот. – Запастье! Отпусти! – он вырвался из хватки и потёр правые кисть и плечо, всё ещё ноющие после поединка. А масса всё вздымалась, уже миновав бёдра и добираясь до груди и головы.

- Нет! Если эта штука накроет голову, ты задохнёшься! – завопила в ответ Саша.

Неожиданно рядом оказался Виглаф, пытающийся поднырнуть под левое плечо Ангрота и помочь. Они вдвоём тянули так сильно, как только могли, но кузнец застрял плотно, и с каждой секундой увязал всё крепче. И так уже огромный кусок тягучей субстанции рос настолько быстро, что казалось, будто это чернородый громила уменьшается с каждым мигом. Тесто уже поднялось выше пупка и всё ещё двигалось выше.

- Слишком поздно, Вигги, - всхлипнул Ангрот. – Спасайтесь сами.

- Спасибо за предложение, конечно, но есть ещё один, последний способ, - поделился юноша. - Только я никогда его не пробовал на живом человеке. Пойдёт тебе?

- Пробуй, приятель, - мрачно согласился кузнец.

Виглаф выудил из мантии кусочек свиной кожи и проговорил что-то, твёрдо, но быстро.

- Саша, ещё раз.

Они подвели руки под плечи Ангрота и потянули, заставив копыта боли впиваться в правую руку силача. Сначала было слабое сопротивление. Затем он начал выкальзывать из тягучей массы, и, как только они набрали достаточное усилие, кузнец вылетел из ловушки, как меч из ножен, с протяжным чавкающим звуком. Наползающее тесто обернулось вокруг правого сапога Виглафа, но тот быстро отдёргнул ногу.

- Ты сделал это, друг! – радостно орал Ангрот. – Ты спас меня!

- Виглаф, как? – спросила удивлённая Саша.

Кузнец опёрся коленями и попытался подняться, но ноги разъехались, и он шмякнулся навзничь. Несколько раз постаравшись встать на четвереньки, он

каждый раз растягивался во весь рост, постоянно оскальзываясь, прежде чем сдался и просто плюхнулся сидеть.

- Я его смазал, - просто ответил Виглаф.

Воительница захохотала, глядя, как Ангрод вновь поскользнулся, даже не поднявшись на колени.

- Не волнуйся. Долго эффект не продержится.

- Вигг... - начал Ангрод, но передумал. – Прости меня, Виглаф. Мне плевать, как ты это сделал. Если бы не ты, сейчас бы я был мертвец. Может быть, в тебе всё-таки есть магия, - он протянул руку, и парочка помогла здоровяку подняться на ноги. – Прими благодарность, приятель. Я... Что это за запах?

Юноша принялся. Отовсюду пахло готовым хлебом. Обрывки теста на ногах Ангрода явно затвердевали; их уже можно было отодрать небольшими полосками. Но в воздухе витал и ещё один запах.

Дым.

Факелы!

Было похоже, что скорость роста сбегавшего из пекарни теста наконец замедлилась. Но теперь громадина напирала на ближайшие усиленные чарами факелы. Зеваки могли разглядеть лёгкую коричневатую корочку на поверхности вязкой кучи – и обугленные следы по краям. От них и начал подниматься дым, перебивая приятный аромат печёного хлеба. В конюшне поблизости заржали и забились от ужаса кони. Виглаф застонал. Самый большой кусок хлеба в истории теперь подгорал.

- Ты должен погасить их! – крикнул ему отец.

Виглаф судорожно обдумал предложение. Затем забормотал и взмахнул рукой в сторону горящих светильников. Как только он закончил движение, яркая полоса вырвалась из его указательного пальца, устремившись в ночное небо, несколькими метрами выше пекарни. С низким рокотом огненный шар взорвался.

- НЕТ! – закричала Саша.

Волна жара, накатившаяся на почти достигший размеров самой пекарни холм теста и казавшаяся почти осязаемой, упаковала внешнюю поверхность массы в хрустящую корочку. Черепица на крыше вобрала в себя часть тепла и начала запекать гору теста, заточённую под ней. Горелые области увеличивались, и сильные клубы дыма хлынули вниз, на улицу, вызывая у всех присутствующих жестокие приступы першения в горле. Виглаф взмок. Тесто, наконец-то, перестало увеличиваться. Замечательно. Теперь все просто задохнутся.

А потом произошло чудо.

Колонны дыма изменили направление и поплыли над головами захлёбывающегося кашлем народа. Ветерок подтолкнул парочку низких облаков, закрывших луну; затем они в мгновение ока потемнели, превратившись в грозные грозовые тучи. Жирная, тяжёлая капля разбилась об голову юноши, а за ней последовали тысячи её товарок. Впечатляющая гроза затушила факелы и угли, намочив возликовавших людей. Липкая опара быстро размывалась очищающим дождём – вязкая гора, ещё несколько минут назад угрожавшая жизни Ангрода, быстро превращалась в самую большую в мире клёцку.

Худая, закутанная в мантию фигура посреди улицы опустила руки и надела капюшон, сперва проведя пальцами по мокрому, снежно-белым волосам.

Вовсе не чудо. Гроза была рукотворной.

- Фензиг! Гд... Ка... ухх.. – залопотал Виглаф, подбежав к своему учителю.

- Обойдёмся без гипервентиляции, - сказал старый маг голосом слишком тихим, чтобы другие могли услышать. – Ты и правда думал, что я оставлю ученика без присмотра на целую неделю? Хотя, должен признать, тебя я недооценил, - он нахмурился, взглянув на представшую на улице картину. – Не думал, что устроить такую разруху возможно всего за один день.

- Я не хоте...

- Тихо. Знаю я, чего ты хотел. Я наблюдал за тобой всё это время. Ты знаешь ровно столько, чтобы уже представлять опасность, парень, и мало чего другого. Если бы ты занимался прилежней на наших языковых курсах, то смог бы прочитать всё описание на том клочке пергамента. Это, юноша, было твоей ошибкой.

- Но Год Изоби...

- Случился благодаря волшебному тесту, да, только вторая половина была использована, чтобы накормить множество людей!

- Вторая половина?

- Про это весьма доходчиво написано на Торассе, - фыркнул Фензиг. – Одной щепотки было достаточно, чтобы испечь огромные куски хлеба, послужившие концом того древнего голода. Я мог бы и придушить тебя за устроенное безобразие. И тебе придётся возместить ущерб. Но пока я должен поработать на публику.

Противоречия здравому смыслу, Фензиг обнял ученика за плечи и пошёл вместе с ним к ожидающей толпе, громко возвещая:

- Спасибо, Виглаф, за то, что потушил пламя. А отдать своему отцу баночку с закваской в качестве извинения за доставленные неудобства – поистине благородный поступок.

- Учитель Фензиг, вы что, с ума сошли? - уголком рта поинтересовался Виглаф.

- Нет, сынок, - тихо ответил учитель. – Но я никогда не позволю моим ученикам выглядеть дураками прилюдно. Плохо для профессионального образа. Но ты не волнуйся, по возвращении тебя ждёт достаточное количество наказаний.

Итак, пока Фензиг и Саша проводили время с родителями Виглафа, молодой маг остаток своих каникул в Калимпорте примерял на себя роль уборщика. Чтобы освободить пекарню, ему пришлось поработать киркой и лопатой, а потом на четвереньках выскрести её дочиста, от пола и до потолка – работа тем более сложная, что почти каждая калимшанская птица обнаружила столь грандиозное пиршество; хотя несколько вдумчиво применённых заклинаний обмазывания (пока никто не видел, конечно же) существенно помогли делу.

Пока Виглаф убирался, хлебопёки наслаждались неожиданными выходными и проводили время, загорая на солнце или нежась на морском взморье.

- Прости, пап, - виновато попросил Виглаф на третий день, когда Торин принёс ему корзинку с обедом из дома. – Мне жаль, что тебе пришлось закрыться.

- Не беспокойся, сын, - ответил пекарь, оглядевшись. – Это место никогда не выглядело настолько чистым. А Фензиг показал мне, как правильно использовать

закваску, так что я должен наверстать потери достаточно быстро. На самом деле, может случиться так, что это будет мой самый прибыльный сезон за всё время. За это я в долгу перед тобой, сынок.

Юноша обнял отца, и они стояли так долгое время. Теперь всё вернулось на круги своя. Теперь всё шло своим чередом в Калимпорте.

Ну кроме разве что...

Те, кто оказался достаточно близко, чтобы что-то услышать, потом рассказывали, что и много дней спустя из дворца паши раздавались какие-то крики.

Интерлюдия

Уэс Николсон

Уэс начал искать, что бы ещё такого прочесть. Он уже столько узнал в этой комнате – юноша готов был держать пари, что больше, чем знало большинство монахов. Пока его взгляд метался по библиотеке, его внимание привлекла тонкая книга с кожаной обложкой, завалившаяся за шкаф. Он не заметил её в первый раз, но сейчас она будто звала паренька, умоляла подобрать и прочесть.

Охваченный любопытством, Уэс осторожно извлёк томик с непривычного места и положил на стол. Скрытая в нём история начиналась рассказом о том, зачем основали библиотеку, и почему именно здесь, в Кэндлкипе.

Библиотека располагалась в большом каменном здании, на краю возвышающихся над Морем Мечей утёсов. Такая позиция давала возможность с лёгкостью защитить книгохранилище в прежние времена – когда любое строение заодно должно было выполнять роль укрепления. И правда, некоторые части библиотеки делали её похожей на замок какого-нибудь вельможи.

Врата Балдура лежали чуть более, чем в ста шестидесяти километрах к северу отсюда, а больше поблизости особо ничего и не было. Таким был порядок вещей, каким предпочитали его видеть монахи, оберегающие хранилище знаний. Обучение, медитация, переписывание рукописных работ – все эти виды деятельности не располагали становиться частью шума и суеты делового города.

После нескольких страниц скучной летописи Уэс отложил странный, маленький том в сторону и приступил к поискам другой книги. Он нашёл рассказ из далёкого прошлого, что было ещё до Кэндлкипа. В древние времена – времена Нетерила – существовали летающие города, поддерживаемые в воздухе магией чудовищной мощи, на защите которых стояли грифоны наездники-маги...

Выглядело интересненько.

КОГДА НЕБЕСНЫЕ ГОРОДА РУШАТСЯ

Дж. Роберт Кинг

Перед грозовым фронтом Перегрин набрал высоту. Солнце сверкало в его орлиных глазах и теплом сияло на ярком оперении. Львиное тело отбрасывало колеблющуюся тень на стену из туч впереди. С каждым взмахом крыльев грифон поднимался, разжимая хватку жадных пальцев Фаэруна.

В седле застыл его наездник, легкий и умелый.

Джосая был магом, как и все грифоньи наездники в зеленых мантиях из Тита Тилендронтэла. Только разум мага можно было связать с разумом грифона. Одиннадцать из двадцати пяти лет Джосаи сознание юноши было связано с сознанием Перегрин. Маг держался в седле с равновесием и даруемой опытом грацией. На ветру извивались его длинные черные волосы.

Чуть-чуть повыше, Перегрин.

Через мысленную связь грифон глазами Джосаи видел остальную кавалерию – четыре сотни птицельвов с наездниками – парившую над серо-черной стеной туч.

В ответ Перегрин яростно заработал крыльями, увеличив скорость. Он увидел, как когти на задних лапах последнего ряда грифонов исчезают в дымке облаков. Перегрин последовал за ними, в три взмаха крыльев нырнув в кипящий шквалистый фронт.

Перед ним распахнулся небесный простор. Верхняя часть грозовой тучи ниже плавно переходила в огромное черное море, протянувшееся до самого горизонта. На фоне этого бурного грозового поля другие грифоны в боевом порядке казались кораблями золотой регаты. По сравнению с грозными тучами эти существа выглядели маленькими и хрупкими.

За Тит Тилендронтэл, подумал Джосая.

Черные волосы хлестнули его по лицу, когда маг в последний раз оглянулся на парящий город, из которого они явились. Тит Тилендротэл, с сияющими в солнечном свете золотыми улицами и белыми башнями, был почти неразличим через темную полосу бури.

Тем временем Перегрин смотрел вперед. *Что мы ищем, спросил он, не это ли?* Он послал образ зубчатой молнии, мечущейся в туманном котле внизу. *Или это?* Его взгляд переместился туда, где море туч сворачивалось в чёрную воронку. *Или – это?*

Они оба смолкли на миг, глядя на рыскавшую прямо над тучей стаю ворон. Взмахи птичьих крыльев были тяжелыми, несчастными, как у чаек, следующих за рыболовным судном.

Это, согласился Джосая. Вороны так высоко не летают. Должно быть, следуют за анклавом, подбирая пададь. Город должен быть спрятан прямо под ними, в туче. Он вгляделся в расплывающуюся под птицами тьму.

Перегрин фыркнул, выпустив превратившийся в белое облачко воздух. *Кто же направит летающий город прямо в грозу?*

Очевидно, лаодагмцы, ответил его наездник. *Это единственный способ приблизиться к нашему анклаву незамеченными. Наверное, они надеются появиться из туч и разнести Тит Тилендронтэл на кусочки.*

За три сотни лет вражды между двумя летающими городами прежде они никогда не оказывались так близко друг от друга – в пяти милях. Только грифоны и другие воздушные отряды вступали в схватку. Как и любые другие нетерезские анклавы, Лаода и Тит Тилендронтэл держали своих граждан в стороне от битвы. Анклавы, хоть и увешанные сверху донизу шипами, таранами и приспособлениями для воздушного abordaja, предпочитали невозмутимо парить над всеми конфликтами – отчужденные и безопасные.

Приближение Лаоды к Титу Тилендронтэлу было равносильно объявлению войны.

Перегрин бросился в крутое пике, направляясь к туманному пятну прямо перед стаей дерущихся ворон. Там бурлила тьма, потоки бури свивались вокруг чего-то большого и плотного.

Перегрин издал короткий крик.

Звук прорвался сквозь разреженный воздух и достиг других грифонов. Они развернулись в полете и увидели вопящую золотую комету – Перегрину, несущегося вниз, прямо в набухший хаос тучи.

Крылья грифона были плотно прижаты к бокам. Он падал с небес. Джосая плотно припал к его гриве, сощутив глаза.

За один мокрый, рёвущий миг, грифон и наездник прорвались через пушистую верхушку бури в оглушающую черноту внизу.

Они летели сквозь чернила. Тьма была абсолютной. Перья Перегрину пропитались влагой, и он широко раскинул крылья, тяжелые и мокрые. Позади них сплошной стеной лился дождь. Кончики крыльев покрылись разводами инея.

Снизу сверкнула рассеянная вспышка молнии, осветив каждое перышко Перегрину на фоне серого простора. Потом осталась только тьма. Грохот грома сотряс небеса почти сразу же. Вздрыгнула и сама буря.

Я его вижу, подумал Перегрин. Он послал Джосае образ расплывчатых желтых огней, плывущих в черноте внизу. *Желтый свет, не синий. Огонь, наверное. Магический, но все равно огонь, - не молнии.*

Полетели туда, ответил Джосая.

Перегрин снова легко нырнул в пике. Его кожа натянулась. Когти сжались.

Остальные уже были рядом: Флетчинг, Ивенсонг, Глазрет и остальная кавалерия. Они тоже видели огни внизу. Там, в бурном жерле грозы, висела Лаода.

Это было смелой стратегией, спрятаться внутри шторма, чтобы приблизиться к вражескому анклаву. Летающему городу Лаоде приходилось быть смелым: он был в половину меньше Тита Тилендронтэла, а его грифонья кавалерия была немногим лучше простого сброда. Их верховые животные были старыми кусками кошатины, а некоторым магам приходилось даже летать на увеличенных воронах. В честном бою у лаодагмцев не было ни единого шанса.

Но, судя по всему, честно сражаться они не собирались.

И все же тяжелый полет в центре грозы себя не оправдал. Разведчики Тита Тилендронтэла с помощью магии почувствовали в тучах присутствие скалы и вызвали кавалерию. Прежде чем достичь вражеского города, Лаода окажется атакована четырьмя сотнями отборной воздушной кавалерии. Это будет полномасштабная атака с применением всех сил. Нападение будет длиться до тех пор, пока город не отступит или не сдастся.

По какой бы причине лаодагмцы не нарушили длившееся веками относительное перемирие, за это их разобьют вдребезги.

Не теряй бдительности. У них тоже есть летуны. Дождь поможет нам, спрячет нас, мешая им смотреть вверх, подумал Джосая, снимая с пояса тонкий жезл. Юноша улыбнулся и нетерпеливо провел свободной рукой по волосам.

Глаза Перегриня следили за темнотой внизу. В недрах тучи постепенно вырисовывалось огромное чудовище из камня и магии. Осадные шипы зловеще блестели по краям летающего города. Как чертополох, щетинились боевые тараны. Пологие склоны летающей крепости усеивали здания. Гору опутала паутина волшебных нитей синего, оранжевого и красного цвета. С краев крепости грязной, мутной пеленой стекала дождевая вода.

Город, может, и вполтину меньше Тита Тилендронтэла, подумал Перегрин, *но все равно довольно велик. И полностью вооружен.*

Когда мы здесь закончим, ответил Джосая, *сплетая вокруг них защитные чары, он станет всего лишь дымящимся угольком в небе.* И он произнес магическое слово.

Жалящую пелену дождя вдруг рассеяла вспышка волшебной защиты. Перегрин согнул крылья. Каждое его перо осветилось сине-зеленым сиянием. В окружающей тьме он казался не живым существом, а картинкой из альбома. Остальных грифонов и их наездников, одного за другим, тоже охватывал лазурный свет.

Когда в хаотичных потоках показался город Лаода, буря расправила скорпионий хвост молнии. Разряд ударил в городские щиты, злобно затрещал, и пробился через защиту – в достаточной степени, чтобы разнести изогнутую башню в центре анклава. Почерневшие здания дымились от попадания других электрических разрядов.

- Приготовьтесь к очищающему огню! – громко закричал Джосая.

Пегррин понял и вышел из пике. Прямо по курсу блестели шипы и тараны.

Разряды зеленоватой энергии выстрелили из каждой руки Джосаи, просвистели мимо ушных впадин Перегриня и полетели к городу. Сгустки энергии утолщались в полете, оставляя за собой клубы дыма. Они пробились через первую – невидимую – защитную оболочку. В месте столкновения ярче молнии сверкнула вспышка. Волшебная рябь побежала во все стороны, как круги по воде. Разряды летели дальше. Еще дважды они пронзали невидимые щиты. Рассеявшаяся энергия разошлась бешеными кругами.

Ни один маг не сможет пробиться через такую защиту... но четыре сотни лучших волшебников...

Все небо вокруг изрезали такие же зеленые энергетические сгустки. В сотне мест заклятья вгрызались в защитные оболочки города. Изумрудная магия все еще вонзалась в щиты, когда Перегрин пролетел в проделанную Джосайей брешь.

Внизу промелькнули острые шипы. С каждым взмахом крыльев Перегрин на них летели капли воды. Грифон перемахнул через крепостной вал и скользнул в долгий, низкий полет над городом.

Город, некогда прекрасный – с белыми шпилями, куполами в форме луковиц, крышами из красной черепицы, воздушными арками мостов, узорными садами и улицами, вымощенными чем-то, напоминающим серебряные кирпичи – город был разбит и разрушен тем самым штормом, который его прятал. Вдоль горизонта на колоннах пылали огни. Тут и там виднелись поваленные ветром деревья. Внезапный крен и вращение города валили все, что оказалось не закреплено веревками или магией. Город затопило водой, струившейся в ту сторону, куда кренилась скала. Жители в беспорядке металась от одних руин к другим, сбиваемые яростными волнами.

Я удивлен, что после всех этих бедствий лаодагмцы не покинули бурю, заметил Перегрин.

От нас их ждет еще худшее, отозвался Джосая.

Маг использовал еще пару заклинаний, на этот раз с помощью жезлов. Рой фиолетовых искр образовался над головой Перегрин. Мгновение искры кружились на месте, как будто ожидая указаний, а затем рванулись вперед. Вспыхнув в полете над городом, они пробили белую, как кость, стену башни. Окна осветились оранжевым светом, усилившимся затем до белого. Раздался жужжащий свист, который, нарастая, превратился в пронзительный визг. Стены треснули, как стекло, и башня величественно начала рушиться.

Последние обломки еще не достигли поверхности, когда огненный шар из второго жезла Джосайи ударился о черепичную крышу и поджег карниз. Затем маг выбросил руку, будто схватив что-то. Под ними из воздуха появилась гигантская ладонь и схватилась за пешеходный мостик. Кулак сжался. Камни и известь посыпались в расселину.

Вокруг повсюду гремели другие атаки. Грифоны облепили город. На крытые здания, поджигая их, падали огненные сети. Призванные ветра и направленные дожди сносили строения из мрамора и известняка. Волшебные молнии струились из дюжин жезлов. Там, где они попали в тех, кто воображал себя защитниками, в небо поднимались клубы серого дыма, а на землю сыпались обуглившиеся кости. Те же, кто бежал по улицам, падали, задыхаясь в перистых облаках ядовитого газа.

Но погибли пока еще далеко не все лаодагмцы. Из башен, бойниц и переулков отвечали огнем. Огненные шары, бури из стрел, взрывы, смерчи, механические существа, молнии, призраки, даже несколько щуплых грифонов в небе. Когда Перегрин пролетал над задраным шипом, воздух впереди вспыхнул, раздался хлопок, как будто от разорвавшегося фейерверка.

Прекрасно, в самом деле, бесстрастно прокомментировал Перегрин, пока Джосая бросал пылающие снаряды волшебной силы. Интересно, для нас или для них сегодняшний день станет праздником фейерверков...

Вверх! донесся в ответ отчаянный зов Джосаи. *Вверх! Вверх!*

И Перегрин увидел причину этого зова. Над главным зданием Лаоды вращались широкие, острые лопасти воздушной мельницы. Она раскрошит их в фарш.

Перегрин расправил крылья, чтобы свернуть. И в тот же момент с улицы проревел огненный шар, разорвавшийся прямо перед птицей-львом. Тот отдернулся от взрыва, возвращаясь на первоначальный курс. Лопасты мельницы были всего в миге от них.

Перегрин моргнул. Лопасты, казалось, останавливались. Можно попробовать проскользнуть... и надеяться, что защита Джосаи выдержит.

Он скользнул к мельнице. Джосая закричал. Глаза грифона распахнулись.

Лопасть промчалась прямо перед его клювом, так близко, что её кончик оцарапал ноздрю. Сжавшись всем телом, грифон рванулся в открывшееся пространство. Следующая лопасть задела заднюю лапу. Она проскрежетала по магическому щиту и неглубоко резанула его золотистую шкуру. Щит устоял, но столкновение отшвырнуло грифона и его наездника в сторону. Рядом просвистела еще одна лопасть.

Перегрин пытался выпрямить полет, кувыркаясь в воздухе. Джосая изо всех сил цеплялся за него. Перед ними, как в калейдоскопе, вращались пылающие здания и разрушенные стены. Испустив напряженный крик, Перегрин выровнялся.

Пальцы Джосаи на рожке седла медленно расслабились. Он выпрямился, сделал вдох, и стал чертить жесты могущественного заклинания. Спустя два вдоха жесты были исполнены, а активирующее слово – произнесено. Он повернулся в седле и послал два сияющих разряда в самую середину мельницы. Разряды ударили одновременно, взорвав ось колеса.

Четыре лопасти сорвались. Одна пронзила главный купол под мельницей. Еще две разлетелись по сторонам, скашивая жителей и дома. Последняя полетела прямо вверх, вращаясь вокруг своей оси, и упала в мешанину развороченного мельничного механизма.

Поднимайся, послал Джосая, на этот раз спокойно. Они достигли границы города, закончив заход на бреющем.

Перегрин во главе грифоньих колонн поднялся в бушующий шторм. Он глубоко дышал. Сейчас нужно было перегруппироваться, подготовиться к новому заходу.

Капли дождя стучали по щитам на их перьях и шерсти. Перегрин расправил крылья. Напряжение боя уже отпустило. Джосая мысленно приготовил новые заклинания.

Здесь, за краем летающего города, буря была черной и вездесущей. Ревущие ветра... бесконечная ночь... заложенные уши... Непроницаемая тьма нарушала чувство направления.

Испытав неожиданное головокружение, Перегрин ушел на вираж обратно к городу. Сильный поперечный поток воздуха сдувал дождь в сторону. Грифон изменил свой угол к ветру. Теплый восходящий поток окутал его. Накренившись, Перегрин продолжил разворот.

Его крылья потеряли воздух. Грифон и наездник полетели вниз.

Перегрин падал. Каждый взмах его крыльев только ускорял падение. Одно крыло зацепилось за хаотичный поток, но второе хлестало в пустоте.

Джосая ухватился за упряжь. Держась за седло и свои жезлы, он начал выкрикивать слова заклинания в неверный воздух. Бесполезно.

Они кувыркались, падая.

Вниз... наконец-то Перегрин смог отличить низ от верха. Он сложил крылья, нырнул вперед клювом, а затем расправил оперение. Перья нашли опору, и грифон вынырнул из пике.

Он сделал глубокий вдох, успокаиваясь.

Как далеко мы упали?

Ни грифон, ни его наездник земли не видели. Перегрин поднял глаза к парившему сверху городу. Его окружали тусклые золотые точки – готовые к новой атаке грифоны.

Прости, Джосая, послал Перегрин.

Это же гроза, ответил юноша, худшее место для битвы.

Грифон уже расправил крылья, взлетая к городу. *Не думаю, что ты подготовил магию левитации...*

В ответе мага послышался легкий упрек. *Я не учитывал такую необходимость.* Затем он послал: *Не гони так. Думаю, для нас битва уже окончилась.*

Гроза решила половину сражения за нас. Еще бы пять миль в этом шквале, и Лаода была бы уничтожена, с нами или без нас, ответил Перегрин.

Да, криво усмехнулся маг. Задумавшись, он повторил: Да. Почему они не вышли в чистое небо?

Может быть, не могли задать курс, ответил грифон. Может, буря повредила их навигационный центр.

Джосая прислонил ладонь ко лбу, прикрывая глаза, и взглянул вверх, в переливающийся простор. Он изумленно вздохнул и послал открывшееся его глазам зрелище Перегрину: город был куда ближе, чем несколько секунд назад. Перегрин не мог подняться так высоко за это время.

Единственным возможным объяснением было то, что город падает.

Падает? Мы не настолько его разрушили, ответил грифон, посылая образ с собственных, куда более острых глаз.

По краям анклава клубился дым. Ливень был так силен, что добавлял глубокий дребезжащий гул в какофонию шторма. Падение.

Перегрин продирался вперед через текучую тьму, пытаясь убраться из-под рушащегося города.

Наши летуны не стали бы убивать левитационный совет, подумал Джосая. Это против всех правил. Такой бойни не было со времен... Его мысли сбились, когда юноша призвал заклинание и стал творить волшебные жесты.

Город не в свободном падении, заметил Перегрин. Его напряженные мышцы унесли их из-под рушащегося анклава. Он не опрокинулся. Кто-то пытается удержать его в воздухе.

Джосая закончил заклинание. По телу человека растекся холод и перешел дальше, на птицельва. *Не просто кто-то. Все. Весь их левитационный совет еще жив. Они собрались в центре анклава, пытаясь удержать город в небе.*

Перегрин сделал длинный, медленный разворот за пределы досягаемости города. Скала уже заполнила половину черного, грозового неба на них. Грифоньи наездники Тита Тилендронтэла кружили вокруг города. *Неужели лаодагмцы истощили все свои магические запасы? Или это какой-то барьер, запрещающий символ, или еще что-то?*

Маг покачал головой. *Нет, ничего такого. Магия вытекает из этого камня, но её просто высосали. Как будто буря занесла их – занесла всех нас – в зону мертвой магии.*

Город уже заполнил собой все небо. Перегрин отлетел еще немного. За несколько секунд огромная скала промчалась мимо них в своем ужасающем падении. Клубы серого дыма на границах города были уже больше волн цунами и ревели, как ураган. Черное подбрюшье анклава сменил некогда пышный город в руинах – огонь, молнии, дым, тела, обломки...

Перегрин, ошеломленный и напуганный, парил в кипящем шторме и следил за падением города.

- Если это участок мертвой магии, почему же мое прорицательное заклинание сработало? И наши защиты и атаки? – вслух спросил Джосая. – И почему кавалерия все еще сражается?

Грифоны метались в руинах и снаружи, как птицы, клюющие ягоды с объятых огнем куста.

Они спасают их, догадался Перегрин. Они выносят столько лаодагмцев, сколько успеют, прежде чем город упадет. Он же потащит их вниз...

Перегрин прижал крылья к туловищу, ныряя вслед за падающим городом.

Джосая прижался к нему, касаясь головой шеи птицы-льва. От холода или от переживаний, а может по обоим причинам, он дрожал.

Грифон летел вниз. Мокрые лапы оставляли за собой капли воды в воздухе. Город продолжал опускаться, мучительно далекий. Перегрин расправил крылья и взмахнул ими, ускоряя свое снижение, а затем еще раз. С каждым взмахом мокрых перьев город становился заметно ближе.

Джосая прошипел: *Между нижней кромкой туч и землей у нас будет только миг. Сумеешь так быстро выправить полет?*

Вместо ответа Перегрин удвоил взмахи крыльев. Грифон и наездник приближались к городу. Среди останков каменных стен и оставшихся без крыш домов-сот сверкали одинокие молнии. Перегрин издал отчаянный крик. Ветер и гроза унесли его прочь.

Не хватит времени. Они упадут прежде, чем мы их догоним, послал Джосая.

Время есть, кратко отозвался грифон. Воздух все еще разреженный и холодный. Пока еще не пахнет сталью.

Ты же знаешь, что нельзя доверять этим приметам, возразил Джосая, если ты вnutри грозового облака.

Грифон по-кошачьи пожал плечами и снова заработал крыльями. Он был полон надежды. *Смотри, они уходят. По меньшей мере две эскадрильи.* Золотые пятна львиных тел улетали от города. Дюжина... две дюжины... Каждый нес одного из жителей рушащегося города.

Надежда обрела новые силы. Перегрин швырнул себя вниз, в ревущие потоки воздуха, оставляемые падающей скалой. Тучи поредели. Еще два взмаха, и он пробился через буйство тумана. Навстречу рванулась улица, способная превратить их в лепешку. Перегрин вышел из пике и пронесся вдоль нее, к пожилой женщине, выползающей из руин впереди.

Вверх! посоветовал Джосая.

Перегрин проигнорировал этот совет.

Облака разошлись. Город осветился слабым светом.

Она слишком далеко, послал наездник. Поднимайся.

Крылья грифона разогнали столб дыма. За городским горизонтом виднелись зеленые поля Нетерила. Анклав накренился...

Протянув львиные лапы, Перегрин схватил старуху. Лапы сжались, и та оказалась прижата к его груди.

- Вверх! – заорал Джосая.

Перегрин так и поступил, и как раз вовремя. Город внезапно исчез из-под них. Скала перевернулась, закувыркалась в воздухе. В последний раз, прежде чем город окончательно скрылся из виду, показались оставшиеся после битвы руины. Скала вырвалась из пелены дождя и на мгновение засияла на солнце. Лучи провожали её падение, как будто облака послали тонкие пальцы, чтобы вернуть город. Рассеянный свет упал на колышущиеся леса внизу. Анклав с медленной грацией перевернулся. Его тень упала на густой лес. Затем город достиг земли.

Монолит раздробился на сотни тысяч кусков, разлетевшихся во все стороны от точки столкновения и обрушившихся на лес. Мокрая поверхность камня раскололась, демонстрируя сухую сердцевину. В середине образовавшегося кратера клубилась пыль и каменные осколки. От деревьев, подожженных тысячами молний размоленного в пыль города, поднимался дым.

Затем их достиг грохот столкновения, такой сильный, что нескольких наездников вышибло из седла, а у одного из грифонов раскололась грудная клетка. Наездников подхватили и так уже перегруженные птицы-львы. Мертвый грифон упал, как расплюснутый кленовый лист, вращаясь в воздухе.

Несколько секунд кавалерия кружила в воздухе над клубящимися облаками пыли. Вскоре пыль улеглась достаточно, чтобы открыть огромный кратер и поле обломков, где не могло остаться выживших.

Только грифоны кружили сверху, как стервятники над свежим трупом.

В безмолвном согласии и нападавшие, и вороньи наездники один за другим устремлялись на запад, к Титу Тилендронтэлу. Наконец, Перегрин последовал за ними.

Они все были уставшими и перегруженными. Их силы были растрчены еще прежде, чем они стали спасать лаодагмцев. Ими двигала только надежда, что в Тите Тилендронтэле все наладится.

Сильное желание пронзило Джосаю. *Не могу дождаться, когда увижу эти белые башни и золотые улицы... снова окажусь в тепле и безопасности... Жестокость, бойня и смерть...* Необходимость работать крыльями прервала мысли грифона. Наконец, с нотой отчаянья он заинтересовался: *Сколько нас осталось?*

Перегрин быстро сосчитал грифонов перед ним. Получившееся число не радовало. И половины из четырех сотен не спаслось из рушащегося города с теми сильными воздушными потоками, что он оставлял за собой, когда падал. Те, кто спаслись, казались истрепанными, их ярость испарилась. Они дрожали, как стая мух.

Слишком мало, ответил он.

Джосая нагнулся и взглянул на старуху.

Та висела неподвижно, прижав руки к груди и закрыв глаза, как будто во сне. Длинные седые волосы колыхались на ветру. Если бы не морщины, ее можно было бы принять за маленькую девочку.

- Что случилось с Лаодой? – выпалил он.

Старуха открыла глаза.

- Она упала, дорогой. Не волнуйся, со мной все в порядке.

Казалось, будь её руки свободны, женщина потрепала бы его по щеке.

- Нет, перед этим. Почему город очутился в середине бури?

- Буря поймала нас, - просто ответила она. – Три дня мы дрейфовали. Не могли подняться. Не могли управлять полетом.

- Дрейфовали? О чем ты? Ваш левитационный совет был жив. Почему вы не попросили помощи?

- Это было бы все равно, что попросить разграбить нас.

- Но как же вы потеряли управление?

- Фаэримм, - ответила она.

- Фаэримм? – отозвался Джосая. - Те, кто внизу? Но это лишь миф. И даже если бы они были настоящими, как бы им удалось сбить летающий город?

Она пожала плечами:

- Фаэримм обрушили с небес Лаоду. Они обрушат другие города. Мы должны объединить силы. Не прятаться в облаках. Больше не существует безопасных мест.

- Не волнуйся, мы в достаточной безопасности, - сказал Джосая. – Мы направляемся в Тит Тилендронтэл.

- Нет, - ответила она, глаза женщины внезапно стали блеклыми, отчаянными, почти злыми. – Нет безопасных мест.

- Но Тит Тилендронтэл... - его слова оборвала вспышка боли и ужаса.

У Перегрина вырвался хриплый вопль.

Джосая взглянул на то, что уже увидел грифон: на пустой горизонт впереди, только равнина и пустые небеса. Не было сияющего города. Ни белых башен, ни золотых улиц...

Нет, послал Перегрин, *его нет.*

Грифоны и лаодагмцы спускались к земле. Многие уже собрались возле кратера и поля обломков – того, чем стал Тит Тилендронтэл. Ничего не осталось. Меньше чем ничего – глубокая яма вместо парящих небес.

Выжившие – вот кем они стали теперь, не лаодагмцами или тилендронтэльцами, а просто выжившими – собрались на краю этой пропасти. Флетчет, Ивенсонг, Глазрет и прочие из кавалерии Тита Тилендронтэла крылом к крылу стояли с вороньими всадниками и уличными кошками Лаодагмы.

Оба города обрушились. Каждый упал – из-за чего? Старой вражды? Древних мифов?

Что бы их не разделяло раньше, сейчас это стало несущественным. Имел значение только разлом в земле.

Перегрин приблизился. Он аккуратно приземлился, выпустив старуху из лап.

Женщина встала на ноги и повернулась к кратеру. Она смотрела молча, как и все остальные.

Поначалу все безмолвствовали. Просто стояли в тишине, один лишь народ – выжившие.

Воздух застыл, когда каждый услышал бормотание старухи:

- Мы должны объединиться. Когда и небесные города рушатся, нет безопасных мест... Нет больше небесных городов. Никто больше не парит в небесах. Мы должны объединиться и начать сначала. Мы должны сражаться за жизнь, а не жить, чтобы сражаться. Мы должны жить, как все другие существа, в страхе, в грязи, как вороны, жуки и черви. Когда и небесные города рушатся, нет больше безопасных мест.

ГРОТ МЕЧТАНИЙ

Марк Энтони

Всё началось в тот день, когда я умер.

Знаю. Не очень-то потрясающий способ начать рассказ. Но такова правда. На самом деле, смерть оказалась единственным по-настоящему интересным событием из всех, что происходили со мной.

Не сказал бы, что это приятный опыт. Наоборот, не могу даже придумать чего-то более ужасного. Ничто не оказывает такого разрушительного действия на разума, как наблюдение за... ну, разрушающимся телом. Давайте остановимся на том, что это не та деятельность, которую я бы порекомендовал в качестве хобби. Только одна мысль приносила мне утешение в тот момент – знание, что мне не придётся проходить через это ещё раз.

По крайней мере я всегда так думал. Но то было до того, как я встретил Алири, до того, как мы отправились на поиски Грота Мечтаний, и до того, как я узнал, что есть только одна вещь, которая даётся тяжелее, чем достижение заветной мечты – это отказ от неё.

Тот день начался так же, как и любой другой день в Подгорье; на меня попытался усесться кокатрикс.

Это как раз таки одна из тех проблем, которые преследуют тебя, когда ты череп – пусть даже и зачарованный. Иногда ошибочно принимают за яйцо. И поверьте, существуют гораздо более приятные существа, которые могли бы тебя высидеть, чем кокатрикс. Частично птица, частично летучая мышь, частично ящерица – всё вместе зрелище отталкивающее. Представьте индейку из Бездны. А я уже упомянул её тупость? Но, полагаю, это цена за то, что я обрёл дом в подземелье безумного мага – а безумнее, чем Халастер Чёрный Плащ и не сыскать.

Погодите-ка. Я слишком забегаю вперёд. Прежде чем я продолжу, в первую очередь нужно объяснить, как я вообще попал сюда – в подземные лабиринты Подгорья.

Всё из-за Гиллара.

Всё, что есть плохого в мире – всё из-за него. Ну или, в крайнем случае, из-за людей, ему подобных, но поскольку он жил через улицу от моего тогдашнего дома, в Портовом районе Глубоководья, он стал удобным обобщением. Я сконцентрировал на нём всю мощь своих попыток обратить его в мою веру.

В то время я был жрецом, последователем Латандера, Утреннего Бога. Гиллар – магом, причём невероятно злобным. Масло и вода и то лучше сочетаются друг с другом.

Я часто поджидал его на выходе из башни.

- Доброе утро, Гиллар, - говорил я, когда вечно сердитый волшебник с бледным лицом и в чёрной робе переступал порог двери. Конечно же, тогда я был не просто черепом, а живым человеком, молодым и вполне симпатичным, если позволено будет о себе такое сказать. – Знаешь ли ты, что твоя дьявольская магия обрекает душу на вечные муки после смерти?

После этого я начинал углубляться в эту тему и дальше, а он в ответ шевелил пальцами – и с неба начинали дождём сыпаться жабы. Оказывается, на удивление тяжело сосредоточиться, когда на тебя падают жабы. Стряхнув земноводных с одежды и оттерев большую часть слизи, я бросался вниз по улице, догоняя колдуна.

- Ещё не поздно сойти с тёмного пути, Гиллар, - говорил я искренне. – Но не тяни слишком долго. Помни, смерть может поджидать за каждым углом.

- В твоём случае я могу на это лишь надеяться, - отрезал он.

На этом этапе нашей беседы он обычно бормотал несколько странных слов, после чего я на некоторое время отвлекался, бегая кругами и сбивая пламя со своей одежды. К тому моменту, как мне удавалось потушить огонь, Гиллар уже исчезал. Больше ничего не оставалось, кроме как уковылять в своё скромное жилище, привести в порядок мантию и ждать следующего утра.

Но однажды, видение – уверен, посланное мне моим богом – подсказало способ.

На следующий день я стряхнул лягушек и, как обычно, последовал за Гилларом. На этот раз, когда жадные язычки заплясали было на одежде, они пару секунд трепетали, а потом угасли, превратившись в тонюсенькие струйки дыма. Я окунул мантию в ведро с водой, прежде чем надеть, и с неё всё ещё капало. Довольный своей изобретательностью, я нагнал свою добычу.

- Если покаешься прямо сейчас, можешь не страшиться умереть, Гиллар, - сообщил я ему в праведном экстазе.

Его глаза прищурились.

- А ты сам не боишься смерти?

Я горячо замотал головой.

- Вовсе нет. Я знаю, что после смерти обрету покой под крылом Латандера.

- Правда? – глумливо усмехнулся маг. – Ты в это веришь?

- Да, - ответил я с незыблемой уверенностью.

Он рассмеялся – леденящий душу звук.

- Увидим, - протянул тёмный колдун, - увидим.

Он опять пошевелил пальцами и пробормотал что-то непонятное. Я сжался, ожидая, что что-нибудь малоприятное свалится на меня, но ничего не случилось. Всё что я ощутил – странное покалывание, а потом – ничего.

- Наслаждайся загробной жизнью, Мураг Брилстагг, - поздравил волшебник, и эти слова казались бессмыслицей. Я имею в виду не вторую часть, поскольку Мураг Брилстагг – это на самом деле моё имя, но вот первая... Зачем ему желать мне приятной загробной жизни? Потом до меня дошло. Может быть, я начал подбираться к нему, может быть, он готов уверовать в благодать Латандера, как и я. Я решил, что на сегодня прогресс более чем значительный, и улыбался, глядя, как Гиллар уходит прочь.

Моя уверенность окрепла от того, что я считал победой над Гилларом, поэтому я решил вечером отправиться в местную таверну во имя благой миссии, и распространять слово Латандера и там. «Гнутый Гвоздь» представлял из себя грубое, непривлекательное место. Но если я смог донести правду до тёмного волшебника, подобного Гиллару, обратить парочку безнадёг и пьянчуг уж точно мне по силам.

Я пробрался к пристойно выглядящему человеку у барной стойки – очень крупному мужчине с очень мелкими глазками.

- Добрый вечер! – поздоровался я самым жизнерадостным тоном. – А вы знали, что разгул и пьянство обрекают вашу душу на вечные муки в Бездне?

Он улыбнулся мне своими сточенными зубами.

- Нет, - пришел ответ. – А ты знал, что мой нож торчит у тебя в сердце?

- Нет, - ответил я. – Спасибо, что дали знать.

Тогда я и умер.

Ощущение было странное. Всегда думал, что сперва при смерти бывает сначала темно и тихо, а потом яркий свет, а вслед за этим я должен оказаться в весеннем предрассветном саду, обители моего бога Латандера. Вместо этого я понял, что меня выкидывают в вонючий проулок через заднюю дверь таверны, прямо на вершину мусорной кучи.

Какое-то мгновение, глядя вниз на торчащий из груди кинжал, я чувствовал ослепляющую боль, но это довольно быстро прошло. Теперь я ощущал только онемение, доставлявшее больше неудобства, чем собственно боль. Я знал, что вешу много, но тем не менее веса не ощущал, как не мог и пошевелить телом. Глаза мои как будто больше не действовали так, как задумано, но всё же я мог воспринимать окружающую действительность. Неспособный ни на какие движения, я лежал там,

пока мой труп остывал и коченел. Прошло не очень много времени, прежде чем я услышал первые скребущиеся звуки среди отбросов. А потом крысы нашли меня.

Именно тогда я, наконец, понял значение странного пожелания Гиллара, и смысл наложенного на меня заклятья. Точнее, не заклятья, а проклятья. Даже после смерти моему духу больше не было дозволено покинуть его бранный сосуд. Я никогда не увижу рассвет в саду своего божества. Вместо этого я был обречён вечно обитать в безжизненном куске мёртвого тела, оставаясь в сознании. До скончания времён. Я бы зарыдал, но мертвецы не проливают слёз.

Не буду утомлять вас скучными деталями моего дальнейшего распада и разложения. Почти неделю я лежал на гряде отходов. Когда крысы глодали меня, больно не было. Но тем не менее меня преследовало столь мерзкое ощущение от этого, что, будь я живым, меня бы рвало не переставая.

Но вышло так, что грызуны оказали мне услугу. Как только мои кости были очищены от разлагающейся плоти, я обнаружил, что могу пошевелить челюстью и даже говорить, хотя голос, когда-то полный жизни, теперь звучал слабо и пронзительно. Так задумал Гиллар? Почему-то я не был в этом уверен. Должно быть, у его магии оказались побочные эффекты, которых не предвидел даже он. И тогда меня охватила новая надежда.

- На помощь! – позвал я. – Прошу! Кто-нибудь, помогите!

Я даже не догадывался, что это начало моего пути в Подгорье.

Не прошло много времени, как какой-то пьяный служака услышал мой зов о помощи. К сожалению, солдаты – народ крайне суеверный, и, должно быть, он принял меня за призрак убитого им на войне врага, вернувшегося отомстить. Он отрубил мне голову и бросил в Гавань Глубоководья.

Теперь просто череп, я некоторое время дрейфовал в море, и вскоре последние остатки моей плоти пали добычей тамошних угрей. Затем меня нашли русалки и любезно отнесли к волшебнику Стражи Глубоководья при исполнении, некоему Тандалону Гольмейру.

Тандалон оказался достаточно приятным малым; он поставил меня охранять его хранилище заклинаний. Вот только позже в библиотеку ворвались воры, которые, не прикоснувшись к книгам колдуна, украли меня, сбегав в самые глубокие подземелья Глубоководья. Я так и не увидел, что же их поймало. Но оно было большим, тёмным, и не высывалось из грязной воды – один за другим нечто утянуло их на глубину и разорвало на части.

Меня, в свою очередь, дурно пахнувший поток смыл прочь. Я сорвался с водостока, падая всё ниже и ниже, пока, наконец, не очутился здесь, в бесконечных тоннелях глубоко под Горой Глубоководья. Подгорье. Лабиринт Безумного мага, Халастера Чёрного Плаща. С тех пор тут и обитаю.

Кокатрикс с клокотом зашипел. Думаю, он так выражал нежность, но если бы у меня всё ещё была кожа, она бы покрылась мурашками. Существо расправило кожистые крылья и начало опускать свою чешуйчатую задницу прямо мне на лицо. Может, плоти на мне больше и нет, но зубы остались. Я укусил за гузку. Сильно.

Полуптица издала визг, который заставил бы моргнуть даже баньши, и отпрыгнула. Я начал было упоённо смеяться, но одно из крыльев улетающего животного задело меня и отшвырнуло назад. Не успев ничего поняв, я укатился.

Вот и ещё одна проблема, когда ты просто череп. Начав катиться, остановиться очень, очень непросто.

- Подожди! – крикнул я кокатриксу. – Вернись!

Существо лишь взглянуло на меня своими глазами-бусинками. Видимо решило, что я не очень милое яйцо.

Я выкатился за порог пещеры, в которой коротал время, пока не появилась птица, и поскакал по наклонному полу каменистого коридора. Мгновением позже я коснулся лестницы.

Да, черепа умеют скакать. Однако удовольствия от этого не получают.

Каждый раз, когда я ударялся об одну из тяжёлых каменных ступеней, это было похоже на взрыв. Потом лестница кончилась, и я снова покатился. Секунду спустя я увидел её, зияющую словно зубастая пасть – трещину поперёк прохода, от одной стены до другой. Нельзя было назвать её очень широкой – живой человек с лёгкостью перешагнул бы. Но ширина оказалась достаточной, чтобы уместить череп-беглец.

За прошедшие года я усвоил, что «вниз» - это то направление, в котором вы точно не захотите двигаться в Подгорье. Чем глубже в лабиринт, тем страшнее твари. А вернуться наверх – задача во сто крат более тяжёлая. Я исчез в узком провале, щёлкнув челюстью. Что меня ожидает на дне? Пузырящаяся чёрная жижа, готовая растворить меня? Пылающий круг огненных саламандр? Крушащие всё подряд жвала ползающего падальщика?

Но тут каменная щель закончилась. Пару мгновений я летел через воздух, а потом приземлился на что-то...

... тёплое и похожее на подушку?

- Ай! – резко выдохнул чей-то приятный голос.

Я ничего не видел, только темноту. Внезапно две руки приподняли меня. Что-то поймало меня, держало своей хваткой! Но что? Истекающее слюной чудовище, собирающееся перемолоть меня в костяную труху? Затем руки перевернули меня – осторожно. От удивления я клацнул зубами.

Она была полуэльфом – это я мог сказать сразу. Острые скулы, раскосые карие глаза, лишь-едва-заострённые уши её сдали. Одета в штопанную тунику, она сидела на каменном полу погружённой во мрак пещеры, прислонившись спиной к стене. Я упал прямо к ней на колени – и решил, что лучшего места для приземления и сыскать было нельзя.

Гладкий лоб женщины собрался морщинками, когда она нахмурилась, изучая меня. «Ну и откуда это взялось?» - спросила она вслух.

- Сверху! – жизнерадостно отозвался я. – Спасибо, что смягчила падение!

Очень часто, когда я заговариваю с людьми, они странно себя ведут. Как будто никогда раньше не встречали говорящих черепов. Ну ладно, вы правы, большинство скорее всего нет. И всё же было бы неплохо, если б они хотя бы пытались сказать вежливое «привет!», прежде чем бросать на пол и убегать с воплями. Однако, ничего

из вышеперечисленного она не сделала, хотя её миндальные глаза и расширились от удивления.

- Ты говоришь!

- Да, - признал я. – И много, в общем-то.

Она потрясённо заморгала.

- Я думала, что я лишь одна живая душа здесь, внизу.

- Всё ещё так и есть.

Я со щелчком сомкнул челюсти, подчёркивая сказанное, и ожидал увидеть гримасу отвращения на её миловидном личике. Вместо этого она рассмеялась – звук столь же ясный, словно звон колокольчиков.

- Ну, - сказала она. – Сейчас выбирать мне особо не приходится. Приму любого друга, что попадётся мне в этом месте.

Её слова наполнили меня теплом; я даже не думал, что ещё остался способен ощущать такое.

- Я Алири, - продолжала она.

- А меня зовут Мураг, - представился я. – Мураг Брилстагг.

Она поставила меня на колени и уставилась в пустые глазницы.

- Как ты попал сюда, Мураг?

- Длинная история, - предупредил я и открыл рот, собираясь перечислить всё, что привело меня сюда, начиная с Гиллара. Однако она вежливо, но твёрдо вернула челюсть на место.

- Прости, Мураг, - сказала девушка. – Уверена, это увлекательный рассказ. И я правда хочу его послушать. Но боюсь, сейчас у меня нет времени, - её пальцы соскользнули с кости.

Я был разочарован, конечно же, но всё же удовлетворён её мягким отказом.

- Ничего, - успокоил я. – А ты не возражаешь, если я спрошу, что ты тут делаешь? Это невероятно, я знаю, но здесь, в Подгорье, не так уж и много красавиц-полуэльфик.

Алири снова засмеялась, но на этот раз в смехе как будто звучала лёгкая грусть.

- Я не красавица, Мураг, - мои возражения она отмела взмахом руки. – Это неважно. Только одна вещь сейчас имеет значение. Я кое-что разыскиваю. Может, ты слышал что-то об этом. О месте под названием...

Внезапно она напряглась, а я выскользнул из её рук, с грохотом шлёпнувшись об пол. Девушка вцепилась в стену непослушными пальцами, плотно закрыв веки. В темноте сложно было сказать наверняка, но, похоже, её трясло.

- Алири? - свистящим шёпотом осторожно позвал я.

Спустя миг её глаза распахнулись. Тело обмякло, и полуэльфийка привалилась к стене.

- Прости, Мураг, - выдохнула она, и в этот раз в её голосе сквозила усталость. – Можно подумать, мне уже давно нужно было привыкнуть и быть готовой. Но это наступает так внезапно, что подготовиться я никогда не успеваю.

Она тихо прошептала единственное слово, и мягкий свет наполнил её сложенные чашечкой руки. В его сиянии я смог получше рассмотреть эту девушку; я

понял, что её бледность и худобу нельзя объяснить одной лишь эльфийской кровью. Кости резкими линиями выделялись под кожей, а под глазами собрались тени.

Черепу непросто издать вздох, но я смог.

- Сколько уже ты больна, Алири?

Она в изумлении уставилась на меня.

- Откуда ты знаешь?

- Мёртвые такое видят.

- Уже год, - кивнула она через секунду. – Что-то не так с моей кровью. Иногда она как будто превращается в огонь в моих венах.

- Ты не ходила к целителям?

Алири покачала головой.

- Целитель не сможет это исправить. Понимаешь, я не всегда такой была. Ну то есть, не больной. Я имею в виду, не была полу-эльфийкой.

- Не понимаю, Алири. О чём ты говоришь?

Девушка сделала глубокий вдох.

- Я родилась обычным человеком, Мураг.

Потеряв дар речи, я мог только смотреть на неё. Она упёрлась взглядом в синий шар света в ладонях и начала рассказывать тихим голосом.

- Всю свою жизнь я была как будто не в своей тарелке. Всегда чувствовала себя такой неуклюжей, такой скучной, обычной. А потом, однажды, я увидела группу наездников, сопровождавших эльфийского принца по пути в Глубоководье – все они такие грациозные, светлые, радостные. Я подумала, что если стану чуть-чуть похожей на них, то несомненно буду счастливее. После этого случая я стала проводить все свои дни в изучении магии. Я копалась в затхлых книгах и плесневеющих свитках, пока в один день, в позабытом сборнике рукописей в библиотеке Глубоководья, не нашла нужное заклинание и не наложила на себя.

Я ненавидел слова, которые мне пришлось сказать:

- Что-то пошло не так, да?

Алири вздохнула.

- Не сразу. Чары частично придали мне эльфийскую внешность, сделали наполовину эльфийкой, как я и надеялась. Но это заклятье было непростым и запутанным. Даже сильный маг столкнулся бы со сложностями при его чтении, а я-то была чуть опытнее обычного любителя, - девушка закрыла глаза. – Спустя месяц или около того началась боль. И с тех пор только становится хуже. Поэтому я пришла сюда.

- Но зачем? – удивился я. – Зачем приходить в место, подобное Подгорью?

Два коротких слова в ответ:

- Грот Мечтаний.

Я позволил свисту прорваться через зубы. Грот Мечтаний. Я уже слышал это название раньше. Каждый, кто достаточно долго имел дело с Подгорьем, слышал. В легендах говорилось о пещере глубоко под землёй, в которой однажды Ллиира, Наша Леди Радости, спала и видела сны. Говорили, что камни этого грота ещё хранили силу её снов, и любой нашедший пещеру и зашедший в неё познает радость исполнения своей величайшей мечты.

Когда-то даже я разыскивал этот грот. Моя мечта? Снова жить. Верно, даже если бы магия пещеры сработала, я никогда не смог бы уйти, ибо сказано – для того, кто уйдёт, мечта закончится, и он больше никогда не сможет попасть сюда снова. Но я не возражал против того, чтобы до конца жизни застрять в пещере. Только не в том случае, если бы стал живым – по-настоящему живым.

Впрочем, это не важно. Я уже очень давно отказался от этой затеи. Как и все остальные.

- Грот Мечтаний – миф, Алири, - осторожно отметил я.

Полуэльфийка кивнула.

- Да, Мураг, ты прав. Но миф правдивый.

Мне не хотелось ранить её чувства открытым несогласием.

- Ну ладно, - допустил я. – Может и так. Но даже если пещера существует на самом деле, ты не сможешь до неё добраться, если только, конечно, у тебя нет...

Из висевшей на плече сумки девушка вытащила хрупкий пергамент и развернула его. Если бы у меня ещё оставались глаза, они точно вылезли бы на лоб.

- ... карты! – закончил я удивлённым вскриком. Я подпрыгнул на месте вверх-вниз, не в силах поверить в то, что вижу. – Алири, у тебя есть карта пути до Грота Мечтаний? Но откуда?

Она сделала жест, будто смахивала пыль с карты.

- Много лет назад мой дедушка был жрецом Лииры, в городе Эльтурель. Во сне наяву, посланном богиней, он нарисовал карту тоннелей, ведущих к гроту. Вот только он понятия не имел, в какой части Фаэруна эти тоннели находятся, и умер, так и не выяснив. Я ношу эту карту ещё с той поры, когда была всего лишь ребёнком. Тогда это была просто память о дедушке. Но пару дней назад я подслушала разговор нескольких человек в таверне, заведении под названием «Зияющий Портал». Посетители обсуждали какую-то пещеру под городом, - она вонзила взгляд своих ясных глаз в мои пустые глазницы. – Пещеру, в которой исполняются желания.

- Ну так чего же тогда ты сидишь тут? – потрясённо поинтересовался я. – Почему ещё не добралась до грота?

- Вот почему.

Она вытянула карту, а затем медленно повернула. Наконец, я понял причину.

- На схеме нет направлений! – воскликнул я. – Ты не знаешь даже, где север!

Девушка кивнула.

- Я думала, что смогу отыскать дорогу, оказавшись здесь, но ошиблась. Спустившись в Подгорье... я заблудилась.

- Погоди-ка минуту, - работая челюстью, я подполз ближе к развёрнутому свитку. – Я узнаю некоторые места. Да, вот Зал Многих Колонн. А вот это должен быть Зал Зеркал, - я возбуждённо закрутился на месте. – Алири! Я знаю, где на карте мы! Я могу довести нас до Грота Мечтаний! – я приумолк. – Если возьмёшь меня с собой, - скромно добавил я.

К моему облегчению вместо ответа девушка обхватила меня обеими руками.

Я наслаждался объятиями всего мгновение.

- И какой будет твоя мечта, Алири? – спросил я. – Исцелиться?

Полуэльфийка закрыла веки и откинула голову, прислонившись к стене:

- Знаешь, сколько времени прошло с тех пор, как я последний раз спала, Мураг? Крепким, глубоким сном? – она вздохнула. – Всё что угодно отдала бы, чтобы боль утихла, хотя бы на минуту, чтобы я смогла поспать.

Сложно сказать, откуда это пришло, ведь сердца у меня больше не было, но внезапно меня охватила странная смесь приятного возбуждения и преданности. Я коротко свистнул, и Алири открыла глаза. Я вывернулся из её рук и покатился по полу.

- Пойдём, Алири, - позвал я с воодушевлением. – Давай отыщем наши мечты!

Она улыбнулась, и хотя улыбка была усталой и вымученной, красота в ней тоже присутствовала. Двигаясь осторожно и дёргано, она поднялась на ноги, поместила магический фонарик на плечо и последовала за мной.

Основная проблема с Подгорьем заключается в том, что вещи здесь никогда не являются тем, чем должны быть. Проходы, которые сегодня лежат в одном месте, обладают дурной привычкой бесследно исчезать на следующий же день. Одновременно, новые коридоры появляются там, где раньше стеной стоял сплошной камень. Мне никогда не удавалось хотя бы отдалённо понять принцип, по которому менялись эти туннели. Возможно, они делали это по собственной воле. Больше в Подгорье меня не удивляет ничего – хотя почти всё беспокоит. В общем, в этом месте изменения происходили чуть ли не каждую ночь, а с того момента, как предок Алири нарисовал карту, прошли века.

- Итак, Алири, - сказал я. Удобно устроившись на сгибе локтя, я изучал сложенную карту, выглядывавшую из её походной сумки. – Приготовься повернуть налево.

В слабом свете магического огня было видно, как девушка нахмурилась.

- Но здесь нет поворота налево. Только направо.

Я вздохнул. Мы шли едва ли больше четверти часа, но это оказалось уже третье различие между схемой и реальным расположением туннелей.

- Так, ну ладно, - сориентировался я. – Пока иди прямо. Можем пройти через Зал Сотни Свечей впереди, и потом вернуться окружным путём.

Алири продолжила идти маленькими, осторожными шажками. Секунду спустя сквозь мои зубы вырвалось предупреждающее шипение.

- Алири! – прошептал я. – Назад! Быстро!

Лишь одна вещь оставалась неизменной в лабиринте безумного Халастера. Что бы там туннели и коридоры не вытворяли, на монстров вы всегда могли рассчитывать. До сего момента Алири не оставляла удача. Я обнаружил её в часто исследуемой и относительно безопасной части подземелий, в которую она пришла прямо от исхоженной Входной Шахты, начинавшейся под «Зияющим Порталом».

Похоже, удача собиралась ей изменить. И к худшему раскладу.

Алири нырнула в альков, спрятавшись за полотнищами паутины – и вовремя, ибо спустя мгновение мимо неуклюже проковыляла огромная тень. Существо сопровождал резкий запах. Наконец оно скрылось из виду. Мы прождали ещё дюжину испуганных ударов сердца девушки, затем она шагнула обратно в коридор.

- Что это было? – спросила полуэльфийка.

Я взглянул на рассыпанные по полу дымящиеся экскременты.

- Совомед. Хорошо, что он не нашёл нас.

- Почему?

- Совомедам нравятся эльфы.

Алири провела рукой по пышной рыжей гриве.

- Ну, если им нравятся эльфы, тогда наверно это существо не стало бы...

- Нет, Алири, - возразил я. – Им *нравятся* эльфы. На ужин. Или обед. Или в качестве закуски. Похлёбка из эльфа, эльфячий пирог, жаркое по-эльфийски. Как ни назови, им понравится всё.

- Оу, - с трудом сглотнула девушка.

После этого мы продолжили наш путь, по необработанным коридорам, по скользким лестницам, через продуваемые пещеры. Спустя не так много времени после встречи с совомедом, нам пришлось протиснуться в боковой проход, чтобы не столкнуться с троллем-одиночкой. К счастью, судя по капающей с его подбородка тёмной жидкости, он только что насытился, и пока не собирался искать новую добычу. Вскоре после этого мы зашли в очередную каверну – и сразу же выскочили оттуда, едва избежав тянущихся хоботков пары летающих кровопийц; в противном случае они с удовольствием бы досуха выпили всю кровь Алири. Наконец, в одной из забитой мусором пещер, мы спрятались под кучей гнилых тряпок, когда появилась стая кобольдов. Одно из этих грязных созданий уставилось на грудь тряпья своими жучиными глазками, дёргая носом, как будто учуяло что-то интересное. Алири пришлось даже крепко держать мне челюсть, чтобы она не стучала. Один из компаньонов окликнул его грубым голосом, и существо поторопилось нагнать остальных.

Несмотря на эти нежелательные препятствия – и на бесчисленное количество раз, когда нам приходилось возвращаться назад и искать новый путь, потому что опять на том месте, где её не должно было быть, оказалась стена, или лестница вела вверх, а не вниз – мы уверенно продвигались к цели. Судя по карте, до Грота оставалась ещё половина пути.

Мы свернули в промозглый проход, и вдруг Алири споткнулась, схватившись за стену. Её лицо казалось луной в полуночной тьме. Дыхание вырывалось короткими рывками. Я аж щёлкнул челюстью при виде собственной глупости. Я беспечно вёл Алири вперёд, будто мы собираемся на пикник, хотя каждый шаг для неё должен был быть агонизирующим. И всё это время она не жаловалась.

- Не знаю, что насчёт тебя, - предложил я, - но я бы от отдыха не отказался. Не возражаешь, если присядем на минутку?

Она благодарно улыбнулась:

- Если хочешь, Мураг, - и тяжело опустилась на широкую шляпку большого гриба, поставив меня на поганку рядом. Лёгкая дрожь сотрясла её. Снова то пламя. Она глубоко вздохнула и отвела волосы с ввалившихся щёк изящной, слишком тонкой рукой.

- Ты очень храбрая, Алири, - тихо подбодрил я. – Многие из тех, кого я раньше знал, уже давно сдались бы.

- Я не могу сдаться, Мураг, - с горькой улыбкой на губах покачала она головой. – Забавно. Таки вещи не случаются с настоящими эльфами. Они не... болеют, даже

магическими хворями. Но теперь и я наполовину эльф, и именно эта половина не позволяет мне сдаться. Жизнь для эльфов священна. Я должна продолжать. Пока не доберусь до грота.

Я издал задумчивый свист. Грот Мечтаний. Существует ли он взаправду? Но я не мог в этом сомневаться, только не сейчас. Алири исцелится, а я... Дрожь пробежала по всем моим косточкам. Нет, нельзя даже думать об этом. Мысль была слишком чудесной для меня.

- Мы доберёмся, Алири, - успокоил я. – Мы исполним наши мечты, и сполна познаем счастье.

К моему удивлению, услышав мои слова, она потрясла головой.

- Не так, Мураг. Ничто не сможет сделать тебя счастливым, если ты не счастлив с тем, что имеешь. Такой урок я вынесла из всего этого. Я думала, что если стану полуэльфом, это исправит все мои недостатки. Но через несколько дней я поняла, что, даже выглядев снаружи по-другому, внутри я осталась тем, кем всегда и была. Не обладание человеческим телом делало меня несчастной. Я сама. И никакое заклинание не в силах было это изменить. Только я, - она окинула меня торжествующим взглядом. – Понимаешь, Мураг?

Нет, я не понимал, но прежде чем успел спросить, что она имеет в виду, девушка медленно и целеустремлённо поднялась.

- Пойдём, - позвала она. – Пойдём.

Стоявшая перед нами задача отвлекла меня. Пару секунд я изучал карту, затем мы вновь отправились на поиски.

Спустя час коридор расширился, и мы оказались на краю длинной пещеры с высоким потолком. В воздухе висело сиреневатое свечение; на другом конце помещения выстроились в ряд троны, вырезанные из тёмного камня. На каждом из них устроился сухой труп, облечённый в истлевшую мантию.

- Ой-ой, - сказал я. – Должно быть, туннели вновь перемешались. Я не думал, что наш приведёт сюда.

- «Сюда» это куда?

- Зал Спящих Королей.

Алири уставилась на мумии, оккупировавшие сидения.

- Может быть, стоит поторопиться.

Я не мог не согласиться. Полуэльфийка устремилась через пещеру, мимо двух наблюдающих за нами рядов усопших правителей. Мы добрались до середины комнаты, когда как будто из ниоткуда раздался гулкий голос:

- Погибель! Погибель нам всем!

С неприятным скрипящим звуком древних лопающихся сухожилий, мумифицированные короли один за другим встали со своих мест.

Глаза Алири расширились.

- Мне казалось, ты назвал эту комнату зал *спящих* королей, Мураг!

Я сглотнул – насколько это возможно без глотки:

- Похоже, они только что проснулись.

- Ну, может быть, они не желают нам зла, - предположила Алири дрожащим голосом. – В конце концов, Мураг, ты тоже мёртв.

В двух дюжинах пустых глазниц загорелся зловещий багровый огонь.

- Боюсь, не все мертвецы такие же дружелюбные, как я.

Две дюжины костяных рук схватились за ржавые мечи. Две дюжины костяных ног заскребли по каменному полу.

- Живая! – громогласно возвещал бесплотный голос. – Ты нарушила покой спящих - прими же свою судьбу!

Алири развернулась, но короли надвигались со всех сторон.

- Им нужна я, Мураг! Я – живая. А ты должен убраться отсюда! – она замахнулась, готовясь швырнуть меня ко входу в пещеру.

Её слова зажгли идею в пустом месте, где раньше был мозг.

- Подожди, Алири! – крикнул я. – У меня есть план! Надень меня на голову, накройся плащом и подними вон ту ржавую корону из-под ног.

Девушка колебалась. Король шаркали всё ближе.

- Пожалуйста, сделай как я говорю!

Алири схватила корону, нахлобучила на мой затылок, затем поместила меня на свой. Завернувшись в плащ, она спрятала лицо и тело, когда короли вознесли мечи.

В тот же момент я заговорил, самым низким своим голосом – который на самом деле был не таким уж и низким, но я надеялся, что трюк сработает.

- Стойте, братья! Нет нужды в лишних действиях! Разве вы не видите, что я один из вас?

Мёртвые владыки застыли, а огоньки в глазницах заплескали в неуверенности. Подо мной дрожала полуэльфийка, а корона опасно покосилась на моей голове. Скелеты шагнули. Я предпринял ещё попытку.

- Это я! Король... ээ... Король Хардноггин из... мм... из Замка Скуллтоп! Здесь нет никого из этих надоедливых смертных. Почему бы нам не вернуться на наши уютные трончики и не сомкнуть глаза на пару-тройку веков?

Какое-то мгновение короли просто смотрели на меня в мёртвом ступоре. Затем, все как один, развернулись и поковыляли к своим престолом.

- Получается, Мураг! – прошептала Алири.

- Думаю, девять столетий смерти немного затуманили их разум, - прошептал я в ответ. – А теперь пойдём. Время свалить с этой жуткой сонной вечеринки!

Ничто так не заставляет тело – ну или череп, если вам так важно - двигаться быстрее, чем хороший испуг. Я направлял со своего места на локте, а Алири болезненно, но быстро пробиралась через бессчётные изгибы и повороты. Вскоре дыхание с трудом вырывалось из её исхудалой груди, а лицо покрылось потом. Шаги стали неуверенными. Я хотел попросить её остановиться, отдохнуть, дать огню в венах немного остыть. Но я прикусил язык, точнее, воспоминание о нём. Думаю, она знала то, что я только что узнал из схемы.

- Мы почти на месте, - оповестил я. – Осталось только повернуть налево.

Алири отрывисто кивнула и завалилась за угол. Она прохромала вниз по коридору, и там, после дюжины шагов мы наткнулись на....

... тупик.

Я издал раздражённое рычание.

- Должно быть, стена сместилась. Мы вернёмся назад и обойдём с другой стороны.

- Хорошо, - выдохнула девушка.

Приложив немало усилий, она развернулась, поднялась вверх по коридору... и опять упёрлась в глухую стену.

- Невозможно! – вскрикнул я. – Мы же пришли этим путём пару минут назад!

Самодовольная громада каменной стены стояла перед нами, преграждая дорогу.

Алири прислонилась к ней, пытаясь перевести дыхание.

- Наверно камень... сдвинулся сразу же, как только мы... прошли здесь.

Алири была права. Видимо в этом месте Подгорье активно перестраивало само себя. Отчаяние переполнило мою пустую оболочку. Я пытался привести полуэльфийку в Грот Мечтаний, а вместо этого завёл в ловушку, сюда, в эту подземную дыру. Славную могилу я подыскал ей, подыскал нам обоим.

- Прости, Алири, - сказал я прерывающимся голосом. – Мне так жаль, что я привёл тебя сюда.

Не знаю, как она смогла улыбнуться, но она это сделала. Хорошо, что у меня не было сердца – иначе в тот момент оно бы разбилось.

Её голос стал нежным.

- Ты не подвёл меня, Мураг. Ты дал мне шанс, которого я не имела. За это я благодарна, - она подняла меня и подарила моему голому костяному лбу чувственный поцелуй.

Странное покалывание охватило меня. Я распахнул челюсть, намереваясь сказать что-нибудь - что угодно, даже не зная, что. Но так и не смог. Раздался странный, всасывающий звук. А потом квадрат пола под ногами просто исчез.

Я осознал произошедшее, пока мы летели. Подгорье в очередной раз изменило свою планировку, прямо под нами. После этого откровения я больше ни о чём не мог думать. Слишком занят был, крича во весь голос.

Фух!

Я недоумённо закачался. Это был не тот звук, который я ожидал услышать при приземлении. Скорее, «шлёп». Или «хлюп», или даже «тыдыщ!». Но точно не «фух».

Я попытался оглядеться, но всё стало белым. Затем что-то защекотало дыру, где раньше находился мой нос, и я тут же чихнул. Да-да, черепа умеют чихать; причём этот чих едва не разнёс меня на осколки. Тысячи маленьких белых частичек полетели во все стороны, после медленно опустившись на пол.

Перья.

Затем я заметил играющую на губах Алири хитрую улыбку. Я потрясённо выдохнул:

- Алири... Это ты сделала?

Полуэльфийка скромно пожала плечами.

- Может, в магии я и любитель, но заклятью-другому всё же научилась.

Жаловаться я не собирался. Ведь она смогла прочитать заклинание, спасшее от печального конца, ожидавшего нас здесь, в...

... здесь где?

Алири стряхнула перья, подобрала меня и поднялась. Мы оказались в пещере настолько большой, что магический светильник девушки не мог достать до потолка. Но нам не нужен был свет, чтобы разглядеть то, на что мы оба уставились. В одной из стен пещеры зияло круглое отверстие – вход в соседнюю пещеру. Внутри переливался зелёно-золотой свет, красивый и манящий.

Я даже не потрудился свериться с картой, прошептал:

- Грот Мечтаний.

Я подумал, что сейчас, когда мы наконец-то попали сюда, полуэльфийка сразу же бросится к гроту. Вместо этого она крепко сжала меня:

- Мураг, мне страшно.

- Не бойся, Алири. Там ждёт твоя мечта.

Тогда она улыбнулась. Странно, но в улыбке крылась печаль.

- Да, ты прав, не стоит бояться. Не с тобой, Мураг. Я счастлива. Счастливее, чем когда-либо была в своей жизни. Спасибо.

Держа меня в руках, девушка подошла ко входу в грот и шагнула прямо в зелёно-золотое сияние.

Почему-то здесь, глубоко под землёй, оказался разбит сад. Солнечное тепло пробивалось через колышущийся зелёный покров. Откуда-то со стороны, весьма близко, доносился звонкий звук бегущей воды. По воздухуплыли пение птиц и семена чертополоха. Какое-то время я просто стоял без движения, зачарованный красотой этого места. Потом вернулись воспоминания. Я повернулся назад.

- Алири?

Но всё, что я увидел – обвитые лианами стены и лениво покачивающиеся венчиками-головками цветы. Полуэльфийки нигде не было видно. Я пошёл вперёд, вдыхая сладкий, душистый воздух.

Пошёл? Вдыхая?

Я не смел посмотреть вниз; не может быть. Но нужно было убедиться. Медленно, я перевёл взгляд под ноги. И увидел его отражение в чистой воде небольшой лужицы – одетого в зелёное человека, с мальчишеским лицом, обрамлённым непокорными каштановыми волосами, и довольно – если не сказать очень даже – привлекательного. Я потрясённо моргнул – он сделал то же самое. Я знал, что он и я – один и тот же человек. Я поднял руки – настоящие руки, покрытые тёплой плотью – и поднёс их к лицу. Никаких жёстких костей, лишь мягкая, гладкая кожа.

- Живой, - прошептал я. Внезапно меня разобрал смех, всё прибывая, точно талая вода по весне. – Живой!

Я заплясал – всего лишь выкидывая глупые коленца, но мне было всё равно. Как приятно было снова двигать ногами, махать руками, ощущать стук сердца в груди. Живой! Я встал на колени перед озерцом и плеснул водой на лицо, выпив немного. Сладкая, и такая холодная, что аж жгло, но я наслаждался и вкусом, и ощущением. Живой! Я сорвал цветок и поднёс к носу, вдыхая пьянящий аромат. Кожа ощущала тепло солнечного света. Живой! Это место и вправду Грот Мечтаний. Животворящая магия Лииры и вправду коснулась здешних камней. Алири оказалась права.

Алири...

Цветок выпал из пальцев. Точно, она где-то здесь, в пещере. Девушка наверняка исполнила свою мечту, так же, как и я. Нужно отыскать её, показаться в новом облике, крепко обнять настоящими руками и радоваться вместе.

Я побежал через сад, разыскивая полуэльфийку. Прорвавшись сквозь заросли глициний, я резко остановился.

- Алири! – начал звать я, но имя застряло в горле.

Она лежала на ложе из папоротников, под нависшими ветвями ивы. Серебристые листья падали сверху, точно слёзы, усыпая всё вокруг и запутываясь в её волосах. Глаза закрыты, руки сложены на корсете её золотого платья. Вокруг расцвели лилии, такие же бледные, как и кожа девушки.

Я знал, что она мертва. Из-за неподвижности. Ни одно живое существо не сможет лежать настолько безупречно, настолько поразительно спокойно. Я упал на колени рядом с ней. Слёзы катились по щекам. Боль в груди была такой сильной, что я думал, что она убьёт меня. О, да, я и вправду стал живым.

- Почему, Алири? – зашептал я. – Я думал, ты мечтаешь об исцелении. Почему так?

Но ещё только произнося эти слова, я уже знал ответ. Она сама об этом сказала. «Всё что угодно отдала бы, чтобы боль утихла, хотя бы на минуту, чтобы я смогла поспать». И теперь, наконец, она получила желаемое. Не в том месте, где к ней на спасение пришла бы мимолётная фантазия; в том, где её эльфийская сторона тоже смогла бы отдохнуть, как и человеческая. Иногда, когда ты очень сильно что-то любишь, ты должен это отпустить.

- Спи спокойно, Алири, - негромко проговорил я. Наклонившись, я прижал к её губам свои, но они уже остыли.

Не знаю, сколько я стоял перед ней на коленях. Положение солнца не менялось. Думаю, в том месте время не течёт вовсе. Всегда там будет день, и всегда – раннее лето.

Наконец я поднялся и вытер со щёк солёные капли.

- Прощай, Алири, - сказал я. Отвернувшись от её одра, я больше не оборачивался.

Не знаю, как я нашёл его. Просто подумал, и вот он возник передо мной. Круглый проход и тени за ним. Вход в пещеру, и выход в то же время. Слова зазвучали в моей голове. Не могу сказать, принадлежали они мне или кому-то ещё.

«Покинув Грот Мечтаний, ты никогда не сможешь вернуться.»

Я взглянул на свои руки, размял гладкие, тёплые пальцы. Как приятно быть живым. Но это ведь лишь сон, не так ли? «Ничто не сможет сделать тебя счастливым, если ты не счастлив с тем, что имеешь, Мураг». Алири заплатила высокую цену, чтобы понять это. И если мне суждено быть волшебным черепом, затерявшимся в Подгорье, значит, я должен как-то обрести счастье в этом – как Алири нашла в себе, в своей участи, прежде чем мы вошли в грот. Последний раз я посмотрел на свои настоящие руки. Затем вздохнул.

- Спасибо, Алири, - поблагодарил я.

И вышел наружу через круг темноты.

Как обычно, на следующее утро на меня снова попытался сесть кокатрикс. Поначалу я не мог даже найти сил, чтобы укусить его. Но затем вспомнил об Алири и

чему она меня научила. В честь её памяти я должен был хотя бы попытаться. Собравшись с духом, я вцепился зубами в чешуйчатое филе. Птица пискнула, отлетела и уставилась на меня своими бусинками.

В тот же миг, в глубине захватившей меня печали, я почувствовал её – искру веселья. Я понял, что Алири бы понравилось. И искра превратилась в пламя.

- Берегись, Подгорье! – пронзительно закричал я тогда. – Череп вернулся! С хохотом и молитвами, я укатился во тьму.

ПРИЩУРЕННЫЙ ВЗГЛЯД

Монте Кук

Тёмный Глаз Гавинааса раскрылся.

Магическая сила заискрила вокруг него, потрескивая огнём, когда Глаз попытался изучить окружение. Он увидел запylённую, затянутую паутиной комнату, плотно закрытые золотые сундуки, ювелирные украшения за стеклянными витринами – всё это блестело, отражая изумрудное сияние самого Глаза. Он всё ещё не понял, как попал в эту маленькую каморку, хотя пробудился уже в третий раз с тех пор, как обнаружил себя здесь.

Очевидно, маг Гавинаас был мёртв, поскольку никогда не отдал бы Глаз добровольно; но талисман не мог сказать, когда это произошло, или хотя бы сколько времени прошло с тех пор, как он открывался в последний раз. Его сила могла дремать годы.

«Это пыльное, всеми забытое хранилище – не место артефакту несравненной мощи», подумал он. Наделённый магией предмет чувствовал себя здесь не как в храме, а как в гробнице. Реликвия, подобная Тёмному Глазу, должна принадлежать великому волшебнику, с которым можно завоевать мир. Нужно было такого найти.

Но, как и в прошлый раз, когда артефакт потянулся магическим взором, то быстро обнаружил, что ни одного подходящего колдуна в пределах досягаемости не имеется. Ну ладно. Волшебника можно и создать, не только найти. Тёмный Глаз (ранее, Гавинааса) развернул свой взгляд в знакомом направлении. В любом случае, прежние два раза, во время пробуждений, он обнаруживал кого-то, кто обладал силой, превосходящей силу любого волшебника...

Да. О, да. Глаз прищурился. Этот кто-то всё ещё находился рядом. Артефакт мог учуять его присутствие... и слабость, не существовавшую раньше.

«На этот раз, - предвкушал Глаз, - на этот раз он покорится».

Тиурен заставил своего грифона приземлиться во внешнем дворе Королевского Дворца Вантира. На стойла сегодня нет времени. Письмо, которое он получил вчера

от короля Кохата, его друга детства, просило скорее прилетать – это означало, что какая-то ужасная неприятность сомкнула на дворце свою хватку. Редко король вызывал барда из его странствий, и то только в случае острой необходимости.

Самый известный бард Вантира остановился лишь на секунду, чтобы пробежать пальцами по взлохмаченным ветром каштановым волосам и по короткой бородке, прежде чем заторопиться к главным воротам, и дальше, вверх по мощёной дорожке, в зелёный внутренний дворик. Королевские стражи в надраенной броне, редко использовавшие своё оружие, поприветствовали его кивком. Бард их полностью проигнорировал. Даже не глядя на них, он знал, что не один из них удивлённо приподнял бровь при виде поношенного походного плаща того же цвета, что и небеса, в которых Тиурен летал. Во дворце такая одежда была не к месту, но времени переодеться не было.

- Тиурен, подожди, - прежде, чем бард достиг ворот, остановил его голос.

Обернувшись, он увидел Беанту, хранительницу двора. Почтенная женщина заслуживала большого уважения за её преданность королю и за непрерывный труд по управлению дворцовым хозяйством.

Тиурен дождался, пока она торопливо не подбежит к нему.

- Что такое, Беанта? Я получил тревожное послание...

- Да, - перебила круглолицая женщина, и морщинки беспокойства расчертили её лицо. – Это королева, - казалось, Беанта с трудом может говорить. – Её... прокляли.

- Чего? – Тиурен скептически рассматривал хозяйку двора. Всегда аккуратная и ухоженная женщина сегодня носила длинное голубое платье. Она хорошо, если не сказать привлекательно, выглядела. Но лицо – мрачное, словно могила. – Проклятье? Звучит, как детская страшилка.

- Пришло сообщение, два дня назад, - склонившись поближе, начала она приглушённо. – Никто не знает, откуда, но его доставило какое-то маленькое, крылатое существо с красноватой кожей и жуткими зубами. Бесёнок вручил свиток королю и исчез.

- Что в нём сказано? – требовательно поинтересовался Тиурен.

- Письмо гласило, что на королеву наложено проклятье, - шёпотом отозвалась Беанта; её глаза расширились, - и что она зачахнет и умрёт, если Кохат не сойдёт с трона и не посадит на своё место колдуна, навсегда.

- Что за мерзкие выкрутасы? – прорычал Тиурен.

Король Кохат – один из самых непримиримых противников бесконтрольного волшебства, особенно в эти дни, когда магия текла свободно, словно река. Сама Беанта была в долгу у короля за спасение жизни. Десятью годами раньше он отбил нападение группы могущественных магов из Нетерила, желавших завоевать небольшое государство Вантир, а в этом случае деревня женщины пала бы первой.

Такая угроза должна была прийти от волшебника, решил бард, но это мало чем помогало сузить список подозреваемых. Все знали, что любовь Кохата к жене безгранична. Он сделает ради неё всё, что угодно. Тиурен обругал последними словами того изверга, который решил использовать столь благородное качество короля против него же.

- Наверняка это ложь или злая шутка, - проревел бард. – Королю следует просто не обращать внимания на это странное письмо, пока он не найдёт злодея.

Он развернулся обратно к дверям во дворец, но тихие слова Беанты заставили его резко остановиться.

- Если бы он мог, мастер Тиурен, - голос Беанты был настолько же мягок, насколько голос барда – жёсток. Она опустила взгляд. – Королева уже пала жертвой недуга. Вчера на её теле появились ужасные язвы. Придворные лекари не в силах помочь; они утверждают, что ей становится всё хуже.

Женщина плотно закрыла глаза.

- Они говорят, что в течение следующих нескольких дней королева умрёт.

Вместе, бард и воин-король видели, как рушатся города и как горы вырастают там, где раньше были лишь равнины. Благородные вельможи падали пред ними ниц, а младенцы делились непонятными словами мудрости.

Каждую ночь стены вантирских таверн сотрясались от рассказов об их свершениях.

Рассудительный Тиурен, иногда прозываемый Благоразумным Певцом, был самым подходящим спутником для Кохата, воином безгранично буйного нрава, словно ум и храбрость в идеальной пропорции. Эта пара совместно исследовала окружающие земли, оберегая королевство от зла на каждом шагу. И всё же, даже после всего пережитого за эти годы, Тиурен никогда не видел своего друга в таком горе.

- Неужели Дариус или другие маги ничего не могут поделать? – опечаленно спросил бард, идя через всю комнату к Кохату. Безучастный ко всему король стоял рядом с оббитым бархатом стулом.

- Поделать? – переспросил Кохат. Спокойные, по-королевски благородные черты его лица искривились под действием мгновенной вспышки гнева. – Они болтают! Они изучают её, лежащую на кровати, и задумчиво размышляют! – он насмешливо покивал головой и погладил седеющую бороду, а потом нахмурился. – Они ничего не делают.

Тиурен знал, что лучше ничего не отвечать. Как и Кохат, он мало что понимал в путях магии, и ещё меньше в проклятьях. Бард рассеянно побарабанил пальцами по рукояти вложенного в ножны меча. Затем, расстегнув застёжку плаща, он бросил накидку на стул, стоявший рядом с королевским. Молодой бард чувствовал себя как дома в этой простой, освещённой лампами комнате – даже больше, чем в собственном жилище. Они с Кохатом столько обсудили здесь и составили так много планов по защите и процветанию королевства.

Тиурен ещё не побывал в королевской спальне и не видел королеву Диккону, но уже слышал ходившие по дворцу слухи – вызывающие дрожь описания того, как её сохнувшая плоть медленно отстаёт от костей. Даже слышать об этом было жутко, но увидеть это...

Король Кохат прервал его размышления. Его лицо вновь казалось спокойным, подавленным и усталым.

- Итак, мой друг. Ты всегда делился со мной ясным, вдумчивым советом, когда мне он требовался. И никогда ещё я не нуждался в тебе сильнее. Так что ты посоветуешь мне делать сейчас?

- Ну – прости, если это неуместно – но разве у тебя нет советников, которые должны советовать?

Кохат почти улыбнулся.

- Они советовали, советовали, но ничего путного не сказали.

Громадный воин начал мерить комнату шагами, как того и ожидал Тиурен. Будучи всегда человеком действия, король чувствовал себя увереннее, когда двигался, а не стоял.

- Никто в этом королевстве не может сделать или сказать что-то, что помогло бы мне, - внезапно король показался барду очень маленьким. Он медленно добрёл до единственного окна и отсутствующе уставился в ночь. – Не говори мне, что и ты тоже не сможешь предложить поддержку в худший час жизни твоего короля.

- Когда это я не находил слов? – это было произнесено многозначительно, но попытки даже на миг разжечь пламя духа воина были тщетны.

Кохат повернулся к своему другу. Тиурен увидел своего постоянного спутника многих лет совсем по-другому, нежели раньше.

Серые прожилки исчерчивали его кустистую чёрную бороду, а морщины теперь превосходили числом боевые шрамы.

Вздохнув, Тиурен наконец произнёс:

- Я знаю тебя слишком хорошо, Кохат. Сейчас все мои слова покажутся тебе бляением овцы. Ты знаешь, что у меня нет внезапного решения твоей беды. Ты сделаешь то, что и так уже знал с того момента, как твоя дорогая жена слегла от заклатья.

- Значит, трон, - король говорил тихо, опустив голову. – Королевство. Вся моя линия – кончится.

- Да, - Тиурен пересёк комнату, присоединившись к стоявшему у окна другу.

- Ты ведь знаешь, что я настолько сильно её люблю, да?

- Да.

- Значит, ты и вправду хорошо меня знаешь.

Сказать было больше нечего. Чувства питали жизненную силу этого человека. Любовь, ненависть, преданность – всё это не знало пределов. Его эмоции не ограничивались обстоятельствами, логикой, себялюбием или даже ценностью собственной жизни Кохата. Король любил свою страну, Вантир, как никто другой – но свою женщину он любил больше.

- Но мы не знаем наверняка, спадёт ли заклатье, если ты подчинишься требованиям, - предупредил Тиурен, привалившись к стене.

- Я готов воспользоваться этим шансом, - попытался улыбнуться воин, но вместо этого вышла искажённая гримаса. – Ведь это мой единственный.

Кохат последний раз взглянул на друга, словно ожидая озарения. Затем он опустил взгляд в пол, повернулся и покинул комнату через завешанную портьерой дверь.

Тиурен что угодно отдал бы за то, чтобы вдохновить короля, неожиданно обмануть судьбу, как они это часто делали в прошлом. Но нет. Всё, что он смог сейчас придумать, это:

- Помни, мой друг, солнце где-то всё ещё светит...

Но бард сомневался, что король услышал. Наверное, к лучшему.

Тиурен вздохнул. В следующий раз, когда он увидит своего друга, тот уже не будет королём.

Утро следующего дня всё никак не наступало. Покинув Кохата, Тиурен постоял за дверью покоев, в которых умирала королева. Он мог набраться храбрости, чтобы увидеть её в этом жутком состоянии, но знал, что печаль по поводу жертвы короля будет ясно читаться на его лице. Отречение не может быть выходом для короля. Обменять народ на одну душу? Особенно эту. Бард никогда не понимал, что такого Кохат нашёл в Дикконе.

Наконец шаги идущей по коридору горничной спугнули его. Решив, что для всех будет лучше оставить её в покое, Тиурен ушёл в свои комнаты совершать приготовления, в надежде поприветствовать сон, который так и не пришёл.

Его разум был затянут серой мглой, подобно утреннему небу за окном; медленно одевшись, Тиурен приготовился к тому, что ждало его впереди. Отказавшись от завтрака, который доставил слуга, он пронёсся мимо него и спустился по лестнице в большой зал.

Когда Тиурен прибыл, он обнаружил, что граф Дариус ожидает внизу лестницы, перед распахнутыми дверями зала. Худой, угловатый волшебник нарядился в роскошные одеяния из бархата и гипюра. Лицо было каменным, но что-то в глазах выдавало его волнение от собирающихся развернуться событий. Тиурен задумался, было ли возбуждение естественным – и правда, как часто человек узнает, что скоро станет королём? – или за ним крылось что-то ещё. Страшное проклятье ведь наложил колдун. Мог ли Дариус... Хотя нет, такой рохля, как Дариус, никогда не решился бы на столь отчаянный план.

Они двое зашли в тронный зал вместе, не обменявшись ни словом, ни приветствием. Тиурен не видел нужды заискивать перед неожиданным преемником трона, а Дариус, похоже, был занят обдумыванием куда более важных дел, чем обмен любезностями с каким-то бардом. Присутствие Тиурена во дворце терпели только из-за его дружбы с королём.

Толпы наполнивших зал людей носили знаки отличия, казавшиеся неуместными ранним утром. Их шёпот вырос до оглушительного рёва. Сколько из них пришло поддержать своего короля, а сколько – просто жадно понаблюдать за спектаклем? Бард подозревал, что большая часть присутствующих относилась ко

второй группе. Пиявки и падальщики, эти людишки не были искренне преданны королю.

Тиурен не будет скучать по проведённым при дворе дням.

На комнату спустилась тишина, когда вошёл Кохат, король Валтира. Тиурен с удивлением отметил, что правитель одет в простую кожаную ездовую одежду. Судя по изумлённым охам и смущению, его вид удивил и остальных.

Король занял место в центре возвышения, прямо перед троном. Не прерываясь – даже на покорный вздох – Кохат вытащил из ножен свой меч, Таммерунг, и встал перед ним на колени, уперев клинок остриём в пол.

- Я, Кохат, отрекаюсь от вантирского престола.

Зал разразился ворчанием, сопровождаемым многочисленными криками негодования.

Король без колебаний продолжил, повысив голос:

- Всем собравшимся – смертным передо мной и бессмертным вокруг – сообщаю, что я и мой род не подходят для управления таким королевством, как это.

Тиурен поразились отстранённости Кохата, отсутствию каких-либо эмоций.

- Только истинный приверженец магического мастерства – тот, кто понимает тайны высокого искусства – может вести эту великую страну к процветанию. Мой последний акт в качестве короля – я провозглашаю Дариуса, искушённого в путях колдовства, моим преемником.

Кохат грациозно поднялся и вытащил скипетр, спрятанный под рубахой. Несмотря на суровые слова, только что произнесённые им, ни малейшая дрожь не сотрясла его гордую фигуру. Король бросил скипетр на трон и покинул зал, сопровождаемый молчанием толпы.

Дариус поспешил к возвышению. Граф – точнее, новый король – похоже, думал, что Кохат останется поздравить его.

Такой глупец станет отвратительным правителем, предрёк бард. Он знал, что Кохат уже на пути к комнате Дикконы – чтобы убедиться, что его жертва позволила снять проклятие.

Тиурен быстро выскользнул из большого зала, надеясь его нагнать. Если Кохат когда-либо и нуждался в друге, так это сейчас.

- Проклятье снято! Бывшая королева Диккона быстро восстанавливается! Они с королём скоро покинут дворец, а потом и Вантир!

Тиурен выслушивал новости, проталкиваясь через толпу. Нужно скорее добраться до своего друга и узнать, что дальше. Коридоры дворца были запружены людьми – радостными или взволнованными последними событиями.

Тяжёлая деревянная дверь в покои оказалась слегка приоткрыта; Тиурен толкнул её, заставив петли заскрипеть. Между дверью и собственно спальней располагалась небольшая прихожая. Несмотря на годы дружбы, бард был в королевской опочивальне только один или два раза. Зная, что нужно оповестить о

своём присутствии, он позвал короля, но никто не ответил. Более не колеблясь, он отодвинул толстую красную штору, закрывавшую вход в спальню.

Последовавшие затем несколько мгновений изучения обстановки показали, что тускло освещённая комната пуста. Барда волной охватило чувство вины – он подумал, что не должен здесь находиться. Но прежде, чем его мысли перешли в действия, он услышал шум. Дверь в покои начала открываться.

Тиурен понял, что попал в очень неловкую ситуацию, и начал быстро прикидывать, что сказать в оправдание тому, что он нарушил приватность королевской спальни. Пока его разум подыскивал объяснения, его глаза изучали комнату в поисках укрытия. Последнее он нашёл гораздо быстрее, чем первое, и тут же запрыгнул в шкаф, заполненный королевскими одежками. Занавесь, разделяющая фойе и опочивальню, отодвинулась в сторону в тот момент, когда он развернулся внутри убежища – не осталось времени даже прикрыть дверцу.

Через штору прошли фигуры. Королева Диккона, скрытно скользящая внутрь, и ещё кто-то. Тёмный силуэт дожидался у входа, пока Диккона, оглядевшись, не объявила, что они одни. Бард едва смог сдержать изумлённый вздох, когда граф Дариус схватил женщину за бедра и притянул к себе, страстно поцеловав. Дариус?

Не проронив больше ни слова, пара исчезла в соседнем отделении. Мысли Тиурена лихорадочно замесались. Нужно было выбираться отсюда – что вообще здесь происходит? Полная бессмыслица. Внезапно скрип двери выдал прибытие ещё одного нарушителя.

Но нет, это оказался Кохат. Зайдя в комнату, он подошёл к крепкому сундуку у противоположной гардеробу стены. Глубоко погружившись в раздумья, бывший король начал набивать коричневую кожаную сумку одеждой и личными вещами. Он казался неожиданно воодушевлённым, учитывая текущее положение вещей – в его глаза даже вернулась частица бывшего пламени.

Кохат, похоже, не знал о том, что произошло здесь секунды назад. Как он может рассказать своему другу об этом, особенно после всего, что уже имело место быть? Больше того, что именно он ему скажет? Всё это казалось Тиурену лишённым смысла.

Пока бард наблюдал, всё ещё неуверенный в дальнейшем плане действий, уголком глаза он что-то заметил. Мужчина подался назад, ещё глубже зарывшись в наполняющие шкаф наряды. Последовавшее зрелище заставило его пожалеть о промедлении.

Из другой комнаты к своему мужу вышла Диккона. Лишь неясные очертания её фигуры были видны на фоне тёмного провала дверного проёма.

- А, ты здесь, - отметил Кохат, улыбаясь, но не поднимая взгляд. – Уже собралась, дорогая?

Он продолжал сборы, пока королева приближалась.

Отблеск света привлёк внимание Тиурена. Нет! Холодный металл ножа блеснул в свете ближайшего окна, когда Диккона занесла оружие над головой; тонкая изящная ручка опустила его на сгорбившуюся перед сундуком фигуру бывшего правителя. Кинжал устремился вниз со скоростью и плавностью, предполагавшими

помощь магии. Диккона утопила короткий клинок по самую рукоять в нижней части шеи Кохата.

Ответом мужчины был лишь стон, полный боли и удивления, когда он повернулся к нападающему. Такой воин, как он, не умрёт быстро даже от смертельного удара. У него ещё оставалось время действовать, но что ему нужно было делать? Ударить королеву? Разве Кохат когда-либо желал этого?

Тиурен приготовился выпрыгнуть из шкафа, но инстинкт заставил его помедлить. За спиной Дикконы в темноте притаилась ещё одна тень – а, да, волшебник Дариус! Кохат, чья рубашка уже пропиталась кровью, рухнул на колени – и тяжело повалился на спину, безмолвно глядя на свою жену.

Только тогда новый король выступил вперёд, привычным жестом положив руку на мягкое плечо женщины.

Болезнь была уловкой – хитрым замыслом по свержению короля с использованием королевы, ни минуты не подвергавшейся настоящей опасности. Она предала Кохата – но, что хуже, он теперь знал. Насколько же лучше было бы для него умереть в неведении, не зная о том, что его любовь, ради которой он пожертвовал всем, не просто предала его, но сделала это с расчётом на то, что он действительно принесет такую жертву!

Тиурен стал широко известным рассказчиком благодаря своему воображению – но даже он не мог представить себе ту боль, которую сейчас испытывал Кохат, человек эмоций неимоверной силы.

- Диккона... - смог выдавить Кохат. Его глаза – наполненные теперь не любовью, как всегда, а ненавистью – сузились. Его внутренние страдания превозмогли боль физическую – хотя и ненадолго. Двое убийц наблюдали, безучастно рассматривая свою жертву – пока Кохат не умер.

Хотя и не являясь трусом, Тиурен понял, что должен бежать. Кохат мёртв. Всё случившееся застало барда врасплох. Он не действовал достаточно быстро, чтобы спасти друга – он не действовал вовсе. Но что он мог предпринять? Безоружный и неподготовленный, он, наверно, смог бы справиться с Дикконой, но у Дариуса точно было чем ответить, к тому же он маг. Кохат бы погиб, так или иначе.

Нет, нужно спастись бегством – прямо сейчас, пока парочка повернулась к нему спиной. Он должен двигаться быстро. Должен рассказать о коварном заговоре нового короля. Может, он и не смог спасти друга, но сможет отомстить. Тиурен выскочил из гардероба и бросился к двери.

Бард был быстр, но недостаточно. Когда он выбежал из спальни, оказавшись в прихожей, дверь захлопнулась, как будто по своей воле. Он потянул за ручку, но проход не открылся. Его противник отрезал его, использовав какое-то заклинание. Граф-король Дариус стоял позади, держа в руке кривой нож, а по его коже, потрескивая, пробегали янтарно-жёлтые молнии магической природы. Тиурен развернулся лицом к колдуну, и его рука инстинктивно потянулась к мечу, которого не было.

- Тиурен, - ровным голосом поприветствовал злой маг. – Всегда там, где не просят.

Диккона, со сталью в глазах, стояла позади Дариуса, привычно положив руку на его плечо; вторая рука всё ещё покрыта кровью мужа.

- Как... как ты могла такое совершить? – воскликнул бард, задавая вопрос самой Дикконе. Произнося слова, он прижался телом к двери, пытаясь каким-то образом открыть. Без толку – он в ловушке.

- Это было просто, - похвалилась королева. Она всё более и более оживлялась от своей победы, и длинные чёрные волосы хлестали её по лицу. – Старый дурак сам виноват, на самом деле. Я вышла за него замуж из-за власти. А он – по любви. А теперь я с Дариусом, который своим волшебством приведёт Вантир к новым вершинам могущества. Благодаря ему, у меня больше силы, чем когда-либо, а Кохат мёртв, - она прервалась и взглянула назад, на тело прежнего мужа.

- Как я могла? – засмеялась она. – Как я могла *не* воспользоваться этим?

- Магическая сила больших государств, подобных Нетерилу, Асраму и Анаурии растёт; как долго смогли бы мы продержаться без мага на троне? – спросил Дариус, подходя ближе и крепче сжимая кинжал. – Я нужен этой стране. Я нужен Дикконе. Но никому из них не нужен глупый размахивающий мечом старик, ослеплённый чувствами.

- Нет, - возразил Тиурен, сжавшись у запертой двери. – Любовь Кохата, пусть и подаренная не той женщине, была добродетелью, не недостатком. И никто до него – и никогда после – не сделает для королевства больше, чем он, - с этими словами бард бросился на Дариуса, швырнув во врага собственное тело и повалив его на землю. Нож зазвенел по полу, и Тиурен потянулся за ним.

Не получилось. Горячие, обжигающие пальцы вонзились в спину. Магическая энергия ввинтилась во внутренности и скрутила их. Бард смог перекатиться на спину, но его тело оцепенело от боли.

Диккона стояла над ним – в глубине тёмных глаз тлели угли, а лицо исказила злобная гримаса. Это она бросила в него заклятьем. О боги! Королева тоже оказалась магом.

К этому времени Дариус уже оправился и подобрал нож. На лбу красовалась красная отметина от столкновения с полом – но этой раны было недостаточно, чтобы остановить его. Тем более Тиурен даже не мог пошевелиться – настолько сильно скрутила его агония.

Всё было кончено.

Тёмный Глаз подивился тому, как невероятно легко оказалось манипулировать любовью, извратить её, превратив в ненависть. О, в какую ненависть! Наблюдая за событиями, разворачивавшимися во дворце, артефакт осознал, что ни один из встреченных им смертных не сгорал от настолько яростного гнева. Неожиданно талисман открыл для себя, что чувства смертных таят в себе много большую силу, чем ту, о которой он когда-либо мечтал.

Пламя этого чувства идеально подходило для его целей. Этот Кохат подходил безупречно. Тот факт, что мужчина мёртв, даже делал его ещё лучшим кандидатом.

Пронаблюдав за эмоциональной трансформацией короля, Глаз начал магическую работу над преобразованием физическим. Совсем скоро Тёмный Глаз получит свой новый инструмент.

Со своего места на полу Тиурен бросил взгляд на павшего друга. Бард хотел последний раз посмотреть на него, прежде чем Дариус погрузит кинжал в его грудь.

Но как это возможно? Он никогда раньше не видел ничего подобного...

Плоть Кохата – кожа, мышцы, органы – почти полностью растворились. Уже виднелась большая часть костей и черепа, влажно поблёскивающих в блекнущем оконном свете. Хуже того, кости тряслись, как будто в предсмертных судорогах. Тиурен уже видел смерть, но никогда она не выглядела вот так.

Решив не смотреть на это неприятное зрелище – должно быть, галлюцинация, сказал себе бард – Тиурен повернулся обратно к убийцам. Диккона всё ещё радовалось успеху своих тёмных чар. Дариус пробормотал что-то нечленораздельное, осторожно поглаживая рану на голове и собираясь с силами для последнего удара.

Внезапно лицо волшебника превратилось в маску дикой боли, а рот округлился от беззвучного крика. Воздетый кинжал засветился раскалённо-белым светом. Струйки дыма показались между пальцами. Маг разжал кулак, отпуская оружие, но оно уже вплавилось в его плоть. Он упал на колени, издав жалобный всхлип, сжимая целой рукой запястье раненой, пытаясь тем самым избавиться от ножа.

Диккона увидела это и закричала от ужаса. Её чутьё подсказало ей развернуться, хотя она наверняка предпочла бы не видеть того, что увидела.

Внимание Тиурена также вернулось к сущности в спальне.

Скелет человека, с которого всё ещё капали остатки плоти и крови, встал. Из челюсти вылетели жуткие, но неразборчивые слова.

Кохат?

Кто ещё это мог быть? Но как мог Кохат – или во что он так быстро превратился – стоять посреди комнаты там, где мгновение назад лежал его труп? Могли ли его чувства помочь ему побороть даже смерть? Могла ли его ненависть быть настолько сильна?

С полными ужаса глазами, Дариус и Диккона смотрели на восставшего короля.

- Кохат? Это ты? – спросила Диккона дрожащим от страха голосом.

Чудовищное существо повернуло голову на предательницу-жену. С отвратительным хрустом поднялась костлявая рука. Пальцы были скрючены так, словно держали какой-то невидимый предмет. Раздался высокий свист.

Дариус развернулся и бросился бежать.

- Кохат? – повторила застывшая на месте Диккона.

Свист теперь стал очень низким, словно его источник приблизился. Дариус снял магическую печать с двери и выскочил наружу.

- Ко...

Ужасный вой заглушил слова королевы. В комнату вплыл тёмный предмет, паря на высоте полутора метров над полом, словно оседлав стену этого воя. Тиурену хватило одного взгляда на его продолговатую форму и тёмно-зелёный цвет, чтобы узнать его.

- Тёмный Глаз Гавинааса! – вскрикнул он, пытаясь подняться на ноги.

Они с Кохатом давно повергли Гавинааса – тогда злобный волшебник угрожал северным окраинам Вантира армией бесформенных монстров. Друзья закрыли талисман колдуна в хранилище глубоко под дворцом. Но теперь он здесь.

Артефакт долетел до протянутой руки Кохата, так крепко схватившей его, что бард даже услышал громкий скрип. Только тогда его разум понял, что всепроникающий вой прекратился. В первый раз череп мёртвого короля повернул чёрные пустые глазницы к нему.

- Нет, - поправил Кохат голосом, словно раздающимся откуда-то издалека, очень издалека. – Тёмный Глаз Кохата.

Осознание захлестнуло Тиурена, заставив отшатнуться с коротким вздохом.

- Это всё из-за Тёмного Глаза?

- Нет, - сказал Кохат, и снова каждое движение челюсти вызывало скрип и скрежет. – Тёмный Глаз лишь позволил мне сделать то, что я должен был, - король вновь повернулся к Дикконе, двигаясь с пугающей плавностью. Его свободная рука указала костяным перстом на женщину. – Всё из-за неё.

Диккона закричала.

- Тёмный Глаз дал мне силу, - продолжал мертвец, - но первопричины – и мотивы – только лишь мои. Посмотри на меня и запомни. После причинённого мне сегодня зла, то, что я делаю – я делаю добровольно.

Королева судорожными жестами начала творить заклинание.

- Что ж, дорогая, - произнёс Кохат, чей жуткий череп теперь пялился на убийцу. – Ты хотела магическую силу. Ты желала видеть мага в качестве своего короля и любовника. Так позволь же тебе показать *мою* силу, - с этими словами он отпустил Тёмный Глаз, медленно подлетевший ко лбу и прикрепившийся к нему неестественным третьим глазом.

Костяные руки вознеслись вверх. Кохат читал собственное заклятье.

Тиурен не владел волшебством, но чары мёртвого короля показались ему крошащей всё на своём пути горной каменной лавиной, несущейся по склону – по сравнению с жалким камешком, неумело брошенным Дикконой. Её заклинание потерялось в магической мощи, призванной Кохатом и его Тёмным Глазом.

Пол под людьми задрожал. Грохот всё возрастал, как и температура. Бард больше не мог здесь оставаться. Страх – не за себя, но рождённый видом того, что стало с его другом – выбросил его из двери и заставил бежать вглубь зала. Крики Дикконы ещё долго раздавались в его ушах.

Весь дворец трясся. На лестнице бард столкнулся с кучкой стражников, поднимавшихся вверх с полными паники лицами.

- Нет, - остановил Тиурен, затрясши головой. – Вы ничем не сможете помочь. Бегите.

- Но король! Королева! Мы должны... - начал один, проталкиваясь мимо. Он говорил о Кохате, не Дариусе, понял Тиурен.

- Делай, что хочешь. Твоя жизнь в твоих руках – но больше у тебя нет короля, и, скорее всего, королевы тоже.

- Боги! – вскрикнул другой страж. – Что произошло?

- Нет времени, - бард изо всех сил старался говорить спокойно и ровно. – Спасайтесь.

Не оборачиваясь посмотреть, что решили эти доблестные, верные воины, он помчался вниз по ступеням.

Когда он достиг низа, тряска усилилась. Температура продолжала повышаться, пока он пытался добраться до входного зала, дверей и пути наружу.

Что-то схватило его за руку и потянуло назад. Это был запыхавшийся Дариус, всё ещё с кинжалом в руке.

- Скажи мне, - прорычал он, - что происходит?

Нож взметнулся к горлу барда.

Тиурен достаточно натерпелся угроз и требований от этого слизняка. Сместив свой вес к волшебнику, он выбил того из равновесия и вцепился в держащую оружие руку, отводя в сторону.

Дариус отреагировал молниеносно. Страх придал сил его мышцам, и он вывернул нож обратно на барда.

Тиурен всем телом кинулся на мага. Они оба свалились на пол – и в этот момент некоторые из потолочных опор поддались натиску землетрясения, и куски штукатурки и дерева посыпались вниз, разбиваясь на осколки вокруг борющихся мужчин. Как только они ударились об землю, Тиурен убедился, что лезвие нашло последнее пристанище - в груди Дариуса.

Бард перекатился и поднялся на ноги. Пол разверзся перед ногами, и из расширяющейся трещины повалил пар и пахнущий серой воздух. Грохот и треск, каких он никогда раньше не слышал, подсказали ему, что верхние этажи дворца рухнули.

К тому времени, как он добежал до дверей, Тиурен уже задыхался из-за заставших воздух клубов пара и дыма. Он вырвался наружу, во внутренний двор. Повсюду валялись засыпанные обломками тела, раздавленные – насколько Тиурен мог сказать – частями южной наблюдательной башни. Провал в куртине – всё, что обозначало место, где она раньше находилась. Бард ужаснулся, видя, как много друзей лежало среди погибших. Даже благородная Беанта пала жертвой разрушенной башни.

Убийственный гнев Кохата не видел никаких различий; месть мёртвого короля не знала границ.

Дрожь земли продолжалась; огненные вспышки прорывались из бесчисленных провалов, открывающихся вокруг барда. Он ничего не мог поделать – он даже не видел никого, кто мог бы помочь выбраться. Поняв, что времени на то, чтобы добраться до конюшен, не осталось (если они вообще ещё стояли), Тиурен побежал к дыре в стене, а громоподобный грохот и рёв выплёскивающегося расплавленного камня преследовали его. Крепость поглощал огонь из недр самого Фаэруна.

Тиурен бежал через холмы, пока не перестал слышать отдалённые раскаты и чувствовать вибрацию земли и обжигающую жару. Вдалеке, красноватое, адское зарево отмечало место, где раньше стоял дворец. Бард свалился от усталости.

Недели спустя, Тиурен стоял на границе когда-то цветущего Вантира.

Ничто из его опыта не могло подготовить мужчину к виду его родины, дымящейся, словно погребальная яма. Воздух был насыщен смрадом смерти. Дым заполнил небеса, погрузив целое королевство в нескончаемую ночь.

После уничтожения дворца и окружающего города, Кохат методично стёр с лица государства ближайшие поселения и деревушки. Заслонивший солнце дым поднимался от горящих домов, деревьев, посевов, скота, даже людей. Всё, что делало Вантир Вантиром, сгорело. Немногим из обитателей страны удалось спастись. Кохат намеренно и целенаправленно уничтожал собственное королевство.

Но Тиурен выжил. Он не переставал думать – возможно, его друг, погребённый где-то в недрах создания, что раньше было Кохатом, позволил ему сбежать. Возможно, он был обязан жизнью этому воскресшему чудовищу. Может быть, глубоко внутри его друг был всё ещё жив. Но если мёртвый король мог своими же руками разрушить землю, которую когда-то любил, значит, человек, которого когда-то знал бард, настолько безнадежно затерялся в бездонной яме своей души, что больше не имел шансов на спасение. Он думал – может быть, растворённый в этой тьме, отчаянно страдает Кохат – настоящий Кохат.

Но новый Кохат был другим. Те немногие смертные, сбежавшие из его королевства, рассказывали о творимых им злодеяниях.

А далеко в сердце тёмных владений смерти, волшебство мёртвого короля и его мертвецы-рабы возводили новую крепость на месте старого дворца. Эта громада была сложена из костей и плоти погибших горожан Вантира. Укрывшись в своём подземелье-замке, бывший король начал называть себя Кохат Вечный.

Тиурен не знал, если ли причины считать этот титул пустым бахвальством. И выяснять не собирался. Никогда больше он не произнесёт имя Кохата или название Вантира.

Фаэрун – большой мир; определённо, есть и другие королевства, в которых можно спокойно провести остаток жизни. Не тратя лишних взглядов, бард отвернулся прочь от прежнего дома, бывшего друга и короля... и прошлой жизни.

ШЕПЧУЩАЯ КОРОНА

Эд Гринвуд

Молодая Леди Дасклея в одиночестве стояла в зале для празднеств, в последних золотистых отблесках заходящего солнца, и ждала смерти.

Дасклея и Великий Тентор находились в состоянии войны всего лишь день – но битва между Аэриндель и Раммастом, Лордом Великого Тентора, началась, когда они оба ещё были детьми. Он хотел её себе – в качестве рабыни и игрушки – уже больше двенадцати лет, а Раммаст был не из тех мужчин, что привыкли ждать долго.

Он придёт за ней, и скоро. Аэриндель задумалась, хватит ли ей сил удержаться за те три столпа, что она ценила превыше всего: свою свободу, свою землю... и свою жизнь.

Зная, что грядёт, она отослала слуг – но при этом понимала, что за ней из-за приоткрытых занавесок и не до конца запертых дверей с беспокойством наблюдают глаза. Глаза тех, кто боялся, что она решит забрать собственную жизнь.

Новость о смерти её брата тяжёлым покровом опустилась на дворец – но большая часть веса легла на Леди Аэриндель. Она до сих пор не могла поверить, что больше никогда не услышит, как эхо его звонкого смеха отражается от высоких стен этого зала, и никогда не ощутит, как его сильные руки хватают её за тонкую талию и крутят затем над головой.

Но новости были прямыми и ясными. Дабрас погиб от драконьего огня, сказали мрачные ветераны, протянув полурасплавленную рукоять меча и показывая собственные ожоги в подтверждение. Так она стала правительницей Дасклея.

Хотя и небольшой по размерам, Дасклея когда-то был широко известен – и внушал страх – благодаря человеку, стоявшему во главе, магу Табрасу Грозовому Посоху. И этот человек со слабой улыбкой и печальным взглядом был отцом Аэриндель. Он был самым сильным из всей длинной родословной знаменитых правителей дома Саммертин, начиная с Орбрара Старого, деда Аэриндель, которого та ни разу не видела, и заканчивая Аскласом, Орнторном и другими личностями из давно минувших дней, известными лишь по легендам. Маленькое, но гордое княжество, старейшее во всём Эсмелтаране, Дасклея расположился на поросших лесами холмах между озером Эсмель и Облачными Вершинами. Теперь оно принадлежало ей.

Если она сможет им управлять. Аэриндель угрюмо выглянула в окно, по высоте бывшее в семь раз больше неё, на озеро, чьё имя и носила эта страна. На исходе ясного и прохладного летнего дня его воды выглядели тёмными и безмятежными. Зелёные Луга дальше к северу всё ещё казались полотнищем золотого света, но западнее сиреневые пики Гребня возвышались подобно стене, насылая ранний ночной сумрак на её землю.

Наступала ночь, в которую, несомненно, явится Раммаст. Дасклея был маленьким, но зеленеющим, и, возможно, наипрекраснейшим из государств во всём Эсмелтаране. Раммаст хотел его себе даже больше, чем его хозяйку.

Аэриндель посмотрела на оплавленный обломок – всё, что ей осталось от дорогого брата – и горестно и глубоко вздохнула. Больше плакать она не будет, что

бы там будущее не готовило. Ведь она происходила из рода Саммертин, пусть даже её тонкие руки были слишком хрупкими для размахивания мечом.

Её магия могла сослужить службу там, где не справился его клинок – хотя она надеялась, что никогда не будет настолько глупа и кровожадна, чтобы отправиться в дальние Долины охотиться за драконами, как сделал её брат. Там это был Год 902, отсутствующе подумала она, вспомнив слова путешествующего торговца... но и там, и здесь, этот год стал Годом Слёз Королевы.

Какое подходящее название. Две ночи назад она рыдала часами, цепляясь за обожжённых воинов, словно их невесёлые воспоминания и неловкие утешения могли как-то вернуть Дабраса к жизни... рыдала, пока не истощилась полностью и не уснула прямо на их руках.

На следующий день – вчера – уже в кровати её разбудила напуганная горничная, доставившая ох-какое-вежливое послание от Раммаста.

Он сожалеет о её потере, гласили слащавые слова, и надеется стать опорой в час нужды. Мир становится всё более тёмным и опасным местом, и никто в Фаэруне не сможет остаться в безопасности, оставаясь один, без друзей.

Дасклеjk нуждается в надёжных мечах, могущих защитить его от разбойников и горных орков, следовали слова Раммаста – а Великий Тентор нуждается в её магии, равно как его сердце – в её руке. Мудрая женщина увидит, что союз этих двух государств откроет перед ними дорогу к светлому будущему; но если ей не хватает прозорливости или решимости, он знает свой долг. Его народу нужна защита волшебницы, и потому он должен победить её в поединке, если она не хочет пойти добровольно. Когда солнце сядет в следующий раз, он придёт за ответом.

Аэриндель понадобилась вся её хрупкая сила воли, чтобы не растоптать и не разорвать пергамент в порыве полной ужаса ярости. С течением прошедших лет потёмному привлекательный, жестокий Раммаст нравился ей всё меньше и меньше.

В те блёклые, скучные, слишком часто такие тихие дни её молодости, Лорд стал первым человеком, в чьём брошенном на неё взгляде таился голод. Позднее, он стал первым, кто увидел, что несмотря на то, что она унаследовала кольца, посох и книги заклинаний могучего Табраса, её магия представляла собой лишь тихое, робкое эхо его умений... и что у Дасклеjка, так долго находившегося под защитой его силы, было намного меньше закалённых бойцов, готовых к обороне, нежели у соседствующих княжеств.

Как-то раз, на проходившей в Хулдуге свадьбе, он оказался особенно настойчив в проявлении своего внимания во время уединённой прогулки по саду. Вырвавшись из его хватки, Аэриндель дала понять о своих собственных чувствах к нему холодно и кристально доходчиво. Невозмутимый Раммаст одарил её быстрой, коварной улыбкой, которую он использовал, когда над кем-то злорадствовал, и мягко пообещал, что однажды Дасклеjk будет принадлежать ему, и она вместе с ним – в роли куклы, жаждущей рьяно служить ему – когда его магия обретёт контроль над её разумом.

И сейчас, последние насмешливые строки письма открывали, что его сила, к сожалению, остаётся недостаточной для защиты Великого Тентора от внешних

врагов, но зато он в некоторой степени научился... контролировать. Раммаст надеялся, что она помнит, и тепло приветствовал свою будущую невесту.

Аэриндель ничего не слышала о потугах Раммаста в изучении Искусства с тех пор, как он унаследовал Великий Тентор – если не считать нескольких слухов о призванных и затем обезумевших чудовищах, и найме магов-ренегатов в качестве наставников, затем таинственно исчезающих. Однако напоминание о желании видеть её в роли управляемой рабыни было достаточно явным. Его уверенность означала, что он знает пределы её магии, как знает и то, что из них двоих он сильнее.

Вернувшись мыслями к текущему положению дел, Аэриндель облизала высохшие губы и вновь взглянула на флагшток, один из двух, установленных по бокам окна. Жердь для флага на самом деле была посохом её отца. Несомненно, скоро он ей понадобится.

Ей понадобится посох... и серьёзная магическая поддержка, или союзник, которых она не знала, где отыскать и что предложить за помощь. Чем она может заплатить? Она сама, да её земля – вот всё, что у неё было... и чего хотел Раммаст. Она не видела способа не потерять что-то из этого – или всё сразу – до рассвета.

Ночь быстро опускалась на землю, последние отражения солнца сходили со спокойных вод озера.

А потом, внезапно, Леди увидела его – одинокую, тёмную фигуру, уверенно идущую через озеро к ней; идущую по воде, как по просторному двору. Лорд потратил заклятье на то, чтобы показать, насколько он могущественен – достаточно, чтобы позволить себе раскидываться заклинаниями до начала дуэли.

Аэриндель медленно развернулась, зашуршав обернувшимся вокруг бёдер тёмным платьем, и походя задумалась, почему она одета в лучший наряд, если встречает самого своего ненавистного врага. Оглядев зал, она спокойно обратилась к невидимым наблюдателям, повысив голос:

- Уходите, вы все. Опасность приближается быстро.

Женщина повернулась обратно к окну – как раз вовремя, чтобы увидеть, как Раммаст Тарангар широко улыбается в сардоническом приветствии, подавшись к ней и подняв руку.

Яркая вспышка, сорвавшаяся с неё, расколола высокое окно снизу доверху, послав звенящее стеклянное крошево внутрь дождём осколков радуги.

Леди Дасклея не дрогнула.

- Странный человек, - отметила Аэриндель, и её голос был ровнее, чем должен был быть, - чьи ухаживания приняли форму сражения.

Раммаст шагнул через пустую оконную раму в комнату; на его плечах слабо трепетали крошечные искорки охранных чар. Когда ответного удара не последовало, он обвёл взглядом помещение, ожидая увидеть солдат с оружием наготове. Никого не обнаружив, он улыбнулся женщине ещё шире, и начал приближаться, развязно вышагивая по плиткам пола.

- Ты всё такая же красивая, как и всегда, моя леди, - сказал он, всё ещё улыбаясь, - а твой язычок всё такой же острый и жестокий, каким я его помню. Но и его можно умирить, Аэриндель.

- А, но что насчёт запросов, их тоже можно усмирить, Лорд Раммаст? Я не «твоя леди», не сейчас – и никогда. И всё же я не вижу надобности в отказе от союза с Великим Тентором. Оба наших государства могут дружить без нашей свадьбы... или принятия мной того положения, что ты предложил.

Глаза Раммаста прожигали её.

- Но я верю, что тебе понравится быть моей рабыней. Увидишь, я самый нежный и внимательный из мужчин – до тех пор, пока у меня не появятся два сильных сына, два наследника, - он пожал плечами. – К тому времени, конечно, ты можешь устать быть моей супругой, быть Леди Дасклеяка, или даже – кто знает? – устать от самой жизни.

Оба соперника услышали сердитый выдох за гобеленом, когда один из воинов, отказавшихся покинуть свою госпожу, не смог справиться с охватившим его гневом. Раммаст обыденным жестом поднял руку и отправил в ту сторону разряд потрескивающей молнии. В двух местах вдоль длинной череды шпалер, проявились застывшие силуэты, скользнули по изнанке тяжёлой ткани и затихли на полу.

Лорд Великого Тентора поднял бровь.

- Я опоздал, Леди? У тебя уже есть мужья?

Аэриндель прикусила губу, дрожа от горя и ярости, пока, наконец, не смогла подобрать слова. Мужчина ждал, насмешливо ухмыляясь; она открыла рот и осторожно произнесла:

- Здесь, в Дасклеяке, есть законы против убийц, Лорд Раммаст – и ты сейчас их нарушил. Хочешь сдать на милость моего правосудия, или это война?

Раммаст поднял другую бровь.

- Ты мне угрожаешь?

Тём же лёгким движением он бросил ещё одну молнию, обуглившую гобелены и картины, вдоль другой стороны зала.

- Или просто хочешь увидеть меня на коленях?

- Не сомневаюсь, что в этой позе ты очень часто представлял меня, - мрачно ответила Аэриндель, подняв руки и приготовившись плести ответное заклинание.

Раммаст улыбнулся ещё шире и, вежливо поклонившись, жестом призвал выплеснуть её магию на себя.

- А я всё спрашивал себя, как долго ты будешь отнекиваться и увиливать, прежде чем обрушить на меня частицу той ужасающей мощи, о которой мы все в Эсмеральтане говорим! Давай же, светлая леди!

Скрестив руки на груди, правитель Великого Тентора ждал.

Ответом ему стали ревущие вихри зелёного пламени, зародившиеся из воздуха вокруг изящных пальцев женщины; они полетели во врага, вращаясь и расширяясь.

Раммаст стоял, не шевелясь, когда они достигли до него и взорвались – долю секунды Аэриндель надеялась увидеть, как затухающие вспышки вонзятся в него. Но затем лорд-маг зевнул и снова шагнул вперёд.

- Не сказал бы, что ты не заслужила свою славу, - беззаботно отметил он, а его голос был полон скуки и пренебрежения. – Впечатляюще. Очень впечатляюще, - и он открыл ладонь.

Что-то маленькое вспорхнуло с неё – крылатый змей. Существо повертело головой, пока Аэриндель быстро читала ещё одно заклятье, а затем полетело к ней.

Ветвистая молния ударила в Раммаста. Два потрескивающих разряда свернули в сторону, встречая летящее создание, но рассыпались короткими вспышками, ударившись о какой-то щит, окружавший змея.

Лорд Великого Тентора стоял неподвижно, по-прежнему улыбаясь, даже когда молния достигла его. Аэриндель увидела, что змея пикирует, и пригнулась – но тварь следовала за ней, сверкая глазами и выставив клыки. Покрытая слизью, она блестела и пестрела, словно сырая сосиска.

Отступая, женщина быстро возвела свой магический щит – но сам воздух рассыпался стонами и яркими искрами, когда летающее существо сходу прорвалось сквозь защиту.

Аэриндель закрыла лицо, когда змей с клёкотом бросился вниз – ответом на её крик стал щелчок арбалета; кто-то выстрелил с одного из балконов.

Леди Дасклейка перекатилась, отбиваясь от змея. Мельком она увидела, как арбалетный болт застыл в воздухе над головой, загорелся синим пламенем, однако, не уничтожившим его, затем развернулся и улетел туда, откуда появился.

За мгновение до удара раздался полный отчаяния крик, и вот голубое пламя бросилось вперёд яркой вспышкой, подсветившей кости стрелка – прежде чем разбросать их, очищенные от мяса и слабо светящиеся, по всему залу.

Аэриндель почувствовала, как болезненно натянулась кожа её головы. Что-то тянуло её за волосы – о боги, нет!

Раммаст улыбался, глядя на неё сверху вниз:

- Оно пожирает твои волосы, Леди... и взгляни – ты пачкаешь своё лучшее платье, катаясь вот так по земле. Покажи немного гордости, встань хотя бы на колени. Моя зверушка позаботится об одежде, после того, как закончит очищать скальп. А ведь ещё ты носишь обувь, не правда ли? Пройдёт довольно много времени, прежде чем она доберётся до ресниц.

Аэриндель кричала, отчаянно барахтаясь и пытаясь сбросить существо. Оно оставляло влажный, склизкий след в волосах, продолжая кусать и терзать, как будто женщина ничего и не делала против этого – даже когда вытащила кинжал и несколько раз ударила тварь. Это было творение магии, неуязвимое для её стали.

Раммаст покровительственно улыбнулся ей, а затем прошёлся по залу, придирчиво рассматривая гобелены и статуи.

- А вкус у твоего отца не такой отвратительный, как я слышал, – признал он нехотя, игнорируя всхлипывания Аэриндель.

Женщина яростно вскочила на ноги, накладывая на себя очищающее заклинание.

- Убирайся из моего дома! – зарычала она, наконец почувствовав, как терзающая змея обратилась в ничто. – Хладнокровный мерзавец! Я...

Раммаст развернулся, встречая её пылающий взгляд, покачал головой, разочарованно вздохнув, и снова раскрыл ладонь. С руки поднялась ещё одна змея – услышав крик отчаяния, он лишь довольно усмехнулся, и неторопливо побрёл к ней.

- Возможно сначала платье, потом волосы, - предположил он. - Подозреваю, ты будешь лучше всех этих весьма кривых дам на постаментах, которых собрал твой отец. Твоя мать была настолько уродлива, или у него просто странные предпочтения?

Сквозь слезы незамутнённой ненависти, Аэриндель метнула своё последнее боевое заклятье, направив голодное, пожирающее плоть сиреневое облако в его направлении.

- Ооо, - одобрительно отозвался Раммаст, - бог ты мой.

И исчез, оставив её заклинание без добычи. Туман покатился над озером, тщетно пытаясь отыскать что-нибудь, что можно убить.

Неожиданно Лорд Великого Тентора оказался рядом со своей жертвой, и на его лице заиграла насмешливая улыбка, когда второй змей промелькнул над плечом женщины, вцепившись клыками в тунику.

Аэриндель закричала.

- На колени, Леди, - вежливо напомнил Раммаст. – Вы не забыли?

Мужчина махнул рукой, и она почувствовала, как её прижимает к земле невидимая сила. Хрипя, она прочитала последнее заклинание рассеивания, избавившись от давления, вместе с острозубой змеей.

Лорд улыбнулся ещё шире, и вновь раскрыл ладонь. И ещё одна крылатая тварь захлопала на ней крыльями, разглядывая правительницу полными возбуждённого блеска глазами.

- Ну, может, одну ресничку, - спокойно сказал её враг, - чтобы ты обо мне помнила.

И как только змей сорвался с его руки, Аэриндель поняла, что у неё больше не осталось заклинаний. Защищая глаза, из которых текли слёзы злости и отчаяния, она прорычала слово.

На стене рядом с разбитым окном, сверкнув, ожил Грозовой Посох – и молнии устремились вперёд, точно щупальца, захватив захватчика из Тентора и подняв его в воздух.

Даже пытаясь освободиться от хватки бушующей энергии, борясь с белым огнём, прорывающимся под кожу, Раммаст улыбался.

- Так вот насколько жалки твои заклинания... А ещё и слово для пробуждения отцовского посоха. Благодарю, Аэриндель. Ты очень мне помогла – пусть и оказалась намного слабее, чем я думал. Не стоит утруждаться и пытаться лишиться себя жизни; я просто верну тебя из мёртвых и все равно заставлю служить.

Молнии начали разрывать его, но лорд Великого Тентора не выказывал признаков боли, только добавил:

- Можешь поправить причёску и сменить платье. Я вернусь за тобой.

И тогда, послав напоследок самодовольную ухмылку, его ненастоящее тело растворилось, не оставив ничего, что могли бы растерзать молнии.

Леди Дасклейка перенаправила поток магии на озеро, прежде чем залу или кому-нибудь из её народа окажется причинён ущерб, а потом упала на колени и долго плакала посреди разгромленной комнаты.

Когда слёзы кончились, Аэриндель затихла, растянувшись на полу во весь рост. Лёжа на гладком камне, прижавшись щекой к холодному и жёсткому полу, она пробормотала слова, которые должны были призвать к ней Грозовой Посох, дать рукам ощутить его успокаивающую поверхность.

Оружие подлетело к ней, и женщина крепко обхватила его, как тонущий моряк цепляется за обломки, а потом провалилась в призрачную тьму...

- Л-Леди? Леди Аэриндель? – осторожно позвала одна из горничных.

Женщина, свернувшаяся точно ребёнок, пошевелила головой и что-то пробормотала.

- Леди Аэриндель? Гран-Леди... вы в порядке?

Неожиданно фигура с взлохмаченными волосами и в потрёпанном платье села прямо и уставилась на луну. Посох издал звон и забился в её руках.

Аэриндель закричала от бессилия. Раммаст, должно быть, позвал его издалека!

Это было её последнее оружие... последняя надежда. Посох снова застонал и врезался в онемевшие пальцы, и Аэриндель поднялась на ноги с очередным диким криком, обернувшись телом вокруг него.

Она стояла, задыхаясь, в безучастном лунном свете, обводя взглядом разрушенное помещение и думая, что же ещё она могла предпринять против безжалостного Лорда Великого Тентора. Посох вновь заскрипел, зарычал у её груди, и Аэриндель иступлённо зарычала в ответ.

В короткое мгновение следовавшей тишины женщина услышала испуганные рыдания убегающей служанки, эхом отдающиеся в одном из ведущих на кухню коридоров, и вздохнула, глубоко и до дрожи.

Она сражалась, но враг презрительно легко превзошёл её. У неё не осталось скрытых козырей или тайных чар; она обречена – и Дасклеjk вместе с ней.

Как сказал однажды взволнованному Дабрасу её отец, глядя с обдуваемой ветром вершины горы Глиммердаун вниз, на поле сражения: «Всё кончено, осталось лишь молиться»

Лишь молиться...

Что ж, а что ещё она могла сделать?

Аэриндель заткнула Грозовой Посох за пояс и помчалась прочь из зала, пробираясь тёмными коридорами замка к одной пыльной и заброшенной лестнице. Многие факелы не горели, и нигде не было видно ни стражников, ни слуг. Они все сбежали? Или их сгубила тёмная магия Раммаста?

Но об их судьбе следовало волноваться позже. Сейчас, в сгущающейся тьме за кладовыми, нужно было найти спуск в семейную крипту.

В конце концов, хоть правительница и боялась его разбудить, Аэриндель всё же пришлось использовать Грозовой Посох, чтобы призвать источник слабого света – или сломать шею, упав со ступеней ведущей к воротам лестницы – к воротам, украшенным символом Саммертинов, расщеплённым дубом.

Посох её отца издал странный, приглушённый звук – будто множество голосов повторяли бесконечный припев без слов. Но он подчинился, не пытаясь вырваться, как тогда в зале для пиршеств. Возможно, чары Раммаста не могли достичь его здесь, внизу.

Ключа у Аэриндель не было, но в ней текла кровь рода Саммертинов – прокусив кожу на руке, она получила достаточно красной жидкости, чтобы оросить герб. Как только капли коснулись дерева, раздался слабый напевный звук, и ворота открылись.

На следующей двери не было ни замка, ни защёлки, поэтому женщина толкнула её ногой, сразу почуяв знакомый затхлый, землистый запах, всегда осаждавший место упокоения её предков.

Здесь находился длинный, узкий саркофаг Хаэриндры, матери, которую она не знала. Дальше – гробница Орбрара, с высоким балдахином; а справа – большой чёрный гроб с телом её отца.

Грозовой Посох неожиданно загудел, и этот низкий звук отразился от чёрного камня, оберегавшего отцовский прах; Аэриндель едва не развернулась и не убежала. Такого раньше не случалось.

Свет – слабое мерцание воздуха, не искра и не пламя – внезапно появился перед ней, в пространстве между тремя знакомыми гробами. В этом свете женщина увидела и другие саркофаги, уходящие в тёмную сводчатую высь... и источник сияния – белую звезду в простом каменномobeliske.

Алтарь Мистры. Давно – слишком давно – она в последний раз становилась на колени здесь, прося указать путь. Теперь же она торопливо опустилась наземь. Капли крови с руки упали на камень и напугали её, мгновенно обратившись в дым, сначала закружившийся вокруг неё, а потом исчезнувший так же быстро, как и появился.

- Мать Тайн, - зашептала правительница. - я пренебрегала тобой и не отличалась прилежностью в изучении священного Искусства магии... но ты мне нужна сейчас, и я пришла умолять о прощении и просить совета. Святая Мистра, помоги мне!

- Помощь близка, - донёсся из темноты справа слабый шёпот. Аэриндель это потрясло так сильно, что она едва не выронила посох.

Мгновение спустя женщина поняла, что посох тонет... погружается в твёрдый камень, на котором она стояла на коленях!

Она потянула магическое орудие, но это было все равно, что пытаться сдержать бегущего жеребца. Посох неумолимо тянул вниз, обжигая цепляющиеся за него пальцы, выskalъзывая из них, утопая в камне, в котором не было ни дыр, ни отметин... и который остался холоден и твёрд под её руками, когда посох исчез.

Мистра забрала – вернула себе – Грозовой Посох. Что же это за помощь!

Всё ещё стоя на коленях в полутьме, Аэриндель снова услышала тот же едва слышный шёпот:

- Оставь свой страх и надень меня.

Она прищурилась, всматриваясь в темноту и пытаясь найти источник этого вкрадчивого голоса. Он повторил своё сообщение, и, следуя за словами, она нашла, то что искала: корону, лежащую на крышке гроба её отца.

Холодок коснулся её сердца. Чёрный камень последнего пристанища Табраса Грозового Посоха был свободен от всего, кроме пыли, когда она первый раз посмотрела на него несколько минут назад.

И всё же она узнала эту корону. Женщина вспомнила, что видела своего отца носящим её один или два раза, ещё когда его дочь была маленькой. Аэриндель нахмурилась. Корона не являлась частью регалий Дасклейка, и исчезла ещё до его смерти. Насколько она знала, венец никогда не был помещён в гроб Табраса.

Она пару секунд смотрела на чёрный камень саркофага, обдумывая, но всё же дочь Саммертинов знала, что не посмеет вскрыть его, даже если сможет собрать достаточно силы, чтобы сдвинуть тяжеленную крышку.

На алтаре перед ней один раз моргнула сине-белая звезда, затем начала меркнуть. В тот же миг корона начала светиться.

- Оставь свой страх и надень меня, - вновь раздался настойчивый шёпот.

Аэриндель встала на колени и начала разглядывать диадему, а в её груди поднялся страх. Разве у неё был выбор? Если она будет колебаться и дальше, страх победит, заставив её сбежать отсюда – поэтому она уверенно протянула руки и подобрала корону.

Предмет оказался холодным, но не таким тяжёлым, каким выглядел. Он как будто позвякивал, пока она рассматривала его – не найдя ни надписей, ни украшений, женщина пожала плечами и поместила корону на голову.

Внезапно она задрожала – когда порыв холодного ветра как будто пронёсся через голову, а рядом кто-то – женщина, одновременно в отчаянии и в ярости – закричал:

- Нет! Ты не получишь меня!

Её крик утонул в низком, ликующем хохоте, завершившемся словами, произнесёнными совершенно другим голосом:

- Разумеется, я могу сделать ещё и – так!

- О, Мистра, - заговорил следующий участник; хриплый шёпот как будто раздавался у неё в ушах – правительница повернула голову, но там никого не было, - помоги же мне теперь!

- Не время, - следующий голос толковал устало, - дуракам играть в магию! Смотрите!

- Эльминстер! Помоги мне!

Последний голос заставил Аэриндель напрячься; полились слёзы. Этот голос принадлежал её отцу – а Эльминстер, как смутно помнила его дочь, был его наставником, магом, которого тот любил больше всех, и которому больше всех доверял. «Помоги мне!» - кричал Табрас – так испуганно, так отчаянно...

Прямо как она. Аэриндель сидела, не шевелясь, и слёзы струились по её щекам; голоса же продолжали звучать, повторяя одни и те же фразы снова и снова. Некоторые из них казались такими... окончательными. Такими же обречёнными, как она. Словно все эти люди выкрикивали свои предсмертные слова...

Когда она услышала, как Табрас произносит те же три слова в четвёртый раз, призрачные голоса как будто стали слабее; раньше они кричали, но теперь все смолкли. Ещё один голос - тот настойчивый шёпот, что женщина слышала ранее - возвысился над остальными:

- Я - та сила, которая нужна тебе, чтобы сохранить Дасклеjk и навсегда уничтожить лорда Раммаста.

Аэриндель поднялась, осторожно прикоснувшись к голове, чтобы убедиться, что корона надёжно закреплена, и оглядела крипту. Обруч будто бы замерцал, и неожиданно женщина смогла увидеть каждый тёмный угол как при ярком свете.

- Я дам тебе возможность видеть во тьме и проникать через любую маскировку. Дам возможность твоим глазам смотреть очень далеко...

Внезапно правительница увидела бесконечное море, отливающее серебром в лунном свете, и поняла, что перед ней - Большая Вода, лежавшая к западу от Эсмеральтана, по ту сторону Облачных Вершин. Затем видение исчезло, сменившись образом незнакомой женщины, взмывающей в воздух из гущи яростной битвы. Огненные росчерки вырывались из короны, поражая кричащих воинов, запуская их в воздух, как переломанные куклы. Она увидела, как чья-то рука, оторвавшись сама по себе, крутясь, улетела прочь.

- Со мной ты станешь на такое способна, - обещала корона.

Картинка сменилась, и теперь Аэриндель смотрела на бородатого мужчину, с суровым выражением лица стоящего посреди тюремной камеры. Корона на его голове внезапно взорвалась бурей ослепительно-белого огня, и камни перед ним затрещали и расплавились, стекая по сторонам, пока молния прорезала туннель высотой в человеческий рост.

- И на такое, - шепнула диадема.

И вновь сцена поменялась. Здесь, на испещрённой солнечными пятнами лесной дорожке, уже она носила корону, а перед ней взметнулась на дыбы гидра, плотоядно щёлкая зубами. Корона завибрировала – и внезапно чудовище начало сжиматься и дёргаться, бешено размахивая длинными шеями, пока не затвердело, превратившись в корявое дерево с тремя стволами.

- И на такое, - вновь повторила драгоценность, - помимо прочих умений... если у тебя хватит смелости владеть ими.

- Как? - затаив дыхание в нежданном порыве предвкушения.

В ней зародились тепло, и волна... удовольствия?

Появившееся после этого ощущение было неприятным, скользким и каким-то глубоко личным – это корона подстроилась под волю женщины. Аэриндель содрогнулась, когда в её теле заструилась энергия – одновременно леденящая и согревающая – собираясь узлами в её внутренних органах, чтобы хлынуть затем до самых кончиков пальцев. Она услышала стон, звучащий почти как урчание, и смутно подумала, что, должно быть, его произвели её собственные губы.

А потом странное ощущение пропало, и правительница вновь стала собой.

Чувствуя возродившую надежду и немалую толику нетерпения, Леди Дасклеjка вновь опустила на колени, благодаря Мистру, затем быстро вскочила и вихрем развернулась.

Она спешила вверх по лестнице, но её дух опережал её, устремившись вперёд. Этот дар видения... сейчас ей жизненно необходимо было понять, где находится Раммаст и что он затевает.

Впереди раздался крик и блеснула обнажённая сталь. Женщина замедлилась, но увидела не напуганного дасклеякского стражника перед ведущими в крипту ступенями – склонившего перед ней голову, с мечом в руке и страхом на лице – но золотого орла с окроплёнными кровью когтями, флаг Великого Тентора, трепещущий в свете факелов.

В свете факелов в ночном лесу, наполненном криками испуганных людей, бежавших среди деревьев; в свете факелов вдоль пыльной дороги, по которой со смехом маршировали воины Великого Тентора... дороги, которую она знала.

Мгновение спустя, боевой отряд Раммаста миновал вывеску таверны, и догадка правительницы подтвердилась. Даскинг! Они пришли в Даскинг, что на противоположной стороне её королевства – значит, уже вторглись в Дасклеяк и вырезают её народ!

В том далёком отсюда месте закричала женщина, и Аэриндель поняла, что трепещет от гнева.

- Отнеси меня туда! – прорычала она. На секунду в ней поднялась стена волнения, краткий миг ужаса, когда мир вокруг искривился и растянулся... а потом она оказалась в ночной темноте, посреди грязной дороги через Даскинг, с нависающим над головой баннером и группой людей с мечами наголо, топающих вокруг него.

Солдат Тентора присвистнул при виде хорошо одетой леди, одиноко стоящей на его пути, и помахал факелом.

- Эй, приятели, гляньте! Ух, скажу я вам, эта...

Аэриндель упёрла в него мрачный взгляд своих потемневших от ненависти глаз, и усилием воли направила вперёд поток огня. Болтающийся факел рассыпал искры, когда корона исторгла пламенную реку, захлестнувшую его держателя.

Солдат внезапно остался без головы, затем стал шатающейся половиной – и вот от него остались лишь две дёргающихся ноги без всего, что выше.

Огонь с драконьим рёвом промчался сквозь ряды остальных захватчиков, расшвыряв всех, кого не превратил в угли. Оружие плавилось в их рассыпающихся руках, люди кричали, но тут же замолкали, падая – а запах палёной плоти плотным облаком окутал продвигающуюся вперёд Леди Дасклеяка.

Последний воин упал замертво с булькающим криком отчаяния; волшебница смотрела, как с его костей стекает плоть, дымя копотью, а затем перевела взгляд на пустую, усыпанную пеплом дорогу, убеждаясь, что уничтожила всех тенторцев до последнего.

Неподалёку на дороге что-то блеснуло. Женщина приказала короне доставить её в то место – и обнаружила, что смотрит прямо в сердитые глаза Раммаста Тарангара. Магическое сияние доставившего его на место разгрома заклинания ещё не сошло с его рук; потрясённый, он заревел; на его руке сверкнуло кольцо, когда он поднял руку и ударил противницу.

Чары, которые должны были превратить её в жабу, лишь слегка щипнули за руки; артефакт открыл ей смысл этого заклатья, разбил его и отправил в Лорда Великого Тентора ответный испепеляющий луч.

Раммаст отшатнулся, на его внезапно побледневшем лице явственно читалась тревога – щит не выдержал натиска и в мгновение ока рухнул; луч укусил его руку, бок и плечо.

Задыхаясь, чувствуя внезапную слабость, Раммаст прочитал собственное заклинание развевания, избавляясь от чар, насланных короной; Аэриндель зловеще улыбнулась и прижала его к земле напором чудовищной мощи. Смотри, как ломаются ребра, и лорд корчится от боли, рыча и всхлипывая, она призвала всё, что мог предложить магический обруч, и начала рыться в его разуме, надеясь увидеть то, что видит он.

Испуганные глаза Раммаста заслонили собой всё; он что-то бормотал, точно умалишённый, объятый внезапным ужасом перед ней, пока диадема тащила женщину через его боль и ненависть, через ощущение твёрдой земли под ним... пока не добралась до того, о чём он сейчас думал.

Видение развернулось перед её внутренним взором – его мысли. Правительница смотрела на большую, вооружённую и скрипящую доспехами армию, продирающуюся через узкий горный переход. Боги всевышние! Перед ней была основная ударная сила Великого Тентора, вторгшаяся с другого конца Дасклея, в непосредственной близости от замка – через узкий и опасный Проход Глимердаун!

Изображение внезапно рассыпалось. Смятый дёрн у её ног был пуст; Раммаст смог собрать достаточно силы воли, чтобы произнести заклатье, вырвавшее его из Дасклея и хватки волшебницы и вернувшее его в безопасность.

Аэриндель пожала плечами. Ей и самой пора было убираться отсюда – отправляться на продуваемую ветрами вершину горы Глимердаун, и немедленно!

- Только захотеть – значит, уже сделать, – соблазнительно, словно любовник, прошептала корона... и женщина поняла, что стоит в другом месте, на голых камнях, овеваемых холодным ветром. Вершина, место, где в далёком прошлом познал триумф её отец. Из темноты ущелья под ней доносились тихий скрип и негромкое фыркание беспокойных лошадей.

Леди Дасклея посмотрела вниз, со сталью во взгляде – на нарушителей, которых она не могла видеть – и ощутила, как в ней растёт гнев.

Напротив, по ту сторону пустоты, высился пик-сестра, Большой Глимердаун; женщина могла различить его зазубренные грани в свете луны.

- Вниз, – прошептала она ему, указывая на расщелину между двумя вершинами. – Обрушьясь вниз.

Волшебница собрала свою волю, указала на каменную грудку напротив и торжественно махнула рукой вниз. Несколько валунов откололись и упали, быстро скрывшись из виду.

Снизу донеслись хруст и отчаянные крики, но Аэриндель их не слышала. Она поплыла в ночной тьме, внезапно почувствовав себя слабой и больной. Опустившись на колени, чтобы не упасть вслед за камнями, женщина схватилась за голову. Что с ней происходит?

Она чувствовала себя... странно. Леди Дасклея стиснула зубы. Чем бы ни была вызвана эта слабость, её королевство по-прежнему нуждается в ней, иначе эти солдаты с оружием доберутся до мирно спящих жителей и атакуют замок, в котором едва ли наберется с дюжину бодрствующих стражей, способных встать на защиту... если ей повезёт.

Прямо сейчас захватчики спешили вперёд по дну ущелья. Оравший человек внезапно стих - несомненно, добитый мечами товарищей, желающих предотвратить пробуждение врага.

Аэриндель сжала кулаки, взглянула вновь на каменную громаду Большого Глиммердауна и прошипела:

- Вниз! Развороты горный склон и обрушь его вниз, погребви врага!

В её голове словно хлынул красный дождь, и внезапно волшебница оказалась лежащей лицом на жёстком камне - в то время как рёв камнепада стеной вознёсся вверх, смешавшись с рваными криками снизу.

Леди Дасклея держалась за своё имя посреди разлившегося моря неуверенности. Кто она? Где она? Казалось, будто она дрейфует в тумане; здесь же были и те, кто носил её корону - женщина изредка замечала их. И у всех на лицах была печаль, а сами они выглядели усталыми и разбитыми. Чем дольше правительница смотрела, тем старше и сгорбленней они становились, в конце концов исчезая.

Аэриндель услышала доносившиеся из ущелья крики, проклятья и чей-то рык:

- Оставьте лошадей! У нас хватит оружия, чтобы вырезать хоть дюжину дасклеяских гарнизонов, идиоты! Выбирайтесь из этой ловушки, прежде чем они скинут на нас ещё больше камней! Проклятье, шевелитесь!

Аэриндель с трудом сглотнула. Не все оказались раздавлены. Она подняла глаза к только что будто срезанной вершине горы, сильно изменившейся там, где откололись валуны размером с загородный дом. Женщина изо всех сил пыталась оставаться в сознании.

Жёлтая дымка поднималась, загораясь ночью - поднималась перед её внутренним взором.

- Вниз, - прошептала она в третий раз, дрожа на скале, - обрушь вниз на них всех. Не дай ни одному тентирскому солдату выжить, чтобы потом поднять меч против моего Дасклея.

Корона вспыхнула вновь, и Аэриндель ощутила боль в каждом суставе, как и в груди, голове и животе. Она громко застонала, пытаясь подняться с камней, но её ослабевшие конечности не могли поднять её вес.

Но камни тряслись - содрогались, издавая низкий гул, от которого вибрировали зубы; гул ускорялся и усиливался, пока не стал громоподобным - и в этот же миг Большой Глиммердаун обрушился в горный проход, подняв пыль, а камни завизжали, словно женщины от боли; армия Великого Тентора оказалась погребена заживо.

Аэриндель жестоко бросало из стороны в сторону на трясущейся вершине горы, пока она не ухватилась за неровный обломок скалы. Окутанные пылью остатки ущелья зияли перед ней, но волшебница лишь всхлипывала, терзаемая

бесконтрольными судорогами и рвотными позывами. Несмотря на её метания, диадема оставалась на месте, будто припаянная к вискам – и в слабом свете, испускаемым артефактом, но не по её воле, она увидела, что руки стали морщинистыми, как у старухи.

Каким-то образом, корона питалась теми, кто её носил. Аэриндель на некоторое время зацепилась за эту мысль, но разум подводил её раз за разом, переключаясь на воспоминания о прыгающих камнях и скользящего вниз склона Большого Глиммердауна, так что она не могла думать ни о чём другом.

Прямо как тогда в зале для празднеств, когда, страшась прихода Раммаста, она не могла придумать ничего путного в ответ.

Раммаст. Он всё ещё может что-то замышлять! Ей нужно увидеть его, узнать, что негодяй делает! Если она хорошо его знает, то собирается нанести ей удар в её покоях в замке – но не прямо сейчас. Там, в Даскинге, правительница потрепала его, и теперь лорду нужно сперва унять боль, прежде чем предпринимать что-то ещё. Исцелиться, обновить заклинания, подобрать магическое оружие – только тогда он заявится к ней.

Сейчас лорд должен быть в своей башне. Башне Тарангар, высочайшей точке хмурой крепости Тентарнагард, в самом центра Великого Тентора... в той стороне. Лёжа ничком на твёрдой поверхности, страдая от боли в раскалывающейся голове, Аэриндель задумалась, сможет ли ещё раз использовать дальновидение.

И она могла. Было больно – боги, как больно! – но, хотя огонь агонии терзал её руки и ноги, а тело скулило и корчилось на холодных камнях горы Глиммердаун, волшебница как будто летела сквозь ночь, выискивая вонзившийся в небеса тёмный клинок Башни Тарангар. В самом высоком её окне будет гореть свет, знала она, а зловеще красивый лорд будет отчаянно готовиться встретить свою судьбу от её рук...

Вон там! Словно тенторский орёл, она выплыла из ночной тьмы, по широкой дуге поднявшись к освещённым окнам, пытаясь высмотреть ненавистное лицо врага. Наконец, она разглядела его, шагающего по комнате среди столов, заваленных картами. Он как будто почувствовал её, застыл и уставившись в окно. Но волшебница уже пролетела мимо, своими невидимыми крыльями проложив путь в обход башни, и теперь осматривала крутые крыши города, растянувшиеся под ней вдоль узких, освещённых фонарями вымощенных улочек. Она взлетела к луне, приказывая короне разметать башню под ней.

Правительница увидела, как тёмный оплот, трясясь, разваливается на крошечные камешки, взрываясь облаком осколков, осыпающихся дождём на Великий Тентор и оставляя после себя провал столь глубокий, что весь Тентарнагард содрогнётся и упадёт в него, погружаясь в затянутое каменной пылью забвение... прямо как встретившая свой конец в Проходе Глиммердаун тенторская армия.

- Это можно устроить, - голос магического обруча как будто нашёптывал прямо в ухо, - но деяние очень впечатляющее. Ценой будет жизнь.

- Надо думать, много жизней, - пробормотала вслух Аэриндель, чей лоб всё ещё касался жёстких камней вершины.

- Жизнь того, кто владеет магией, - шептала корона. – Того, кого ты касалась, пока носила меня.

- Осознанное самопожертвование, значит, - устало отметила Леди Дасклея. – Или убийство.

- Если я не смогу дотянуться до другой сущности, - объяснила корона, - я заберу жизненную силу носящего.

- Значит, если я заставлю тебя смести башню, - сказала Аэриндель, - Башня Тарангар падёт – но я засохну и умру здесь, на горной вершине.

- Башня может пережить атаку, если она защищена достаточно сильными чарами, - ответил венец. – В любом случае, в скором времени я должна буду подпитаться, иначе рассыплюсь на куски.

Аэриндель лежала тихо, а холодный страх медленно овладевал её телом. Она добровольно приковала себя незримыми цепями к зловещему артефакту, который станет причиной её гибели. Представив, как она скатывается по склону в виде высушенного кожаного мешка, с перекатывающимися внутри костями, волшебница заставила себя пошевелить дрожащими руками.

Хрипя от усилия, Леди Дасклея волочила руки по неровному камню, очень медленно и очень болезненно. К тому моменту, как её пальцы, наконец, нащупали обруч, она задыхалась и обливалась холодным потом.

Магический предмет шевелился, но не поддавался. Как бы сильно она не тянула и стягивала её, диадема будто слилась воедино с головой. Шепчущую Корону не снять.

Сдавшись, правительница перекатилась на спину и в отчаянии уставилась на звёзды. Она уничтожила людей, не игравших никакой роли, и при этом вывела своё тело из строя – оставив себя и королевство беззащитными против настоящего врага. Скоро, слишком скоро Раммаст вернётся. Отдохнувший, сильный, готовый убивать – и она будет просто лежать здесь, слишком слабая, чтобы чем-то ответить... а с короной и жертвой, сходящейся для воплощения в жизнь первого же ужасающего желания, которое он потребует от артефакта, лорд-маг будет представлять угрозу всему Эсмеральтану.

Она хотела заплакать, но у Аэриндель Саммертин не осталось слёз. У истекающей кровью, разбитой, полуживой и одетой теперь в одни лохмотья женщины не было сил даже чтобы подняться. Она лежала на вершине горы Глиммердауни и смотрела вверх, на слабо мигающие звёзды, дожидаясь, когда же наглая ухмылка Раммаста закроет их собой.

Но лицо, в конце концов заслонившее звёздное небо, было незнакомым – с крючковатым острым носом, голубыми глазами, хранившими мудрость веков, да, вдобавок, окаймлённое длинной бородой. Оно принадлежало человеку в простой поношенной мантии. Его руки были пусты; склонившись, он посмотрел на женщину сверху вниз, с проблескивающим в глазах – чем? Восхищением? Симпатией? Циничным удовольствием?

- Леди Дасклея, снимите корону сейчас же, - отрывисто потребовал незнакомец, - пока ещё не поздно.

Аэриндель взглянула на него, слишком измотанная, чтобы заботиться о том, как она выглядит, или откуда он её знает.

- Неужели хоть какой-нибудь маг, сражающийся за свою жизнь и страну, собственными руками отбросит своё лучшее оружие? - устало возразила колдунья, желая сейчас остаться наедине со своим страданием, раствориться в приветствующей её пелене забвения.

- Аэриндель, ты хочешь закончить свои дни так же, как твой отец? – мрачно поинтересовался незнакомец.

Аэриндель почувствовала kloкочущий внутри гнев. Почему кто угодно в Фаэруне знает всё о судьбе Табраса Грозового Посоха, кроме неё?

- Кто ты такой? – прошипела она, сверкая глазами. – Откуда ты знаешь моего отца?

Лицо с бородой приблизилось; человек встал на колени рядом с ней.

- Я научил его идти путями магии и сделал тем, кем он стал.

Секунду он смотрел через ущелье, на Высокий Глиммердаун, затем вновь опустил взгляд на женщину и мягко добавил:

- И, полагаю, я в ответе за его судьбу. Я тот, кого называют Эльминстером.

- Эльминстером, - сипло повторила волшебница. Внезапно волна энергии захлестнула её, а корона зашептала в её голове: *«Уничтожь его. Его магия сильна, очень сильна. Он опасен для нас обоих – а его силы как раз хватит, что снести Башню Тарангара и самого Раммаста вместе с ней.»*

- Как? – спросила она, не заботясь о том, произнесла ли она это вслух.

«Посмотри не него и пошли вперёд пламя, как ты проделала с солдатами в Даскинге... и тогда я ударю. А после, не прерывай поток, чтобы я смогла забрать его жизненную силу нам.»

Аэриндель медленно улыбнулась и сделала, как было велено.

Огонь ревя устремился вперёд, и коленопреклонённый незнакомец вздрогнул и подался назад – но пламя лишь слегка лизнуло его одежды, как будто утонув в его глазах... глазах, что потемнели и словно стали больше.

«Даааа», - торжествовала диадема, и правительница почувствовала тёплое сияние ликования.

Эльминстер поднялся и отошёл на шаг, а Аэриндель повернулась голову вслед за ним, не сводя глаз, как требовал артефакт. Разум прорезала неожиданная, острая боль, и накативший следом вал чистейшей ненависти, порождённой магическим обручем, заставил женщину резко выдохнуть и скрючиться на камнях.

- Нет, проклятый! – хрипела корона дрожащими губами колдуньи.

Эльминстер не обращал на это внимания, подняв руку и смахнув струю пламени точно нить паутины.

- Аэриндель, - настаивал он, вновь наклонившись над ней, - сними корону. Прошу.

Артефакт сверкнул, и Аэриндель почувствовала, как в неё вливается свежая энергия. Корона говорила, что и когда сделать – и женщина повиновалась.

Зелёная молния бросилась вперёд от её лба, с треском вцепившись в протянутую руку и окутав её язычками трепещущего пламени. Эльминстер

поморщился. На его лице промелькнуло явное раздражение, когда он отмахнулся ещё раз.

Невероятно, но молния отскочила прочь, унесённая затем прохладным ночным ветерком. Аэриндель и сама почувствовала раздражение – которое исходило от короны, вместе со следующими указаниями.

Она послушно исполнила их – и на этот раз навстречу магу понеслось пламя ослепительно белого света, пытаясь отшвырнуть бородатого мужчину назад. Он пошатнулся, а его плечи затряслись, когда бушующий огонь начал раздражать его.

Леди Дасклея внезапно поняла, что достаточно оправилась, чтобы встать. Она кое-как поднялась, и поняла, что её голова окутана сиянием. Корона лучилась ещё сильнее, чем раньше. Она протянула руки и хлестнула мага призванными щупальцами, щёлкавшими и грызшими его, словно голодные угри длинными зубастыми челюстями.

- Аэриндель! – закричал он, голосом, как будто полным страдания, - борись! Не подчиняйся короне! Эта вещь обращает всех, кто её носит, во зло, если дать ей волю! Это ты должна управлять ей; не позволяй превращать себя в безвольного раба!

- Умри, маг, да побыстрей, - прошипела Аэриндель в ответ. – Всё это время Раммаст становится сильнее, а все, кто сейчас в замке, даже не предупреждены и всё ещё спят! Умри или уходи – избавь меня от своего общества!

Колдунья опутала его верёвками закручивающегося огня, развернула и подбросила в воздух над бездной, раньше бывшей Проходом Глимердаун.

Но он не полетел вниз, к своей смерти. Вместо этого он стоял на пустом воздухе, словно на твёрдой земле, и указывал на неё.

- Аэриндель, заклинаю – сними Шепчущую Корону, сейчас же!

- Никогда! – выкрикнула Аэриндель, обрушив мощь артефакта на камни, на которых стояла, вырезая из них длинные, острые куски и запуская их в волшебника.

Эльминстер устало взглянул на неё и пробормотал какие-то слова. Каменные копыя рассыпались в пыль прямо в воздухе. Он произнёс что-то ещё, взмахнул рукой – и Аэриндель почувствовала холод, сначала охвативший ноги, затем поднявшийся до горла.

Теперь, подрагивая над землёй, она не могла делать ничего другого, кроме как смотреть вперёд, но корона позволяла видеть ей всё – Эльминстер превратил её в длинный, изящный деревянный посох, каким мог бы владеть любой колдун.

Длиной больше чем её Грозовой Посох, она парила в воздухе, излучая белый свет, окутавший корону. Лишившись опоры в виде головы, обруч пролетел насквозь на всю длину и зазвенел по камням, а его шептания стихли. Эльминстер поймал посох, быстро отошёл на пару шагов и отпустил.

Холод быстро отступил, и правительница вновь стала собой, представ перед могучим магом – кипя от ярости и злости, со свисающими с оголённых и освещённых луной плеч остатками платья, и с когда-то красивыми волосами, превратившимися в разворошённую солому. Она выглядела старше. Кожа обвисла и покрылась морщинами и пятнами. Глаза впали, а губы потрескались, словно от возраста. Её грудь тяжело вздымалась от гнева, но даже несмотря на это она стояла сгорбившись

и размахивая руками с пальцами, ставшими шишковатыми и скрюченными когтями старой карги.

- Отойди, маг! – прорычала правительница, её глаза – словно два брата-огонька. – Ты уже достаточно помешал мне! Мне нужна эта корона, чтобы защитить свою землю и... себя. Раммаст не получит ничего, если ты просто отойдёшь в сторону и дашь воспользоваться тем, что послала мне Мистра! Это её дар мне!

- Мистра делает подарки, которые предполагают выбор, - тихо возразил Эльминстер, внимательно изучая её глазами. Корона поблескивала на камнях позади него. – Каждый подарок – испытание. Ни один меч не станет смертельным оружием без держащей его руки.

- Ха! – фыркнула Аэриндель. – У меня нет времени на глупую философию, маг! Дасклеjk под угрозой! Раммаст собирает силы, пока мы здесь спорим! Уйди с дороги! Эльминстер склонил голову и отошёл в сторону.

- Выбор за тобой, - мрачно предупредил он. – Но знай, что вон то сияние означает, что корона должна выпить жизненную силу первого же наделённого магией существа, осмелившегося надеть её, иначе она рассыплется в прах.

Аэриндель бросилась вперёд, резко остановилась, одарила волшебника сердитым взглядом и прорычала:

- Такие слова – дешёвая уловка, маг; откуда мне знать, что это правда?

Эльминстер пожал плечами.

- Иногда ты должна доверяться кому-то другому; почему бы не начать сейчас? Если я прав, а ты не поверишь мне, то умрёшь. Если послушаешь, то как насчёт такого предложения: я вместе с тобой защищу Дасклеjk от этого Раммаста, и обучу тебя магии, достаточной, чтобы больше никогда не надевать корону и не использовать любую другую магическую помощь. Что скажешь?

Глаза Аэриндель сузились. Затем лицо исказилось, и она сердито отбросила назад остатки волос.

- Какая гарантия того, что ты сдержишь слово? Я тебя не знаю – оно может ничего не стоить!

Эльминстер пожал плечами.

- Может. Вопрос в доверии, не так ли?

Волшебница презрительно махнула рукой, проносясь мимо.

- Хватит заумных слов, маг! Вот это мне знакомо – я носила её и понимаю! – она наклонилась и подхватила магическую диадему.

- Помни моё предупреждение, - напомнил бородатый мужчина.

Корона призывно, приглашающе светилась и пульсировала, её прохладное излучение пробегало вверх по рукам – и это было так похоже на ласку. Шепчущая Корона издала слабый звон, похожий на звон далёких колокольчиков, и послала волну тепла и успокоения. Аэриндель утонула в этой волне, глядя на Эльминстера с тихим вызовом в глазах, и подняла обруч, готовясь надеть.

- Дааа, - раздался шёпот-шипение короны, когда женщина пронесла предмет перед лицом. Но внезапно к ней присоединился ещё один голос, одинокий и насквозь пропитанный отчаянием.

- Эльминстер, помоги мне!

Крик её отца сейчас звучал громче, чем раньше.

Аэриндель посмотрела на корону и услышала её сердитое рычание. На его фоне она смогла различить слабые крики остальных. Тех, кто умер, нося её. Других жертв.

- Прощай, отец, - прошептала она дрожащим голосом. Развернувшись на каблуках, женщина швырнула Шепчущую Корону – сильно и высоко.

Магический обруч взмыл вверх, вверх над Проходом Глимердаун, взыв в бессильном отчаянии. Уже падая, он швырнул в бывшую хозяйку молнией – ударившей в камень перед её ногами и оборвавшейся, когда корона скрылась из глаз.

Даже лунный свет, казалось, засиял ярче, когда овеваемая холодным ветром Аэриндель повернулась, покосилась на мага и неуверенно спросила:

- Эльминстер?

Бородатый мужчина улыбнулся ей, и его лицо просветлело. Взяв её за руку, он сказал:

- Верный выбор, Аэриндель. Ты использовала эту корону ради той цели, с которой Мистра вложила её в твои руки... и отпустила, когда она этого и хотела. Теперь пойдём. Мистра защитит тебя; ты будешь учиться магии, как твой отец.

Янтарный свет завихрился вокруг их сомкнутых рук, заворачивая обоих в клубящееся облако – которое сверкнуло сине-голубым и растворилось, оставив лишь пустую горную вершину.

Мгновение спустя в это место ударила молния, подбросив в воздух те камни, что не сгорели от удара. Ночь затрещала и осветилась яростью этой атаки.

- Они никак не смогли бы пережить это, - удовлетворённо отметил Лорд Великого Тентора, глядя вверх со своего места посреди развороченных камней, засыпавших Проход Глимердаун. Где-то там, под завалами, лежали все его люди – но кому нужны воины в стране, где он будет единственным волшебником?

- Интересно, кто был этот маг? – высказал мысль вслух Раммаст, хлопнув в ладоши и готовясь прочитать заклинание полёта, которое перенесёт его над скалами, доставив в Дасклеик. Он пожал плечами – что ж, пожалуй, он заглянет на вершину, просто чтобы убедиться, что таинственный волшебник теперь просто кучка пепла и воспоминаний.

Конечно, жаль, что так вышло с Аэриндель, но её образ хранился в заклинании вечного зеркала, и он мог изменить внешность какой-нибудь шлюхи, которая займёт её место.

Даже если кто-то прознает, не найдётся никого, кто мог бы встать на пути объединения Дасклеика и Великого Тентора под его началом, а там уже можно обратить внимание на богатые земли к западу, Марбрин или Дриммат. Так, он мог бы править империй уже через четыре зи...

На мгновение на вершине горы моргнул янтарный свет, высоко над головой. Нахмурившись, Раммаст посмотрел туда.

Что-то звякнуло о камни рядом с ним, и с металлическим звоном отскочило мимо ноги. Корона!

Должно быть, его молния сорвала артефакт с головы его соперницы!

Улыбаясь, Раммаст схватил обруч. Боги, эта штука наделила Леди Дасклея немалой силой! С ней Раммаст Тарангар станет практически неуязвимым!

Он назовёт своё королевство Тарангара – когда оно протянется от Большой Воды до Внутреннего Моря, и от Высокого Леса до горячих земель... Да, именем Мист-

Он всё ещё широко улыбался, когда возложил Шепчущую Корону себе на голову.

- А теперь посмотри, - тяжело предложил Эльминстер. Одной рукой он обнимал женщину за плечи. Другой он указал вниз, на валяющиеся там, где раньше было ущелье, камни; вниз, на одинокую торжествующую фигуру – Раммаста, Лорда Великого Тентора. Он... надевал Шепчущую Корону!

Аэриндель прикусила губу и попыталась сморгнуть слёзы, катившиеся из её глаз с тех пор, как она осознала, что сделала с ней диадема. Она стала старой, морщинистой, а её жизнь оказалась украдена у неё... и всё ради магии. «Мистра защитит тебя». Ха.

Значит, Раммаст умрёт, если, конечно, богиня не решила последний раз подшутить над ней... но нет. Он упал, превратившись в тёмное, искореженное нечто – кожа висела на скелете, который быстро рассыпался в коричневую пыль... и сладкая, освежающая энергия наполнила её, заставив резко вздохнуть и испытать дрожь такого сильного восторга, какого она никогда раньше не испытывала.

Аэриндель поняла, что дрожит и рыдает, ухватившись за успокаивающие руки вокруг неё – а теперь жадно и радостно целует наполовину видимое выше лицо, обуреваемая волнами дикого веселья. Её кожа снова гладкая и молодая, её тело – такое, каким и было!

- Видишь, - прогрохотал в её ухе этот добрый голос. – Такое работает. Мистра помогает. Нужно только довериться, ясно думать и делать, как она велит.

- Но как я пойму её указания? – спросила Леди Дасклея, отбрасывая мешающиеся встретить его взгляд волосы в сторону от блестящих глаз.

Эльминстер снова указал вниз. Там, далеко, в кучке костяной пыли что-то блестело. Аэриндель заметила это всего на миг, прежде чем молния такой силы, что никто из смертных не смог бы её повторить, сокрушила скалу напротив той, на которой они стояли, отправив огромный каменный поток вниз по склону – поток, погребший под собой Шепчущую Корону.

Когда вокруг них поднялась пыль, Эльминстер торжественно ответил:

- Она всегда шепчет нам.

- Эльминстер, - сказала Аэриндель с трепетной улыбкой, - помоги мне!

Интерлюдия

Уэс Николсон

Уэс закончил читать про Шепчущую Корону и вновь повернулся к странной тонкой книжице, найденной им за шкафом. Что-то подсказывало ему читать её дальше. Взяв её в руки, юноша продолжил чтение.

В ней говорилось, что раньше библиотека занимала лишь половину от нынешних размеров, а её северная часть была старейшей. За прошедшие несколько столетий монахи несколько раз достраивали дополнительные помещения, пока, наконец, здание не приобрело облик замка дьявольского барона из детских кошмаров. Внутри же довольно легко было обнаружить главный отдел с книгами и читальные залы, поскольку библиотека строилась вокруг них. Но нельзя было то же самое сказать про архивы, где хранилось большинство рукописей. Разбросанные по все уголкам хранилища знаний, они использовали под свои цели любое доступное место.

Кельи монахов и комнаты для гостей располагались в юго-восточной части, а пища готовилась в отдельном здании снаружи – чтобы дым и запахи не пропитали книги и свитки.

Многие комнаты были оборудованы под писцов, и каждый монах проводил большую часть своего дня, копируя свитки и фолианты. Таково желание аббата – чтобы в библиотеке хранилось как минимум три копии каждой работы, как для того, чтобы позволить ученикам ознакомиться по первому же требованию, так и для того, чтобы защитить труды от воровства, огня или влияния времени.

То, как библиотека разрослась за столетия, усложняло попытки определить извне, где какая комната берёт начало, а где кончается. Даже идя по коридору, сложно было сказать, что за помещение сейчас за стеной. Как следствие, хранилище знаний стало местом, в котором запросто можно было потеряться.

Уэс снова отложил книжку. Интереснее не становилось, да и, кроме того, оставалось ещё несколько дюжин работ, которые он ещё не посмотрел. Юноша встал из-за стола и начал рыскать в поисках какого-нибудь рассказа, не уступающего «Шепчущей Короне».

Его взгляд зацепился за какой-то старый свиток. Парень осторожно снял его с места и развернул. Это оказалась карта с грубо нацарабанными по краям заметками. Из-за слабого света и плохого почерка Уэс не мог полностью понять, о чём идёт речь, но, похоже, кто-то отметил здесь положение груды сокровищ, принадлежащих дракону. Судя по возрасту пергамента, решил парень, монстр уже давно мёртв, а клад уже нашла какая-нибудь группа искателей приключений.

И вот, в третий раз странная книга притянула его взгляд к себе; Уэс понял, что снова открывает её.

Урок истории закончился. Теперь юноша читал историю про молодого паренька, работавшего в библиотеке Кэндлкипа много лет назад – кандидата-новичка,

который исчез бесследно. Его звали Джеффри, и один из святых братьев постоянно упрекал его в лени и бесполезности; затем аббат послал его в северную часть библиотеки подготовить одну из старых читален для учеников, прибытие которых ожидалось на следующий день.

Внезапно испугавшись, Уэс оттолкнул книгу подальше от себя.

- Нет! – выдохнул он. – Не может быть! Эта история обо мне, но случившаяся много лет назад!

Он нервно оглянулся. Ему хотелось уйти прямо сейчас, но приказ аббата был предельно ясен. Юноша не смел ослушаться.

«Дыши глубже, Уэс, - сказал он себе. - Тебе просто не по себе, вот и всё. Не нужно больше смотреть на эту книжонку. Вернёмся к уборке...»

С другой стороны, одним глазком заглянуть в ещё пару книжек никогда не повредит, верно?

ЛЕДИ И ТЕНЬ

Филип Этанс

Мерзкий запах – вот что заставило архимага рефлекторно дёрнуться в сторону, что и спасло ему жизнь. Струя смертельно опасного яда выстрелила изо рта большой змееподобной фигуры и упала на пол, с шипением испаряясь и превращаясь в зловонное зелёное облако. Архимаг Тень развернулся на пятках и поднял руки; пальцы задвигались в серии быстрых и запутанных позиций. Слова, которые он выкрикнул чудовищу, ничего не значили, но зато несли в себе огромную силу.

Огненный шар опалил брови Тени, а нага закричала в агонии. Сфера оранжевого огня исчезла так же быстро, как Тень призвал её, и теперь от создания, что было её целью, поднимался дымок. Грубая колючая шкура наги и так была чёрной, но сейчас, вдобавок, расплавилась и обуглилась.

Тень отошёл назад на три размашистых шага, уже начав победно улыбаться и едва не стукнувшись об угол своей большой кровати с пологом. Он остановился перед редко используемым туалетным столиком, когда проклятая тварь засмеялась.

- Больно... - прошипела она, её голос – словно скрежет песка о сталь.

Кровь застыла в жилах у Тени. К другой попытке убийства сегодня он готов не был. Неудачное время.

Нага заскользила вперёд, оставляя глубокие борозды в дорогой древесине пола, обугленной испепеляющим жаром заклинания. Яд всё ещё стекал с уголков рта монстра. Четыре внушительных серо-жёлтых клыка заполняли провал пасти, будучи слишком большими, чтобы чудовище могло захлопнуть её до конца. Когда капли отравы попадали на пол, за этим следовало ещё шипение, ещё больше

отвратительного зловония, ещё больше ущерба превосходному произведению столярного искусства.

Из-за заклятья архимага загорелись занавески позади змеи. Маленькая, слегка пыльная деревянная статуэтка, изображавшая танцующую женщину, свалилась с подоконника и тоже полыхала.

Тень потянулся рукой вниз, к высокому чёрному сапогу, и попытался нащупать нож – который был запрятан там как раз на случай такого рода неожиданностей.

Нага задрала отвратительную голову назад и как будто улынулась - а в её горле появилось ещё больше яда.

Тень выдохнул «Нет!», и нож оказался у него в руке. Серо-голубой клинок, казалось, кричал, летя сквозь воздух, но архимаг знал, что метнул его не так уж и сильно. Нож пролетел через всю спальню быстрее арбалетного болта и погрузился в толстую чёрную кожу чудовища с влажным треском. Когда оно закричало, яд с тошнотворным бульканьем выплеснулся изо рта и залил всё ещё дымящееся тело монстра. Нага закричала опять, сильнее в этот раз. Нож утоп по самую свою золочёную рукоять, примерно в середине четырёхметрового туловища существа.

- Поворот! - выкрикнул Тень, и что-то заставило нагу посмотреть вниз.

Нож провернулся в узкой ране, и дрожь боли и удивления сотрясла тело чудовища. На этот раз вместо крика оно зарычало, назвав Тень каким-то словом, скорее всего являвшимся ужасным оскорблением в той тёмной дыре, которую ему подобные называли своим домом. Кровь твари была вязкой, красной и настолько бурой, что казалась почти такой же чёрной, как обугленная кожа.

- Поворот! - снова приказал архимаг, вставая так, чтобы оказаться перед нагой, и делая ещё один шаг назад. Он наткнулся на маленькую прикроватную тумбочку, опрокинув её. Бокал разбился о пол, и расплескавшаяся вода смешалась с каплями крови, бусинами усыпавшими доски.

Кинжал завертелся вновь, и кровь аж брызнула. Нага не закричала и на этот раз. Она изогнула голову вниз и вцепилась в зачарованный клинок своими кривыми клыками. Тело чудовища снова затряслось от боли, когда оно вытягивало предмет из раны. За высвобожденным ножом тут же последовал сильный поток крови.

Изданный существом звук, похоже, был смешком.

Тень перебрал в уме все доступные ему пути отхода. Потайная дверь, которую он установил в спальне три года назад, когда все кому не лень устанавливали их в своих спальнях, находилась по ту сторону наги. Он мог наложить на себя невидимость, но тварь вполне способна залить всю комнату своим ядом, и тогда он умрёт с той же вероятностью, как если бы самолично поджёг себя огнём фей. Телепорт – тоже не вариант, а если он выпрыгнет в окно, то пролетит полтора километра вдоль стены здания анклава Карсуса, прежде чем доберётся до полей внизу.

Он понял, что умрёт прямо здесь и сейчас.

«Проклятье, - подумал он, - Тень не будет...»

Но он прекратил даже думать, когда голова наги отделилась от тела и дважды скакнула по полу, прежде чем остановиться. Туловище дёргалось и болталось, разбрызгивая чёрно-красную кровь по скудно обставленной комнате. Когда

безголовая туша плюхнулась на пол, жидкости хлынуло так много, что её количества хватило, чтобы затушить занавески.

- Тень? – спросила женщина, явившаяся из ниоткуда позади подёргивающегося трупа монстра. Её голос был полной противоположностью шипению наги – насыщенный и мелодичный.

Она стояла почти вплотную к самой дальней стене. Тайная дверь – по-видимому, теперь не такая уж и тайная – открыта нараспашку позади неё. В руках у неё была рапира, с лезвием столь длинным и тонким, что оно гнулось, когда женщина просто держала оружие ровно, и свистело в воздухе точно хлыст при малейшем движении.

- Ты – Тень? – снова спросила незнакомка.

Кашляя из-за иссушающего жара огня, брызгающей крови и вони вскипающего яда, маг кивнул.

Женщина пошла к нему, одновременно настороженными и уверенными шагами.

- Полагаю, - начал говорить Тень, - я должен поблагодарить тебя за...

Свист рассечённого кнутом-рапирой воздуха прервал его; на самом деле он оставался жив ещё достаточное время, чтобы почувствовать, как его голова ударилась об пол, на лету пробормотав слово: «Проклятье».

За несколько мгновений до этого – и за сотни километров отсюда – архимаг Гренуэй стоял перед большим стеклянным резервуаром, заполненным вязкой и плотной зелёной жидкостью, двигавшейся по собственной воле.

- Совсем неплохо, - пробормотал старец, обращаясь к самому себе, повернулся лицом к загромождённой лаборатории и медленно зашаркал к большому палантиру, подарку от его третьей жены – преподнесённому ей прямо перед тем, как он приказал её убить. – Неплохо идёт.

Стоило только подумать об имени посланной им предполагаемой убийцы Тени, и вот он уже видит всё, что видит она. Информация, которой он её снабдил – о скрытом тоннеле под стеной, под частными садами Карсуса, ведущем в комплекс комнат и лабораторий, в котором обжился его враг – до сих пор была очень точна.

Женщина бежала по тёмному проходу с низким потолком почти со сверхъестественной быстротой, и Гренуэй восхищался её физической формой. Этим он мог восхищаться только издалека, или за определённую цену, ведь его собственное тело было не больше, чем хилым, увядающим сосудом для мощного интеллекта и ещё большей жадности. Да, думал он, отличный образец. Даже жалко.

Он оглянулся назад, на стеклянный контейнер огромных размеров – не уступающим размерам дома какого-нибудь обывателя. Что-то тяжёлое стукнулось о его стенку. Гренуэй разглядел, как плотный и размытый силуэт проволочился вдоль внутренней стороны стекла, прежде чем снова скрыться в зелёных глубинах.

- Скоро, - пообещал он заточённому внутри бака существу. Гренуэй улыбнулся и даже посмеялся целую секунду, прежде чем разразиться приступом скомканного, слюнявого кашля. Но, хотя слюни свисали с его покрытого серой щетиной подбородка, он улыбнулся ещё шире.

Алашар Войветра кончиком пальца голой левой ступни перекатила голову Тени так, чтобы можно было увидеть лицо. Он оказался достаточно красив, что заставило её нахмуриться. Уничтожение вещей никогда не приносило ей радости. Уничтожение красивых вещей почти что вызывало у неё желание прекратить уничтожать вещи вообще. Почти что.

Девушка сняла с ремня сумку и потрясла, раскрывая. Её наниматель сказал, что мешок не пропускает воду – стекающая с головы кровь не протечёт. Обещал, что убийца даже сможет ходить с ним по улицам анклава Карсуса, не привлекая внимания. Разумеется, она не собиралась оставаться в городе так долго. Она хотела вернуться в Йоулаум, доставить посылку и покончить с этим прежде, чем её проклятая совесть опять начнёт нашёптывать на ухо. Хотя это и было очень доходно, работать на архимагов девушка не любила – ненавидя то чувство незначительности, что они ей внушали.

Наёмница убрала рапиру в ножны и присела, отодвинув ногу подальше, чтобы не задеть скопившуюся на полу кровь; это казалось невозможным – и таковым и было бы – для большинства обычных людей.

- Прошу прощения, - раздался позади неё голос. Девушка застыла на месте, не пытаясь размахивать своим оружием, не пытаясь и бежать. Она узнала голос. Она всегда узнавала голоса.

- Тень, - сказала наёмница, медленно повернув голову и увидев его стоящим в высокой дверной арке.

Кто-то ещё стоял позади архимага, скрываясь в тенях слабо освещённого коридора. В очертаниях фигуры сквозило что-то знакомое, но эту мысль затмило присутствие человека, которого она только что обезглавила – живого и невредимого, одетого в свои украшенные чёрные шелка. Она противилась желанию взглянуть вниз, на голову на полу, чтобы удостовериться, что она ещё там. Она там.

- Проклятье, - со вздохом проронил волшебник, - эти штуковины сложно заменить...

Неудавшаяся убийца позволила руке соскользнуть до рукояти кнута-рапиры и услышала бормотание мужчины. Когда пальцы остановились в долях миллиметра от оружия, она поняла, что парализована. Женщина хотела выругаться, может даже попрощаться с этим миром, но не могла. Не могла сделать ничего.

- Ну и беспорядок, - заметил Тень, осторожно шагнув в комнату. Силуэт последовал за ним... и если бы Алашар была способна на что-то ещё, кроме как неглубоко дышать, то скорее всего закричала бы.

Это была она. Она смотрела сама на себя – те же длинные рыжие волосы, глаза цвета зелёного кристалла, тёмно-зелёная кожаная одежда, кнут-рапира и всё остальное.

Комната, в которую её притащили, являлась олицетворением анклага Карсуса. Этот безумный город был полон зданий, где пол на самом деле был стеной, и мостов, по которым люди ходили одновременно и сверху, и снизу. Любой родом не отсюда сначала пребывал в замешательстве. «Низом» здесь, похоже, называли всё, чего могли касаться подошвы твоих ног.

Это помещение, должно быть, было целиком вырезано в толще породы перевернутой летающей горы. Четыре резных колонны выглядели спицами, удерживающими всю структуру воедино, но при этом не сходились в центре. В каждой из них было двенадцать метров длины, а между верхушками каждой пары соседних оставалось ещё по шесть метров.

В самом центре огромной комнаты парил жёлто-зелёный кристалл, двух с половиной метров в диаметре. От него исходило мягкое, но почему-то тревожащее сияние.

Сюда от спальни Тени её тащила двойник Алашар. Настоящая Алашар всё ещё неподвижно пребывала в присевшей позиции, всё так же почти касаясь рукояти кнута-рапиры, всё так же неспособная ни на какие действия или разговоры. При этом она не переставала обескураженно удивляться идеальности двойника и таким вниманием к деталям, уделённым тому, что должно было быть просто иллюзией.

- Ты, - обратился к ней Тень будничным тоном, после того как её замёрзшая фигура заняла своё место на полу рядом с единственным предметом мебели в комнате, поддерживаемым в безупречном порядке столом, - сегодня мне поможешь. С небольшим таким, крошечным экспериментом.

Он встал позади стола, рассеяно вороша пачку пергаментных и бумажных листов, не переставая говорить. Голос его был бодрым, словно он искренне предвкушал то, что он собирался применить для отнятия её жизни. Разумеется, он убьёт её. В конце концов, она уже убила его, за деньги. Месть, на самом деле, куда более весомый повод для убийства, нежели горстка монет.

- Обычно, когда мне удаётся взять убийцу живьём, я отправляю его на план заточения.

Девушка коснулась кнута-рапиры. Почувствовала тёплый, обёрнутый кожей эфес подушечками пальцев. Она попыталась подняться, или потянуться, но пока не могла.

- Но мне никогда не приходило в голову, - продолжал маг, - организовать какой-то способ по их возвращению. Всегда это было что-то типа... пожизненного заключения.

Теперь у неё получилось открыть рот чуточку шире. Наёмница совершала каждое маленькое движение настолько медленно, насколько могла – чтобы не привлечь внимания.

- Конечно же, я знал о твоём прибытии, - заметил архимаг, отвернувшись от неё и осторожно подойдя к одной из громадных колонн. – Среди слуг Гренуэя у меня как минимум столько же шпионов, сколько у него – среди моих. Всё же, должен признать – ты весьма хороша. Этот симулякр... успешно отбил семнадцать серьёзных попыток убийства. Браво.

Убийца наконец-то могла согнуть до какой-то степени руку в локте, и теперь, когда он повернулся к ней спиной, начала тянуться; её вязкие мышцы отвердевали, пробиваясь через пустоту – но пустоту, всё ещё эффективно мешавшую её движениям. Он наверняка знает, что заклинание выветривается, или скоро выветрится. У неё точно было очень немного времени.

Несмотря на это, полностью поглощённый изучением мудрёного узора на одной из колонн Тень продолжал:

- В любом случае, я создал твоего симулякра. Ну или велел создать, если это имеет значение. Таким способом, я могу поддержать тебя на плане-тюрьме несколько лет, а потом использовать связь с симулякром, чтобы выдернуть обратно. Ну, если последние компоненты к тому времени будут готовы.

Он глянул на неё. Девушка остановилась, но почувствовала, что пошатнулась. Она едва не потеряло равновесие, но маг как будто бы не заметил. Он отвернулся, пожал плечами, и добавил:

- Вообще говоря, это может занять двадцать, тридцать лет. Вот честно – это не самое приоритетное из моих исследований. План тени всё ещё выглядит очень привлекательным для меня, как ты, наверное, догадалась. Но довести до ума связь с первичным материальным планом... с домом, так сказать... тоже было бы жизненно важным вкладом в данном направлении. К тому же то, что ты уничтожила моего собственного симулякра, означает, что я должен болтаться здесь, пока не организую нового. Весьма затруднительно, вообще-то.

Призвав большой чёрный диск под свои ноги и ноги своей пленницы, маг поднял их обоих к кристаллу в середине помещения. Она могла двигаться всё лучше и лучше, но настолько медленно, что всё равно у неё не получилось бы защитить себя прежде, чем он совершит то, что собирается.

Внизу Алашар видела свою копию, пустым взглядом уставившуюся вперёд и стоящую в привычной девушке позе – вес на правую ногу, руки скрещены на груди.

Тень практически не смотрел на наёмницу, глядя вместо этого на приближающийся драгоценный камень над головой.

- Всё что нужно сделать – коснуться его, - сказал маг, хотя голос нельзя была назвать утешающим. – Ты даже ничего не почувствуешь.

Они почти добрались до него, оставались какие-то сантиметры, когда он добавил:

- Насколько я знаю...

Алашар схватила его. Локоть пронзила острая боль, словно выскочил сустав, но рука надёжно сгребла скользкую шёлковую мантию. Она почувствовала, как архимаг вздрогнул. Как бы она хотела рассмеяться, когда он выкрикнул своё имя!

Где бы они не оказались, здесь всё было тёмно-серым.

Холодный ветер стегал волосами по лицу Алашар, и ей пришлось встать, отпустив при этом одежду своей жертвы. Тот отступил назад. Они стояли на холмистой равнине, покрытой довольно длинной травой с маленькими редкими

листочками. То тут, то там посреди серого ландшафта виднелись очертания деревьев, колыхавшихся на ветру, но не издававших ни звука. Трава и деревья как будто смешивались друг с другом в тех местах, где встречались.

Ничто здесь не было реальным; ничто не имело цвета.

Тень посмотрел на неё со странной смесью злости, облегчения и... неужели уважения? Лишь его лицо имело здесь цвет. Щеки зарделись, губы стали неестественно красными. В мире чёрно-белых оттенков выделялось всё, что не было серым.

Когда девушка начала отходить от него, маг не сказал ни слова. Когда вытащила кнут-рапиру – рассмеялся. Когда бросилась к нему вслед за клинком – исчез.

- Здесь ты не можешь меня убить, - сказал он у неё за спиной. Наёмница резко развернулась, но маг был очень далеко, в сотне метров или дальше. Замеченное уголком глаза движение заставило завопить её рефлекс. Она хлестнула своим оружием по воздуху. Долю секунды оно свистело. Затем тишина и сопротивление, будто оно прошло через что-то.

Её собственная тень оторвалась от земли под ногами и попыталась коснуться её. Или разорвать когтями? Выцарапать глаза или успокаивающе опустить руку на плечо, сказать, что всё будет в порядке, если только она...

Нет, эта штука пыталась убить. Касание было ледяным, но даже лёд не бывает настолько холодным. Тело девушки дёрнулось – не просто задрожало, а прямо-таки зашлось в судорогах. Она ткнула кончиком кнута-рапиры в свою тень, и лезвие вновь прошло через ту странную субстанцию, которая замедляла тонкий клинок.

- Убей! – донёсся до неё голос Тени. Он звучал будто издалека, но из-за ветра, странно ощущаемого воздуха и... тенистости земли, травы – всего! – невозможно было точно определить источник звука.

Её голые ноги онемели от холода, но двигались быстро, быстрее, чем она привыкла. Девушке удалось не подпустить к себе эту жуть. Серое, плоское ничто было просто тенью с её силуэтом. Иногда руки становились бесформенными и короткими, а потом чересчур длинными и тонкими. Алашар понятия не имела, как существу удаётся до неё дотронуться, но когда это случалось, было больно.

Прошло всего несколько секунд, но девушка уже почувствовала слабость. Рядом возникло ещё какое-то движение. Больше теней - или созданий, отбрасывающих тени - приближалось к ней.

Наёмница услышала, как Тень выругался и застонал. Вспышка света - и он ругнулся вновь, почти крича.

Её тень остановилась ровно настолько, чтобы Алашар успела ещё раз стегнуть её кнутом-рапирой. Существо рассыпалось, хотя у девушки не возникало ощущения, что удары ему хоть как-то вредят. Её голова кружилась, колени готовы были вот-вот сдаться, а клинок дрожал в слабеющей руке. Она оглянулась, и увидела дюжины других теней. Повсюду - в траве, стекающие с деревьев, сотен форм и размеров. Приближающаяся к Тени была особенно огромной.

Его лицо превратилось в маску ужаса и разочарования.

Неожиданно одна понятная мысль пронзила разум наёмницы хрустальной стрелой: этот человек - единственный, кто может вернуть её обратно.

Ринувшись на его защиту, девушка почувствовала, как все эти лапы, щупальца, усики и прочие отростки, для которых в языке не находилось слов, тянут из травы свои теневые пальцы, стараясь нежно обволочь её ноги ледяным холодом. Тело тряслось так, будто хотело разорвать само себя на кусочки. Добравшись до угрожавшего Тени чудовища, она атаковала с такой силой, словно от этого зависела её жизнь... потому что так и было.

Тени - те, которые поменьше - всё ещё осаждали архимага, но ему удавалось сдерживать их вспышками света. Пока.

Алашар хлестнула раскручивающейся спиралью своего кнута-рапиры. Свист, с которым лезвие рассекло воздух, пронзил её барабанные перепонки и заглушил постоянное неразличимое бормотание Тени. Когда гигантское существо коснулось девушки, её колени не выдержали; она продолжала драться, лёжа на земле. Её придётся разрезать тварь на кусочки, посылать крутящийся клинок вперёд и назад, кроша её бесплотную тушу.

Свист. Тишина. Сопротивление. Свист. Тишина. Сопротивление... Наконец, она просто закрыла глаза и позволила рукам выполнять их работу.

А потом сопротивление исчезло, и наёмница хотела верить, что громадная штукавина мертва.

Она почувствовала на руке ладонь, тёплую и реальную, и заставила себя открыть глаза, увидев, что это Тень. Он что-то говорил, но, должно быть, не ей, потому что она не могла понять ни слова. Одно из меньших теневых существ – на этот раз будто тень какой-то монструозной козы – коснулось её, но холод чувствовался не так уж сильно, и ощущение не продлилось долго.

Тело сдалось. И хотя она и так уже полусидела, полуразвалилась на холодной земле, теперь девушка начала падать. С удивлением, она резко вздохнула.

К тому моменту, как она ударилась оземь, холод прошёл, ветер затих, перед глазами появились колонны и источающая тепло и свет круглая лаборатория. Девушка откинулась на спину. Шея обмякла, а голова повернулась в сторону. Она встретила глазами со своим симулякром, также лежащим на спине. Уже соскальзывая в чёрную бездну, она не смогла не заметить то, какими зелёными казались глаза её двойника.

Она не помнила, чтобы её были настолько же зелёными.

Тяжёлое и тёплое постельное бельё невыносимо давило, но тем не менее Алашар всё ещё трясло, когда она проснулась. Первое, что она увидела – резные деревянные стойки в углах кровати и украшенный лепниной потолок в чёрных следах от огня. Движение заставило её повернуть голову, свет сверкнул в глаза и им стало больно. Когда зрение прояснилось, она увидела молодую женщину, почти девочку. Девушка носила простую белую сорочку, её волосы были собраны в забавный девчачий хвостик, а лицо представляло собой безучастную маску. Служка. Девочка взглянула на неё, перевела взгляд на кого-то или что-то позади её плеча и ушла, утаскивая ведро с водой, выглядевшее не таким уж тяжёлым.

- Пока не пытайся шевелиться, - раздался голос Тень, породив лёгкое эхо по всей комнате.

Но Алашар все равно пошевелилась, и тут же пожалела об этом. Боль в голове была сокрушающей и почти заставила её снова вырубиться. Сил бороться с ней не было. Она могла лишь принять – и приняла – её, медленно сев на пышной кровати, дрожа и работая над каждым вздохом.

- Любой другой был бы уже мёртв, - отметил Тень. – Ты та ещё штучка.

Она попыталась что-нибудь ответить, но вместо голоса из глотки выбился какой-то сиплый писк.

- Всё ещё хочешь убить меня? – поинтересовался архимаг.

Девушка открыла глаза, только сейчас поняв, что закрыла их, и увидела его, сидящего в кресле у дальней стены комнаты. Девочка-служанка, виденная ранее, стояла на коленях на обожжённом деревянном полу, всё ещё оттирая остатки вязкой чёрно-красной крови наги.

Тень выглядел ужасно. Под потускневшими глазами образовались тёмно-серые мешки, а лицо побледнело. Тот насыщенный цвет сошёл с его щёк и губ. Он тоже был завернут в толстое одеяло и подрагивал.

Горло заболело, когда она откашлялась; по щеке скатилась единственная слеза, заставив девушку покраснеть.

- Да, - она буквально прорывалась это, затем вновь прочистила горло, и голос вернулся к ней. – Да, я должна убить тебя.

Он улыбнулся и кивнул.

- Разве ты не собираешься убить меня? – в свою очередь, спросила наёмница, абсолютно лишённая энергии для сражения, но внезапно понявшая, что у него тоже на это нет сил. – Вот твой шанс. Я едва шевелюсь.

Ему пришлось приложить усилия, чтобы выглядеть серьёзным и устрашающим; впрочем, ему это не особо удалось.

- Честно говоря, у меня нет сил, чтобы тебя убить.

Не глядя ни на кого из них, служанка поднялась и вышла из кабинета. Вода в её ведре приобрела мерзковато-розовый оттенок.

- Что это было за место? – спросила Алашар.

- Долгая история, - всё, что он удосужился ответить. – Достаточно только сказать, что это причина, по которой твой наниматель желает моей смерти. Одна из причин.

- Те штуки высасывали жизнь и из тебя тоже.

- Да, - пробормотал он, - я не подготовился. Не стоит затаскивать кого-то на подобный этому план, когда он к тому не готов.

Он улыбнулся, когда понял, что собирался сделать со своей гостьей именно это. Она же улыбнулась, поняв, что победила в его собственной игре.

- Если бы не связь с симулякром, те тени сейчас бы пировали нами, - что-то в его улыбке было таким согревающим, что девушка внезапно почувствовала себя очень глупо – лёжа в постели человека, которого её наняли убить и которого, как она думала, обезглавила сегодня утром.

- Итак, - подвела она итог, - я была нужна тебе, чтобы вернуться обратно.

- Да, так же ты нуждалась во мне, - он глубоко вздохнул и натянуто улыбнулся. – Значит мы в расчёте?

Алашар сбросила тяжёлые одеяла и умудрилась принять сидячее положение. Теплота и подвижность быстро возвращались. У неё всегда получалось быстро восстанавливаться, и сегодня это свойство спасло ей жизнь минимум один раз. Кожаной одежды на ней не было. Она носила ту же простую одежду, что и горничная, и внезапно ни с того ни сего смутилась.

- Тебя переодела служанка, - успокоил архимаг. – Я в это время тоже валялся в отключке.

Наёмница посмотрела на него и кивнула, медленно свешивая ноги с края кровати. Она услышала звон металла и вновь взглянула на хозяина дома. Тот держал в руках её кнут-рапиру.

- Интересное оружие, - протянул он, с уважением и любопытством разглядывая его.

Вернулась служка, но что-то было не так. Выражение её лица заставило Алашар вскочить; её колени вновь было подвели её, но через секунду она стояла на ногах уверенно. Раздался похожий на треск или хруст звук, и тело горничной сотряслось. Что-то большое стояло в коридоре позади неё, заполняя дверь бесформенной чёрной массой. Сквозь грудь девушки пробилось что-то толстое, зелёное и всё в тонких струйках красной жидкости. Кровь хлынула изо рта бедняжки, и Алашар не смогла сдержать крик, когда прямо перед ней её разорвали на части.

Тень прокричал имя наёмницы, и та вскинула руку, машинально отметив, что маг кинул ей кнут-рапиру. Она поймала её и занесла для удара ещё до того, как успела рассмотреть быстро приближающуюся тварь.

Единственной подсказкой, по которой она поняла, что чудовище покрыто сотнями щупалец, было то, что каждый раз, когда её мелькающее, визжащее оружие встречало какое-то сопротивление, один из толстых, дёргающих обрубков продолжал извиваться уже под ногами. Заметила она и кровь монстра, горячую и жёлто-зелёную, липкую и вездесущую. Существо превышало её размерами как минимум вдвое – живая стена колышущихся зелёных щупалец и дюжин разъявленных, усыпанных клыками пастей, и самих полных щупальцами поменьше.

Она крошила его, в то же время отступая, ибо создание продолжало свой натиск. Её движения были настолько быстрыми, что сливались в размытое пятно, её мышцы разогрелись и становились всё гибче и отзывчивей.

То, что тварь не издавала ни звука, когда наёмница отсекала ему конечности, беспокоило её; но потом она увидела, что щупальца вырастают заново.

Алашар понятия не имела, что делал Тень, и у неё не было времени выяснять это. Монстр заставлял её отходить вглубь комнаты, загоняя в угол. Что-то обернулось вокруг ноги – что-то тёплое и грубое, словно слоновья кожа – и прежде, чем она успела среагировать, огрызок с хлюпаньем втянулся в тело зверя, выдёргивая из-под неё опору. От силы падения на спину её зубы болезненно прикусили – а может, и прокусили – язык. Она почувствовала привкус крови ровно в тот же момент, когда развернула лезвие кнута-рапиры в обратном направлении, отрезая обхватившее ногу щупальце.

Облитая горячей жёлтой кровью существа нога обрела свободу, но девушка увидела, что оно наваливается сверху. Она откатилась с дороги достаточно быстро, чтобы не оказаться погребённой полностью, но оно почти целиком поглотило левый бок. Правая рука ударилась об пол, и кнут-рапира со стуком поскакала по обгорелым доскам.

Вес чудища и без того причинял боль, но когда одна из пастей наткнулась на левое бедро и вцепилась в него, девушка закричала и просунула левую руку ещё глубже под дёргающуюся, тяжёлую грудку. В панике и отчаянии, сводимая с ума болью, она перенесла вес на левую сторону и упёрлась рукой в уголок рта. Подняв взгляд, она увидела другую приближающуюся пасть. Которая намеревалась откусить ей голову. Застонав, она вытянула – скорее даже, вырвала – левую ногу из хватки первого рта и лягнула ей. Боль помогла наёмница выбраться из-под существа.

Девушка перекатилась за рапирой, оставив за собой широкую полосу собственной крови. Ладонь подхватила её под руку, и она позволила Тени поднять себя и оттащить прочь от зелёной массы, уже поднявшейся и вновь двинувшейся к ним.

- Сюда, - задыхаясь, позвал архимаг.

Алашар вспомнила про потайную дверь.

Хрупкими, покрытыми старческими пятнами руками Гренуэй обхватил края палантира. Его спина сотрясалась от кашля, только что сменившего холодный, кудахтающий смех.

Алашар, его наёмная убийца и невольная приманка, отлично выполнила свою задачу. Она проникла в святая святых Тени, предотвратила попытку убийства со стороны пока неизвестного соперника, уничтожив нагу, избавилась от проклятого симулякра, так долго вводившего в заблуждение его информаторов в Карсусе, и даже, похоже, приобрела странную связь с архимагом. Она и её жертва стали своеобразными партнёрами, и девушка казалась странно сосредоточенной на том, чтобы не упустить Тень из виду. А поскольку её глазами смотрел и Гренуэй, всё шло хорошо.

Мутант, который исполнял роль настоящего убийцы, сам думать не умел. Его нужно было довести, поэтому он отправил Алашар первой. Гренуэй хмыкнул-кашлянул при мысли о том, что девушка, наверно, все ещё ожидает получить плату за убийство Тени.

Победа была близка; Гренуэй закрыл глаза и приготовился прочитать последнее заклинание.

Тварь еле помещалась в узком проходе, но тем не менее быстро нагоняла. Из дюжин ртов сочилась какая-то вязкая жидкость, позволяя существу скользить. Ни Алашар, ни Тень не видели сквозь неё. Щупальца как будто удлинлись.

- Лаборатория, - пропыхтел маг.

Он был всё ещё слишком слаб, чтобы действительно бежать. Он не прочитал ни единого заклятья, и Алашар знала, что он полностью вымотан. Если у него и оставались тузы в рукаве, разыгрывал он их, балансируя на лезвии ножа.

Глубокий кровотокающий укус на левом бедре Алашар тоже замедлял её, а суставы едва не лопались из-за холодной слабости, вызванной теневым планом. Она хотела крикнуть, что они не успеют добраться до лаборатории, и уже раскрыла для этого рот, когда тварь, теперь находившаяся всего в нескольких шагах от них, издала какой-то звук. Похоже было на кашель.

Девушка остановилась и посмотрела обратно. Тень остановился сразу вслед за ней и проследил за её взглядом, направленным прямо в центр кучи зеленых щупалец. У существа появилось лицо - хотя несколько секунд назад его там не было.

- Гренуэй, - процедила наёмница.

Зелёное, покрытое слизью лицо ухмыльнулось, его черты растянулись, словно желе, и дёрнулись. Тело твари явно не подходило для такой работы; если что-то и могло ему не понравиться, то это именно испытываемое им сейчас ощущение. Лицо принадлежало Гренуэю, но было более безобразным.

- Аааааа, Алашар, - шёпот архимага, эхом отражавшийся в узком коридоре обдал их, словно водой из ведра. Правда губы двигались не совсем в такт голосу. Монстр всё ещё медленно приближался, и девушка отступила, не заметив, что Тень остался стоять на месте.

- Гренуэй! - выдохнул он. - Я разорву тебя на...

Фразу архимага прервало щупальце, копьем метнувшееся откуда-то из недр зелёной массы и обернувшееся вокруг его головы. Алашар взвизгнула, когда оно скользнуло по виску, слегка дёрнув волосы. Рука Тени вцепилась в щупальце, не оказывая никакого эффекта; над толстой зелёной конечностью виднелся лишь пучок гагатово-чёрных волос.

Сердце девушки забило сильнее, она инстинктивно отошла ещё дальше.

- Убегаешь, дитя? - прошипело лицо Гренуэя. Наёмница подняла кнут-рапиру в защитной стойке, и тут колени Тени подогнулись. Чудовище медленно подтягивало его; Алашар могла разглядеть глубокую, яростную ненависть на лице Гренуэя.

Она услышала собственные слова:

- Ты не дал мне времени!

Гренуэй засмеялся. Смех загрохотал по коридору и превратился в захлёбывающийся кашель. Тень бешено извивался на полу. Тварь убивала его.

Алашар поняла, что сейчас у неё появился шанс сбежать, позволив Гренуэю расправиться с врагом самому. Она могла выбраться отсюда, не замазав рук – если бы сделала это сейчас; но тогда Гренуэй бы победил. Девушка внезапно поняла, что должно случиться дальше.

Её пальцы крепче сжали рукоять кнута-рапиры, и она расставила ноги шире на грубо обработанном каменном полу.

- Нет, Гренуэй, - процедила она сквозь сжатые зубы. – На этот раз победа будет за мной.

Кашляющий смех раздался вновь, и ещё один рот, самый большой из всех, раскрылся в нижней половине туловища монстра. Существо остановилось в нескольких шагах от того места, где стояла наёмница, и, хотя оно обращалось к ней, его глаза – глаза Гренуэя – жадно пожирали Тень.

- Повзрослей, девочка, - прорычало чудовище. – Ты никогда бы не смогла убить его.

Мелькнул кнут-рапира, и девушка ударила им вперёд и вниз. Лицо Гренуэя закричало – от разочарования и злости, не от боли – когда державшее Тень щупальце развалилось пополам из-за звонкого укуса бритвенно-острога клинка. Конечность отлипла от лица архимага, и тот одним длинным, захлёбывающимся глотком всосал в себя воздух, вращая выпучившимися глазами – даже когда Алашар схватила его за забрызганный кровью воротник и жёстко оттащила подальше.

- Я не закончила, - прошипела она обоим магам, - ни с одним из вас, ублюдки.

Гренуэй оторвался от связи с мутантом и закричал, изливая бессильную ярость на оббитый жёстью потолок своей лаборатории. Затем вновь схватился за палантир и следил глазами Алашар, как та разрезает его монстра на клочки. Тень всё ещё был жив, а девушка теперь знала своё настоящее место в задуманной игре.

Да, подумал он, отличный образец.

- Будь она проклята, - прорычал он.

Всё тело Алашар дрожало; она стояла по колено в дёргающихся ошмётках огромного зелёного чудища. Она не помнила, когда точно оно перестало пытаться ударить её в ответ, но знала, что в какой-то неуловимый момент оно подчинилось судьбе и позволило себя убить. Девушка тяжело дышала и едва могла пошевелить ногами.

Позади неё всё ещё пыхтел и кашлял Тень, пытаясь взять себя в руки и оправиться от того, что его только что пять метров волокли за голову по каменному полу. Когда она обернулась взглянуть на него, нога соскользнула, и она оказалась сидящей в куче отрубленных щупалец и желеобразных кусков.

Их глаза встретились, и Тень выдавил улыбку.

- Предполагалось, что ты на такое не способна, - загадочно выдал он.

Наёмницу охватил гнев, и, не желая того, она бросилась на спутника. Схватила за шею. Глаза выдали, что ему больно.

- Будь ты проклят, - выдохнула она. – Мне следовало бы убить тебя после всего случившегося, ты, сын ш...

Она внезапно смокла, отпустила горло и занесла кнут-рапиру над его головой. Их зрительный контакт ни разу не прервался, однако её рука дрожала сама по себе.

- Вы оба использовали меня, - обвинила она, - не так ли? Проклятые архимаги.

Презрение в её голосе, похоже, подействовало на него.

- Великие никчёмные лордишки Нетерила, - продолжала она. – Сидящие во всякой дряни, внутренностях и отбросах ваших собственных маленьких...

Девушка позволила словам повиснуть в воздухе, не имея ни малейшего представления, как выразить столько негодования.

- Разве я использовал? – спросил он. Голос спокоен – как иронично было слышать такой от полуживого человека, сидящего в луже вонючей жёлто-зелёной слизи. – Ты собиралась убить меня, Алашар. За деньги. Так я ли использовал? Или он?

Наёмница позволила руке опуститься – скорее, от переутомления, нежели от внезапного желания не отрезать эту заносчивую голову.

– Я проснулась в твоей кровати, но с той же вероятностью это мог оказаться твой план-тюрьма. Эта тварь... или что бы это ни была за штуковина... Гренуэя... собиралась проглотить тебя целиком. Ты мог убить меня. Я могла позволить ему убить тебя.

- Значит, мы в расчёте? – уточнил маг. – Можешь убить меня сейчас, если хочешь.

- Эта нага – это ведь не Гренуэя рук дело, да?

В ответ Тень медленно покачал головой.

- Значит, не только Гренуэй желает твоей смерти?

На этот раз он просто засмеялся, хотя в смехе присутствовала нотка печали.

- Может, убью тебя попозже, - сказала девушка, улыбнувшись, - если кто-нибудь на самом деле заплатит. Но пока, у нас обоих есть долг, который нужно выбить.

Его лицо приобрело то же самое выражение, что она видела тогда на плане теней. И да, это было уважение.

Только как следует убедившись, что абсолютно все необходимые защитные чары на месте, Гренуэй произнёс слово, позволившее дверям в его комнату для размышлений распахнуться.

Алашар медленно зашла внутрь, шагая насторожённо и аккуратно. Её большие зелёные глаза осмотрели пыльную захламлённую комнату. Сумка в руке пропиталась кровью, по цвету явно человеческой. Гренуэй хмыкнул, вспомнив, как магоплёт, продавший ему мешок, уверял, что он не протечёт. Архимаг решил, что неплохо бы послать кого-нибудь утром навестить ткача.

Наёмница остановилась в нескольких шагах от места, где сидел Гренуэй. Маг безмятежно развалился на подушках, сложенных грудой на толстом ковре из тёмно-коричневой шкуры пещерного медведя.

- Ну, Алашар, дорогуша, - начал он, - что ты мне сегодня принесла?

Его голос был ровным, потому что он знал, что она не сможет убить его. Тот факт, что у неё с собой не было её странного меча, даже не имел значения. Его защитит сама комната.

Он простил ей усмешку, которая предшествовала прямому ответу:

- Кое-что, что позволит разобраться друг с другом, Гренуэй.

Маг следил за каждым движением её гибкого тела, когда она засунула изящную ручку внутрь пропитанной кровью сумки. Когда она вытянула голову архимага Тени, Гренуэй разразился чередой смеха, кашля, снова смеха, снова кашля, пока все подушки не оказались забрызганы слюной, а из носа не потекло. Его похожие на клешни руки рассеянно крутили завитки белых волос, редкими локонами свисавших со сморщенного, покрытого пятнами скальпа.

- Оплата, - жёстко потребовала Алашар, и Гренуэй вновь захохотал.

Даже Алашар не смогла отреагировать настолько быстро, чтобы уклониться от ладони, вырвавшейся из-под пола за её спиной и венчавшей руку, по цвету и текстуре совпадавшую с полом комнаты отдыха. Она занеслась над головой девушки и метнулась вниз, схватив за волосы и потянув назад. Шея хрустнула, и этот устрашающий звук эхом разнёсся по большой каменной комнате. Сила почти оторвала голову от плеч. Её тело свалилось назад, на спину. Ладонь вместе с рукой скрылась в полу ещё до того, как судороги агонии Алашар прекратились.

Гренуэй наконец перестал кашлять. Древний маг с трудом встал и довольно устался на лежащую на полу голову, даже не удостоив взглядом тело собственноручно нанятой убийцы. Он развернулся, насвистывая какую-то весёлую мелодию из своей молодости, дошаркал до двери в личную спальню и открыл её.

- Добрый вечер, - поприветствовала Алашар.

Гренуэй остановился и поднял взгляд так быстро, как могла позволить его хрупкая шея. Они стояли перед ним, живые – и оба.

Симулякры...

Он открыл рот, собираясь прочитать заклинание, но из него не донеслось ни звука. Тень улыбнулся, а Алашар обнажила свою рапиру и шагнула вперёд.

ТЕНИ ПРОШЛОГО

Брайан Томсен

Первое, что я помню - лицо самого настоящего ангела, носящее то выражение насыщения, которое обычно следует за ночью удовольствий.

Я мельком вернул ей улыбку и сел, готовясь поцеловать... как вдруг почувствовал сокрушительную головную боль, расколовшую моё восприятие реальности. Мгновенно потеряв сознание, я даже не успел как следует понять, где нахожусь.

Единственное, что я запомнил - то лицо ангела.

Снова проснулся я много позже - по крайней мере, я решил, что много позже, потому что во время первого пробуждения в комнате было светлее.

Осторожничая, чтобы не повторить результат моей первой попытки, я позволил глазам приспособиться к свету. Медленно рассмотрел комнату, точнее, большую её часть, которую можно было увидеть, не поворачивая головы и не тревожа явно ушибленное содержимое черепа - всё ещё чувствуя пульсирующую боль внутри. Так же медленно я повернул голову набок.

Девушка, которую я сначала принял за ангела, до сих пор находилась здесь. Она сидела спиной ко мне, а её точёная фигурка подсвечивалась спрятавшимся в алькове фонарём. Тень на стену напротив она отбрасывала определённо человеческую. Лица я разглядеть не мог и, сохраняя силы, ждал, пока незнакомка не повернётся.

Спустя несколько мгновений моё ожидание оказалось вознаграждено.

Когда девушка повернулась, я закрыл глаза на долю секунды, будто моргая, чтобы создать впечатление, словно только очнулся.

Она заметила трепетание моих век. Мягкими шагами она пересекла комнату, становясь рядом.

- Осторожнее, - промурлыкала девушка. – Никаких резких движений. Мы же не хотим повторения последнего инцидента, правда?

Двигаясь ещё осторожнее, я повернул голову так, чтобы рассмотреть её. Открыв глаза, я увидел того самого ангела, что заполнял мои воспоминания. Наши взгляды встретились, и на её губах появилась улыбка.

Заполнявший голову туман начал рассеиваться, и очертания помещения стали чётче.

Я лежал на самодельной койке в каком-то хранилище. Черты лица божественной красоты ангела, из-за которого мои мысли сперва забили в экстазе, наполнились симпатией и страстью, тоже прояснились. Весьма далёкая от небесного видения из моих грёз, девушка походила на какую-нибудь беспризорницу. Нет, я совсем не хочу сказать, что она была некрасивая, боги с вами - только то, что такие обычно в больших количествах встречаются, например, в доках Глубоководья.

Глубоководье! Должно быть, меня ограбили на одной из улочек Портового района. Что ж, это объясняет то, как я оказался здесь, а также боль, от которой страдала моя несчастная голова.

Она снова улыбнулась и негромко проговорила:

- Хорошо. Ты приходишь в себя. Я боялась, ты вновь потеряешь сознание.

Интонация, с которой она говорила, не поменялась. То, что я в первый раз принял за нежное воркование соблазнительного ангела, оказалось всего лишь приглушённым говорком заботливой сиделки. Возможно, она не хотела выдать наше местоположение случайным прохожим, бандитам или страже.

Я медленно перевалился набок и поднял голову - опершись на локоть и ладонь - и отважился задать вопрос:

- Я ведь в Глубоководье?

- Ты прав, - ответила она поколебавшись, словно ожидая, что за этим вопросом тут же последует ещё один.

- Замечательно, - прокомментировал я с напускной бравадой. - Всегда неплохо знать, куда тебя в итоге занесло. Почти так же важно, как знать собственное имя.

Даже сейчас я не могу сказать, была ли напряжённость, скользнувшая по лицу моей сиделки, настоящей или надуманной. В тот момент я был слишком отвлечён, чтобы обращать внимание. Потому что именно тогда понял, что, во имя всего Торила, не имею ни малейшего понятия о том, как меня зовут, и даже о своём прошлом.

Поддавшись панике, я дёрнулся вперёд. Я хотел вырваться из этого амбара, найти хоть какую-то подсказку о моей личности. Сестра попыталась удержать меня на лежанке. Я сразу же вывернулся из её хватки и вскочил на ноги...

И мгновенно потерял сознание из-за своих слишком поспешных действий.

Раздававшиеся за пределами амбара звуки вскоре вернули меня к действительности. Многочисленные работяги не слишком старались соблюдать тишину, идя на работу. Моя сиделка по-прежнему была здесь же, только выглядела более усталой, словно только что освободилась с тяжёлой ночной смены. Но на этот раз компанию ей составлял крепкий детина, назвать которого словом «джентльмен» не поворачивался язык.

Также я заметил меры, предпринятые для ускорения моего выздоровления. На лбу расположился прохладный компресс, а руки и ноги были связаны - очевидно, чтобы предотвратить дальнейшее членовредительство; по крайней мере, я надеялся на такое объяснение.

- Урок усвоен, - спутанно пробормотал я. - Никаких резких движений. А теперь кто-нибудь может мне сказать, кто я такой?

Моя сиделка взглянула на сообщника, словно ища одобрения, а потом опять на меня - перед тем, как спросить настолько невинным голоском, что он мог только либо по-настоящему искренним, либо невероятно лживым:

- Прошу прощения?

Я моргнул. Похоже, она не лгала. Даже не помня имени я знал, что у меня есть способность судить о характере человека. Я решил сменить тактику.

- Можете развязать меня, я не собираюсь причинять вред ни себе, ни кому-то из вас, - заверил я её. - Я всего лишь хочу понять, что происходит.

Девушка посмотрела на меня, затем на спутника.

Тот кивнул; сиделка начала развязывать узлы.

Простой запах её тела искушал меня своей близостью - похоже, я уже неплохо оправился. Возможно все эти часы, проведенные без сознания, пошли мне на пользу.

Её крупный товарищ шагнул на расстояние удара, на случай, если я что-нибудь выкину. Девушка помогла мне сесть.

- Спасибо, - рассеянно поблагодарил я и добавил: - Надеюсь, я доставил не слишком много неудобств, мисс...?

- Шейрон, - отозвалась она. - Нимара Шейрон. Но ты можешь звать меня Котёнок.

- Хорошо, буду, - согласился я и переключил внимание на её спутника. - Вам тот же вопрос, мил человек.

Мужчина глянул на меня, потом на девушку, фыркнул, развернулся и оставил меня наедине с сиделкой.

- Общительный малый, да? - хмыкнул я.

Лицо Котёнка посерьёзнело.

- На твоём месте я бы говорила в таком тоне о том, кто недавно спас мне жизнь, - отрезала она. - Если бы он не выловил тебя из залива, сейчас ты уже стал бы добычей разбойников.

- Из залива? - переспросил я.

- Именно, - подтвердила она. - Он самолично притащил тебя сюда, раздел и выходил, отлучаясь, только чтобы разобраться с важными делами. Но даже тогда он оставлял меня присматривать за тобой.

Этот громила был моей сиделкой. Это он спас меня, залечил раны, раздел...

Я быстро схватил одеяло, которым до этого был накрыт, и прикрылся.

Котёнок захихикала и поднялась со словами:

- Не беспокойся, там нет ничего такого, что я уже не видела.

Взглянув вниз, я понял, что прикрытие не требовалось - панталоны всё ещё были на мне. Присоединившись к девушке, я тоже засмеялся.

- У меня был при себе кошелек, когда он принёс меня сюда?

- Нет, - ответила она. - И Лотар вернул бы его тебе, если бы был, не сомневайся.

Я попытался было медленно встать, но быстро отказался от этой затеи, когда сильная, но нежная рука уперлась мне в грудь, возвращая на кушетку.

- Позже, - проворковала Котёнок. - Сила тебе понадобится.

Я подался вперёд, пытаюсь притянуть её поближе, но она ловко увернулась.

- Полагаю, тебе лучше, - подметила она.

- А где я?

- Ты угадал с первого раза, - ответила девушка. - Глубоководье, Портовый район, дом Лотара.

- А ты - Котёнок, и приходишься Лотару...

- Другом, - подсказала она, - и иногда - деловым партнёром.

- Деловым?

- Позже будет достаточно времени, чтобы это обсудить.

Похоже, для Котёнка "позже" являлось ответом на многие вопросы.

- Как ты себя чувствуешь? - поинтересовалась она, уже не так заботливо, как раньше.

- Лучше, - отозвался я. - Не хуже, чем если бы меня протащили за волосы от Подгорья до Порта Черепи.

Она снова улыбнулась.

Проведя рукой по затылку - чтобы убедиться, что я не лысый - я добавил:

- Просто не могу вспомнить, кто я такой, откуда и что здесь делаю.

- Ответить на последний вопрос легко, - успокоила Котёнок. - Набираешься сил. Наверно, ты ударился головой и упал за борт одного из тех кораблей в гавани. Такой удар мог вызвать потерю памяти.

- Да, слышал о таком, - согласился я и тут же кое-что понял. - Забавно то, - поделился я, - что мне отбило не всю память.

- Это как? - заинтересовалась девушка, снова посерьёзнев.

- Я не помню своего имени, но догадался, что нахожусь в Портовом районе Глубоководья. Ещё я знаю о возможности потери памяти от удара, и всякое такое.

- Самое последнее из того, что ты помнишь?

- Как проснулся, - ответил я, торопливо добавив, - и увидел твоё ангельское личико.

Она улыбнулась.

- Ну, какое-никакое начало, - пожал я плечами.

Быстрый топот по доскам пола дал знать о том, что Лотар снова приближается. Отогнав Котёнка, он сунул мне какое-то варевое. Я начал было протестовать, но - учитывая моё ослабленное состояние - передумал и принял, как я надеялся, лекарство.

Сразу же мной овладела приятная дремота, и снова я провалился в темноту.

Я вынырнул из своих снов из-за не особо приятных толчков, которыми меня одарила Котёнок, видимо, решившая, что сюсюкаться со мной больше не стоит. И она была права. Боль в голове прошла, силы вернулись. Я чувствовал себя отдохнувшим и посвежевшим, и если бы не тот факт, что я до сих пор не мог вспомнить ничего из своего прошлого, я бы не смог устоять перед искушением назвать себя здоровым как бык.

- Ещё не вспомнил, кто ты такой? - спросила она.

- Нет, - отозвался я, протирая глаза и изгоняя из них сон, и благодаря судьбу за то, что пульсирующая боль не вернулась.

- Как плохо, - пренебрежительно поддразнила она. - Похоже, тебе придётся жить дальше лишь с тем, что знаешь.

- Лотар сказал что-нибудь ещё? Может, он что-то знает?

Котёнок душевно рассмеялась. Пропало то девчачье хихиканье, что звучало во время моего выздоровления.

- Увы, нет, - ответила она. - И к твоему сведению, Лотар ничего не говорит. Он не может.

- Немой?

- Можно и так сказать. Несколько лет назад ему отрезали язык - из-за особенно страшного спора с особенно страшным громилой.

- Как плохо.

Котёнок пожала плечами.

- Он, похоже, не против, - заметила девушка. - Читать-писать может, мнение своё доносит, когда того хочет.

- Не сомневаюсь.

- Это всего лишь преграда, которую нужно преодолеть, вроде потери памяти.

Не могу с уверенностью сказать, произнесла ли она последнюю фразу как подбадривание или издёвку. Единственное, что я знал наверняка это то, что отчаянно хочу узнать, кто же я такой.

В прошлом добрая и отзывчивая Котёнок теряла терпение.

- Ну, - потребовала она, постукивая носком ботинка с мягкой подошвой по полу, - ты готов продолжать жить?

Это меня озадачило.

- Что значит «продолжать жить»?

- Ты как будто в порядке, - отметила девушка, приложив пальчик с аккуратным маникюром к слегка заострённому подбородку. - И я подумала, что тебе нужна какая-нибудь работа, доходная или же не очень, если, конечно, ты не собираешься помогать Лотару с ведением домашнего хозяйства.

- Есть что-то на примете?

- Мой друг невероятно хорош в том, что касается определения ценности человека. Я уверена - он сможет тебя оценить и предложить что-то подходящее.

- А что насчёт моей личности?

- Валяй, если хочешь, - пожав плечами, отмахнулась Котёнок. - Но лично я всегда считала, что прежде чем отправляться на «поиски себя», нужно хотя бы обеспечить себя едой, жилищем и всем прочим... Но, если у тебя есть какой-то план...

Эта мегера из Портового Района была права. Всё же один вопрос продолжал мучать меня.

- Работу какого рода я могу выполнять? Не помня, кто я такой, как я могу знать, на что способен?

- Не загружай свою маленькую стукнутую головушку, - снисходительно порекомендовала она. - Невооружённым глазом видно, что ты умеешь намного больше, чем осознаешь. Скорее всего, ты исключительно хорош во многих делах.

Девушка направилась к двери.

- Просто предоставь это Мёрфу.

- Мёрфу? - переспросил я, следуя за ней по пятам. - Кто такой этот Мёрф?

- Скажем так, он торгует талантами, - туманно объяснила она, ускоряя шаг. - Поторопись! Он не любит, когда его заставляют ждать.

Дверь в комнату, что была всем моим миром, вела в прихожую, открывавшуюся на узкую улочку. Меня держали на недавно заброшенном складе.

Меня удивило то, как быстро мои глаза приспособились к яркому свету снаружи, пока я не понял, что наш торопливый путь через задворки и лазы Портового района пролегал в тених. словно юркий зверёк, в честь которого она взяла свою кличку, Котёнок перебегала от одного тёмного пятна к другому, пока я не почувствовал себя так, будто мы преодолели уже несколько километров; скорее всего, мы были всего лишь в нескольких кварталах от точки отправления. Независимо от причины - будь то её собственное тяготение к отсутствию света или желание избежать какой-то слежки - она провела меня кружным путём через самые неприглядные захолустья

Города Роскоши. Наконец, мы прибыли к дому с заколоченными окнами, что когда-то был таверной.

Котёнок посмотрела направо, налево, три раза уверенно стукнула по дверце желоба для подачи угля, подняла её и жестом предложила следовать за ней, шмыгнув внутрь. Я услышал произнесённое шёпотом, особенно бесчувственное предостережение:

- Постарайся не удариться головой. Похоже, ей и так за всю жизнь досталось, лишним будет.

Остановившись на секунду, чтобы запечатлеть детали окружения на чистом листе моей памяти, я проследовал за ускользающей Котёнком вниз по желобу через пару непроницаемых занавесок. Спрыгнув, приземлился на грудку мешковины. Передо мной сидел одноглазый парень, отлично подошедший бы для плаката «Сало приносит тебе пользу», а также шайка неприглядных личностей с кулаками размером с пивные анкерки.

За те мгновения, что мне понадобились для изучения помещения, Котёнок заняла место на коленях у бурдюка с жиром.

- Ты, должно быть, Мёрф, - отважился начать я с преувеличенной храбростью.

Бурдюк повернулся к Котёнку и спросил:

- Оно говорит с нами?

- Оно, похоже, забыло о манерах, Мёрф, - ответила девушка, - как и о некоторых других вещах.

Мёрф понимающе кивнул.

- А, как ты и говорила. Как и говорила.

Я решил пока что хранить молчание, не желая и дальше обижать моего хорошо защищённого хозяина. Я чувствовал, как водянистые глаза изучают меня с ног до головы.

- Оно ничего не знает о своём прошлом? - поинтересовался хозяин погребя.

- Нет, Мёрф, - подтвердила Котёнок, перебравшись с колена на ручку особенно крепкого кресла, поддерживавшего человека.

- И оно нуждается в наших способностях к наблюдению, - вслух продолжал бочонок, - ... и, возможно, в назначении.

- Да, Мёрф, - согласилась девушка-кошка, подпустив в голос стали.

- Оно должно подойти ближе, - приказал бурдюк с салом.

Прежде чем я успел соскочить, двое головорезов по обеим сторонам от меня схватили концы мешка, на котором я стоял, и бросили вместе с ним к хозяину. Я тяжело плюхнулся в его широченной тени. Здесь чувствовался затхлый запах пота его редко омываемой тучной туши. Мёрф склонился вперёд и повёл пальцами влево и вправо. Его прихвостни толчками заставили меня повернуться из стороны в сторону, чтобы их хозяин мог получше рассмотреть некоторые детали.

- У этого татуировка на левой руке, - забормотал Мёрф, - может быть, клеймо раба или знак вора. Руки сильные, но не огрубевшие. Костяшки расшиблены не один раз. Обе мочки уха целые; никаких признаков сидячего образа жизни. Интеллектом тоже не блещет. На вид даже более обычный, чем средний горожанин.

Моё терпение почти иссякло, когда Мёрф откинулся на спинку, вздохнул и рыгнул.

- Оно нам больше не интересно, - со скучающим видом констатировал он. - Избавьтесь от этого.

Я попытался встретиться взглядом с Котёнком, но почти сразу же отвлёкся на ветерок от размашистого удара, едва не задевшего череп. Плечу повезло меньше. Даже не задумавшись, я покатился, разворачиваясь по ходу движения, пока не остановился и не вскочил на ноги в защитной стойке, спиной к стене подвала.

Бандиты колебались ровно столько, сколько нужно было, чтобы успеть сориентироваться. Быстрый взгляд наверх не обнаружил завешанный желоб, а весёлая компания не дала бы времени на его поиски. Вновь повернув голову вперёд, я разглядел моего собеседника, откинувшегося словно в ожидании объявления о начале какой-нибудь скучной битвы гладиаторов. Химера Котёнок неподвижно сидела рядом, безуспешно пытаясь скрыть за бесстрастным выражением беспокойство и страх в глазах.

Позволив себе понаслаждаться самолюбованием краткий миг (тем более это мог оказаться один из моих последних), я подумал про себя: «Ты, пёс, ты! Ты уже забрал её сердце. Жаль, что у вас не будет времени узнать друг друга получше».

Быстро моргнул, концентрация вернулась - и я приготовился к нападению.

Головорезы подходили ко мне один за одним, что было бессмысленно, если они хотели убить меня. У первого была булава, у второго - удавка, третий вертел кинжалом, четвёртый же поигрывал коротким мечом. Каждый раз я с относительной лёгкостью уклонялся от атакующего, сам себя удивляя собственной ловкостью и навыками. Вырубив четвёртого эфесом его же клинка, я перехватил инициативу.

Предположив, что вон тот станет пятым, я бросился к нему. Низом ладони ударил по лбу, одновременно кончиками пальцев другой руки высвободив две тщательно запрятанных метательных звезды из складок его туники. Бросившись вперёд и в сторону, и оказавшись у колен бурдюка, я приставил смертельно опасное остриё звезды к его яремной вене.

Прежде чем я успел выставить свои условия, бочонок жира рявкнул: «Довольно!»

Головорезы отпрянули, слившись с тенями.

Удерживая снаряд готовым к смертельному удару, я наблюдал за их отступлением, заметив также кончик кинжала в сантиметре от моего собственного горла. Твёрдая рука, стиснувшая рукоять, принадлежала моей похожей на кошку спутнице.

Мёрф увидел причину моего беспокойства.

- В этом нет необходимости, Котёнок, - осторожно промолвил он. - Думаю, теперь я могу доверять этому человеку.

Котёнок убрала кинжал и расслабилась. Я, в свою очередь, сделал то же самое.

Мёрф вздохнул, затем рыгнул. Довольная усмешка искривила его губы.

- Оно хочет знать, что знаю я? - жеманно спросил он.

- Что тебе известно? - потребовал я, снова напустив на себя храбрый вид.

- Оно - исключительно сильный боец, прошедший нестандартное обучение. При некоторой суровости черт и отличной выправке, на теле и в выучке присутствуют следы разрушающего влияния нищеты или унижений. Быстрые рефлексy, острые чувства, надёжный инстинкт. Если бы я был более уверен, то сказал бы, что оно - королевский убийца или мастер-вор. Но, что странно, оно избегает летальности действий. Не убивает без необходимости.

- И? - уточнил я.

Мёрф взглянул на Котёнка, улыбнулся и объяснил:

- И Мёрфу оно может пригодиться. Котёнок может показать одну из доступных комнат. Вычту арендную плату из гонорара за первую работу.

Девушка отошла от него, открыла прежде неразличимую дверь и знаком велела следовать за ней. Когда я проходил мимо бурдюка, явно получившего наслаждение от схватки, тот высказал ещё одно наблюдение:

- Знак на руке этого. Клеймо, но не имеющее отношения к рабству. Не выжжено, нет - магической природы. Возможно, метка какого-то тайного общества. На месте этого я бы о ней не беспокоился.

Дверь захлопнулась за моей спиной, и я начал подниматься по лестнице вслед за спутницей.

- Вот это собеседование, - подумал я вслух.

- Он отбирает только лучших, - уклончиво ответила Котёнок, показывая мне комнату с подготовленной едой.

Не поцеловав и не попрощавшись, она оставила меня восстанавливать силы - я даже не подозревал, что потратил столько.

Перекусив, я свалился в кровать и быстро заснул.

В первый раз на моей недолгой памяти мне снился сон.

Я был в комнате под землей. Руки закованы, глаза опущены. Тяжесть какого-то непростительного преступления довлела над самым моим существом. Я попытался поднять взгляд и оглядеться, но увидел только окружавшие меня многочисленные фигуры в мантиях. Они говорили друг с другом, но слов я не слышал.

Резкая дробь стучавших по двери костяшек наинула на сон завесу тьмы и вернула меня в реальность.

Усевшись - и сразу свесив ноги с кровати - я разрешил:

- Войдите.

Взглянув на гостя, я не смог сдержать разочарования. Это оказалась не Котёнок, а молодой парнишка, даже не достигший шестнадцати.

- Котёнок сказала, я должен отнести это вам, - объяснил паренёк. - Сказала, что я должен разбудить вас, чтобы вы могли приступить к зарабатыванию на жизнь.

Я рассеянно кивнул, ещё до конца не проснувшись, забрал письмо из его рук, сломал печать и прочёл послание.

«Это,

Мой клиент желает получить некую рукопись, сейчас лежащую на столе в офисе издательства «Тим из Глубоководья». В папке с описаниями путешествий, на верхнем этаже, что нависает над улицей; издатель возвращается сегодня вечером. Раздобудь её, но с осторожностью. Позже мой посланник заберёт её у тебя.

В случае успеха оно будет хорошо вознаграждено.

Мёрф.

P.S. Нужная папка должна быть подписана инициалами «В. Г.» Повторяю, желательна осторожность»

Подняв взгляд, я обнаружил, что юноша всё ещё здесь.

- Котёнок сказала, я должен оказать посильную помощь и поддержку, при условии, что я не нарушу закон и всякое такое, - прощепетал он.

- Разумеется, - успокоил я, а про себя подумал: «Я так понимаю, это моя работа».

До рассвета оставался час или два, и, не откладывая в долгий ящик, я направился к офису «Тим из Глубоководья». Парень показал мне дорогу и отбыл домой, как только я растворился в тенях самого влиятельного издательства Фаэруна.

Не желая пренебрегать самым простым и очевидным маршрутом, я подёргал ручку двери. Закрыто на щеколду изнутри. Придётся найти другой путь.

Мои глаза уже привыкли к тусклому предрассветному свету, так что я оглядел обе стороны улицы в поисках другого возможного входа.

Здания здесь были высокими и свешивались над улицей, как будто создавая крытый переход с каждой стороны. В офисах на верхних этажах имелись огромные окна с несколькими створами, дававшие великолепный обзор управителям и позволявшие им взирать свысока на подчинённых, в прямом и переносном смысле. Каждая пара зданий делила между собой общую внешнюю стену.

Несколько раз пройдясь по улице взад-вперёд, я заметил в паре мест небольшие проёмы между домами, некоторые очень узкие из-за нависающих строений. Одна такая улочка была чуть шире, чем толщина человеческого туловища.

Не исключено, что есть возможность подобраться сверху. Я поспешил забраться наверх, одной рукой цепляясь за одно здание, другой - за соседнее. Руки на кирпичи, ноги в трещины - так я и полз, пока не добрался до края крыши.

Как ни в чём не бывало, я вскарабкался ещё выше и очутился на самой крыше. Наградой мне стал световой люк.

И хотя он был предсказуемо заперт изнутри, мне удалось быстро извлечь штыри из петель и повернуть его внутрь на защёлке.

Беззвучно я спустился вниз, приземлившись прямо на рабочий стол издателя. Шаги заглушались кипами различных бумаг, одну из которых венчала папка с монограммой «В. Г.»

Заткнув предмет задания за пояс и прикрыв плащом, я вернулся наверх. Быстро закрыл дверцу люка и вернул на место убранные штыри. Цепляясь за карнизы, спустился по водосточной трубе, ведущей в закоулок в конце улицы.

Преисполненный уверенности в том, что остался незамеченным, я вернулся в обставленную мебелью комнату, из которой и начал своё маленькое путешествие едва ли пару часов назад, и стал ждать, когда со мной свяжутся.

Папка с бумагами всё так же грела мою спину, мягкая, словно подушка, и дремота сморила меня.

И снова мне снился сон. Я сдался на милость людям в плащах. Комната была пропитана магией; я чувствовал, что глаза всех собравшихся устремлены вниз, на меня. Я не мог отрицать своей вины и лишь покорно ждал, готовый принять свою судьбу.

Круг фигур сомкнулся вокруг меня, и сон закончился.

Несколько часов спустя, я проснулся по собственной воле (какой приятный сюрприз) и вытащил папку из укромного места в моей одежде. Распустив завязки, заглянул внутрь и прочитал титульный лист, название на котором казалось безобидным: «Путеводитель Воло по Лунному Морю, Земле Политических Интриг и Заговоров».

Я вспомнил это имя – писака Воло, автор бестселлеров. Возможно, клиентом Мёрфа являлся какой-то соперничающий издатель. Тем не менее, похоже это была вещь, рисковать жизнью и целостностью конечностей ради которой было глупостью.

Я уже собирался прочесть первую страницу, когда почувствовал, что в комнате не один. Поднял взгляд.

Котёнок появилась так же беззвучно, как и животное, в честь которого взяла кличку

- На твоём месте я бы этого не делала, - предупредила она. – Тебе платят за доставку, а не за прочтение.

Я сунул рукопись обратно в папку, завязал и передал девушке.

- Хорошо, - сказала Котёнок, положив её на сгиб локтя. – Следуй за мной.

- Куда? – поинтересовался я.

- Туда, где тебе заплатят, - отрезала она.

Я направился за ней наружу, остановившись на секунду, чтобы закрыть дверь. И не мог не заметить три коренастых тела, неподвижными кучами застывших на обочине дороги. Я попытался вспомнить, лежали ли они тут раньше, и решил, что нет. Котёнок дожидалась меня.

- Твои друзья? – спросил я.

- Нет, - отозвалась девушка, - твои. Они тоже хотели получить рукопись, которую ты так ловко раздобыл. Похоже, я прибыла вовремя.

Я посмотрел на неё, потом на тела. Неужели эта милая крошка Котёнок разобралась с соперниками голыми руками?

- Не беспокойся о них, - отмахнулась она. – Городская стража привыкла собирать мусор в этой округе.

Я стоял, как громом поражённый.

Девушка не могла этого не заметить – хихикнула и ответила на мой невысказанный вопрос:

- Мне помогли. Но Лотар решил здесь не задерживаться.

И снова Котёнок вела меня тенистыми закоулками Портового Района, шныряя из тени в тень, изредка останавливаясь в проходах и альковах, пока мы не вернулись в локацию, которую я узнал – неподалёку от места моего выздоровления. Она заметила тень узнавания в моих глазах и кивнула.

- Нет другого такого места, как дом, - подметила девушка. – Для тебя подготовлена новая комната; она станет для тебя более постоянным пристанищем, чем та, в которой ты провёл прошлую ночь.

Мы зашли в таверну, прошли мимо барной стойки и поднялись по лестнице к меблированным номерам. Котёнок сунула ключ в один из замков и открыла дверь в мои новые покои.

Мебель была скромной, но приличной – удобная кровать с тёплым стёганным одеялом и плотными подушками, сундук, фонарь и стол с двумя стульями. На столе лежали два маленьких кошелька и конверт.

- Я смотрю, оплату уже доставили, - прокомментировала Котёнок, поспешив к столу, чтобы заграбастать кошельки, больший из которых она сунула в карман, а меньший – бросила мне.

- Вот, - объявила девушка, - счета за последние несколько дней оплачены, доля Мёрфа вычтена, арендная плата за следующие две недели получена. Это было не так уж и сложно, да?

В этот момент я заметил, что у неё в руках ничего нет. Посылку с манускриптом нигде не было видно.

- Папка, - потребовал я, - куда она делась?

- Я доставила её по пути сюда, - скромно ответила Котёнок. – Похоже, ты не такой уж и наблюдательный, как я о тебе думала.

Вскинув голову, она скользнула мимо меня к двери, остановившись лишь на мгновение – поцеловать меня в щёку.

- Мне пора идти, - сказала она. – Но я буду на связи.

Заметив разочарование в моих глазах, добавила:

- Будет и ещё, из того же источника. Не сомневайся, ты – человек с большим потенциалом.

- Человек без прошлого, - напомнил я.

- Как скажешь, - отозвалась она, и добавила: - Я загляну попозже, чтобы показать тебе город. Наши отношения не обязательно должны оставаться лишь деловыми.

Прежде чем я хотя бы моргнул, она покинула комнату, оставив меня одного в моём новом доме.

Я ощущал тяжесть сумочки с монетами и знал, что там более чем достаточно денег для того, чтобы на какое-то время удовлетворить все мои потребности – и

обеспечить кое-какие отсутствующие удобства. Но за покупками можно отправиться и позже.

Всё, что осталось – ответить на вопрос о моей сущности, развеять тени моего прошлого. Я припомнил, что на столе лежал конверт. Может, ответ внутри?

Подобрав послание, я увидел, что оно никому не адресовано. Вскрыл. К моему удивлению, это оказалось не письмо, а страница из какой-то древней книги. На старой ломкой бумаге был записан текст, на нескольких языках или шифрах. Мои глаза сразу же оказались прикованы к иллюстрации, изображавшей круг фигур в капюшонах вокруг пленника. Подпись гласила:

«В качестве редчайшего проявления снисхождения, Лорды Глубоководья могут заключить соглашение в обмен на помилование для обвиняемого в преступлениях против вышеозначенных Лордов Города Роскоши. Личность обвиняемого стирается и возвращается к тому состоянию невинности, которое имело место быть до совершения вышеупомянутых преступлений. В обмен на различного рода услуги обвиняемому предоставляются подсказки к его прошлому. Данные услуги всегда носят деликатный характер, оставляют возможность правдоподобного отрицания, что желательно для Лордов, и часто влекут за собой смерть обвиняемого, которому к тому моменту прощаются все преступления, и которого затем похоронят как законопослушного горожанина. Такие люди известны под именем Слуги Лордов».

Ниже другими чернилами было написано: «Первый платёж».

Как только я закончил читать, и страница, и конверт исчезли в языках пламени, оставив после себя лишь лёгкие облачка дыма.

Что странно, открытие не беспокоило меня, как будто я уже принял свою судьбу когда-то ранее.

Таинственная Котёнок, мой защитник, и нянька, Лотар, и глупое задание по добыче рукописи какого-то бумагомарателя уже не казались такими же важными вещами, как необходимость день за днём выполнять условия моего соглашения.

Я горел желанием приступить к следующему поручению – и заслужить ещё одну подсказку к раскрытию того, кто я есть.

ТЕРЦИУС И АРТЕФАКТ

Джефф Грабб

Сидя на балконе «Тошнотворного Отиджа» в Скорнубеле, находясь между похмельем от прошлого вечера и тем, что еще только должно было наступить, я постигал смысл фразы «не стоило вставать с постели». Хороший совет, вероятно, придуманный каким-то метателем заклинаний, после особенно плохого утра швыряния огненных шаров, молний и прочего.

Конечно же, пользы от него мало, ведь я был в постели прошлой ночью, когда все пошло кувырком. Все, кроме меня, конечно же.

Я поясню. Еще до трех ударов колокола, Терциус Вондс, искренне ваш, блаженно спал в своей комнате в «Тошнотворном», на третьем этаже с пахучим видом на конюшни. Отидж был одним из новых хозяйств, что возникли сразу после выхода последнего «Путеводителя Воло». В результате его работы по популяризации определенных мест среди путешественников, они перестали быть популярными среди местного населения, вынуждая новые трактиры, притоны и пристанища принимать искателей приключений. Ампи как-то решил, что будет выгодно следовать за Воло, открывая новые трактиры на своем пути, пока они не разрываются от воинов и волшебников, таскающих его проклятые маленькие издания.

Но я отвлекся. Это я так обустроивал сцену, украшал помост и закладывал фундамент. Три удара колокола. Спальня. «Отидж». И крыша взорвалась. Ну, не совсем прямо взорвалась, но оглушительный рокот сверху был сродни рухнувшей крыше. Я сидел, выпрямившись, и заметил, что кровать, крепкая с пологом из железного дерева, тряслась и прыгала как ползущий падающий. Каждая незакрепленная вещь в комнате, от ночного горшка до стального зеркала, присоединилась к этому вибрирующему танцу смерти.

Я поступил так, как поступил бы любой здравомыслящий человек на моем месте – спрятался под одеяло и поклялся всем богам, которые могли бы услышать, что больше никогда не прикаснусь к пиву «Дыханье Дракона» и «сыру смерти».

- Терциус Вондс! – прогремел пугающе знакомый голос со стороны потолка.

Я выпучил глаз из-под одеяла и увидел полупрозрачную голову двоюродного дедули Маскара. Не было сомнений, что его голова все так же прикреплена к его телу там, в Глубоководье, а он посылает астральное чер-те что или призрачное пойми что, адресованное мне. В тот момент, я был слишком напуган, чтобы разбираться.

Я храбро встретил могущественнейшего мага Глубоководья.

- Это не моя вина! – прокричал я, натягивая простыню на голову, надеясь, что меня было ясно слышно. – Я не знал, что она была служительницей Сьюни! Никто не сказал мне о том банкетном зале! Я невиновен!

- Это не важно! – выпалил мой дедушка. – У меня есть важное задание для тебя!

Я выглянул из-за своего укрытия и промурлыкал:

- Меня?

- Тебя, - прорычал он, недовольство отчетливо читалось на лице. – У меня был волшебный артефакт, остаток могучего Нетерила, который у меня украли.

- Это не я! – спрятался я. – Ты уже проверял кузена Маркуса? Он вечно берет то, что плохо...

- Молчать! – взревела полупрозрачная голова, парящая над спинкой моей кровати. – Я знаю, кто его взял – вора зовут Рейвен, он движется в твоём направлении. Я хочу, чтобы ты вернул артефакт. Прибор выглядит как три стеклянные сферы, каждая парит внутри другой. Доставь ее мне и можешь возвращаться в Глубоководье!

- Что ж, вот оно как значит... - огрызнулся я. – Как раз хотел провести жизнь на большой дороге и...

- Найди Тройную Сферу Хангриста, - сказал призрак. – И немедленно!

И на этом голова Маскара взорвалась каскадом фейерверков, которые оставили подпалины на стенах и разбили кувшин с водой. Двоюродный дедуля Маскар никогда не был тихим. На самом деле, за все годы, что я знал и избегал его, он ни разу не воспользовался дверью.

В ночной рубашке, я встал с кровати и, пошатываясь, собрал осколки кувшина. Любые мысли, что это можно было списать на какое-то сырное отравление или кошмар, разбивались на такое же количество кусочков, как и тот сосуд. Маскар чего-то хотел, и хотел, чтобы это сделал я.

Никто не разочарует своего двоюродного деда, особенно если тот может превратить тебя в жабу.

Так что я свистнул своему джину, Ампратинесу. Ну, свистнул - плохое слово. Я скорее потер его, глядя пальцем кольцо и призывая в план существования.

Давайте я сразу все разъясню: мне не досталось и толики магических способностей, что делает меня белой вороной в семье Вондс, переполненной чародеями, волшебниками, колдунами и прочими заклинателями всех мастей и сортов. Так или иначе, я уживаюсь с джином, привязанным к кольцу, которое я нашел в канализации Глубоководья пару лет назад. Но это уже история для следующего раза.

Ампи возник как мираж посреди пустыни. Джины, по своей природе, умные существа, а Ампратинес был умнее многих из них, с большим числом извилин на кубический дюйм, чем у любого другого существа Фаэруна.

Ампратинес выглядел как обычно. Длинная синяя мантия, подчеркивающая его багровую кожу. Пучок черных волос торчал из лазурной шапочки, словно хвост лошади. Его рот был обрамлен ухоженными усами и бородкой.

- Ампи, что за...? - спросил я. – Ну, ты слышал?

- Не удивлюсь, если друиды в Высоком лесу тоже слышали - спокойно ответил Ампи. Его голос был глубоким как склепы Подгорья и спокойным как клятва хафлинга. – Похоже, дедуля нуждается в вас.

- Нуждается в пешке, - пробубнил я, рыская в поисках своих штанов. Ампратинес протянул руку, и пропавшие штаны появились в его ухоженной руке. Этим джины и прекрасны, думаю, каждому нужно завести хотя бы одного такого. Несмотря на это, у меня не было настроения, чтобы перечислять хорошие качества моего джина, после того, как мой собственный дед нагнал на меня столько ужаса. – Зачем я ему?

- Могу попытаться выяснить, - спокойно сказал Ампи. – Это займет какое-то время.

На этом он испарился. Дворецкие, слуги и стражники отдали бы последние деньги, чтобы научиться так же исчезать.

Я попробовал снова уснуть, но если вам хоть раз в постели будет угрожать глава семьи, радость сна вам будет более не доступна. Вместо этого, я ходил, волновался, затем сел на подоконник и смотрел на лошадей в загоне, удивляясь простоте их жизни.

С наступлением утра, когда Ампи так и не вернулся, я уплел скромный завтрак из змеи в подливе (по крайней мере, так он выглядел). Затем покинул портик «Тошнотворного Отиджа» с заказами для работников, отправлять очередное «Дыханье Дракона» каждые полчаса, и продолжать так до тех пор, пока я буду не в состоянии возвращать им пустые кружки. Я решил бороться с надвигающимся похмельем от прошлой ночи, напрямую вызывая новое.

Старенький «Тошнотворный Отидж», кстати, ранее был основной лавкой, отошел от дел благодаря Авроре и ее книге. Его второй этаж немного сдвинут относительно первого, создавая тем самым широкое крыльцо, отлично подходящее местным одиноким спортсменам-выпивохам для того, чтобы придаваться забвению и смотреть, как остальные делают то же самое этажом ниже. Я добился вполне неплохих результатов в этих дисциплинах за две последние десятидневки и был вполне готов начать свою карьеру в качестве бездомного из Глубоководья, поглощать солнце и алкоголь, рассказывая людям о том, как же плохо было жить там, где каждый второй дворянин является магом, и большинство из них родственники.

И, конечно же, я мысленно отчитал себя за то, что не покинул Скорнубель. Ампи настоятельно рекомендовал нам продолжать путь еще десять дней назад, но я был против. Я не смог бы быть таким как мои двоюродные, приказывающие слугам, управляемые своими дворецкими, и, подчиненные своими же гомункулами, братья и сестры. Я как-то сказал Ампи, что, если бы меня изгнали из Глубоководья, то нет лучшего места, чтобы начать мою ссылку, чем оказаться на балконе старого «Тошнотворного» и смотреть на проходящие караваны. Но Скорнубель был лишь в нескольких сотнях миль вниз по Торговому Пути от Глубоководья, и, очевидно, не достаточно далеко от владений дедули Маскара.

Мои мысленные скитания прервались, когда я отвлекся на молодежь справа от меня, а не на терпеливую девушку за стойкой, что приносила мне напитки. Не мог же уже наступить полдень, да и пересменки не было. В конце концов, кто-то бы уже вышел с обеденным меню.

Я напрягся, пытаюсь сфокусировать налитый кровью глаз, чтобы обнаружить незнакомца-хафлинга, несущего эль на серебрянном подносе. Его широкая улыбка цвета слоновой кости была видна из-под тени его неумело сплетенной соломенной шляпы. Я дважды моргнул, и, когда он так и не исчез, решил начать разговор.

- Да? – спросил я, пытаюсь сострить насколько это было возможно в моем состоянии.

- Прошу прощения, Сер, - ответил полурослик, снимая шляпу, чем высвободил клочок спутанных рыжих волос, - я так понимаю, это вы тот джентльмен, что остановился на верхнем этаже накануне вечером? Это у вас было слышно грохот и крики, и все остальное?

Как же я хотел, чтобы у меня были хоть какие-то магические способности в тот момент: заклинание постижения языка, распознавания диалекта или что-нибудь более полезное. Я решил удостоить его проверенным временем ответом.

- Да?

Полурослик беспокойно заерзал своими волосатыми ручонками.

- Понимаете, Сер, я был снаружи и слышал многое. Тот богоподобный голос сказал, что вы разыскиваете Рейвена.

Я медленно кивнул, надеясь, что сойду за мудреца, но на деле, поклонился дыне, которая, в итоге, выкатилась на крыльцо.

- А ты, стало быть...?

- Каспар Миллибак, к вашим услугам, - продолжал хафлинг. - Я и сам охочусь на Рейвена, и понял, что такой человек как вы, с таким мощным богоподобным голосом, мог бы помочь такому как я, маленькому и невысокому. Вместе мы могли бы поймать вора.

- У-гу, - протянул я, прогоняя большинство моих туманных мыслей. - И зачем тебе Рейвен?

Еще немного и я свалился бы с этого лексического тарана. У полуросликов всегда было как минимум три причины, чем-либо заняться, две из которых нарушали бы местные законы.

Хафлинг осмотрел свои волосатые ноги и сказал:

- Что ж, дело в том, что Рейвен обокрал и мою семью, и я намерен вернуть свое. Я не могу вернуться домой с пустыми руками.

Даже в своем опьяненном состоянии, мое сердце тянулось к этому коротышке, попавшему в такую же ситуацию.

- А что он украл у тебя?

- Золото, сэр, - выпалил хафлинг, - все золото моего сиротского приюта.

- Приюта? - я тряхнул головой. - Ты же сказал, что обокрали твою семью?

- Так и есть, сэр, - полурослик поднял голову вверх и резко опустил. - Все в моей семье - сироты. Нам не очень повезло.

- Действительно, - пробормотал я, задаваясь вопросом, какую цель коротышка преследовал на самом деле.

Ампратинеса нигде не было видно, а ведь уже почти обед. Если бы я мог повернуть все без моего верного союзника, то это показало бы, и джину, и двоюродному деду Маскару, что я еще способен на что-то.

- Хорошо, - сказал я. - Отведи меня к Рейвену. Мы решим все по-мужски.

- Но вы не можете этого сделать, - замямлил хафлинг. - Рейвен не мужчина, а допельгангер, и по желанию может менять облик. Мне кажется, я знаю, где его можно найти, но вам нужно быть готовым действовать, и действовать быстро, когда я дам команду. Вы поможете мне? Ради сироток, хотя бы?

Со слезами на глазах, он посмотрел на меня и, конечно же, я согласился. Благородное дело все-таки. Кроме того, этот малыш знал, как найти вора, а это упростит мне работу.

Я взял предложенный полуросликом эль, но не допил его. Я отказался от следующего бокала и вернул недопитый, а взамен попросил бумагу и перо, и прочие принадлежности. Я написал уже половину письма, говоря дедуле, что все под контролем, когда Ампи появился. В мгновение ока на моем левом плече оказался джин, благороднейший из всех джинов.

- Я так понимаю, ты что-то выяснил, - процедил я, принимая на себя всю прелесть отложенных похмелей. - Тебя все утро не было.

Ампи одарил меня низким поклоном.

- Тысяча извинений, господин Терциус, – сказал он. – Потребовалось кое-что сделать, чтобы выяснить природу устройства и что именно с ним случилось. Так же мне удалось поговорить с сильфидой, которой ваш дедушка чистит дымоход. Она, по-видимому, была свидетелем этих неприятных событий.

- Ну, тогда выкладывай, - сказал я, нетерпеливо постукивая пером.

- Тройная Сфера – это артефакт Нетерила, - начал джин, сложив руки за спиной как школьник, отвечающий на вопрос учителя. – Нетерил был королевством волшебников, павшим тысячи лет назад, еще до основания Кормира и Глубоководья. Сказано, что последние из этих волшебников, были могущественнее самых сильных магов Королевств.

- Королевство дедули Маскара? – я с трудом подавил дрожь в плечах. – Уму непостижимо.

- Действительно, господин, – согласился Ампратинес. – Тройная Сфера, судя по всему, была самым могущественным артефактом в этом королевстве. Она могла подавить всю магию в пределах своего действия. Ни один огненный шар не взорвется рядом с ней, и не один призыв не сработает, ни одно защитное заклинание не защитит, а волшебное оружие – не оставит и царапины. Думаю, вы понимаете, почему она была так эффективна в царстве волшебников.

- Еще бы, - сказал я. – Ставишь такую сферу рядом, и волшебники превращаются в беззащитных щенят.

- Удобно, не так ли? – ответил джин. – В результате, большая часть истории Нетерила состоит из того, как одни маги прятали Сферу, пока другие нанимали воинов, чтобы выкрасть ее. Вся история Нетерила наполнена такими событиями, вплоть до его падения. Королевство считалось утраченным, пока десятки лет назад группа авантюристов не нашла его в Анораче. Ваш дедушка понимал всю опасность такого разрушительного артефакта, и овладев им, запер в своем самом глубоком подземелье.

- Подальше от любопытных глаз других магов, - вставил я.

- Вероятно. Устройство выглядит как комплект из трех кристалльных шаров, каждый парящий внутри предыдущего, сделанных из переливающегося всеми цветами хрусталя. Напоминает мыльный пузырь, я бы сказал. Как и все артефакты, он неразрушим в общепринятом смысле, так что Маскар запер его, а ключ надежно спрятал. Дней двадцать назад, ключ украл вор по имени Рейвен, который, судя по всему, движется вниз по Торговому Пути в Скорнубель.

- Что объясняет, почему дедуля Маскар хочет, чтобы я вернул эту штуковину, - заключил я.

- От части, - ответил джин. – Также потому что вы единственный член семьи без врожденной предрасположенности к магии. Возможно, он решил, что будет не так рискованно вступать в бой без магии вообще.

- Или не так затратно, если меня убьют, - сказал я. – Ну, по крайней мере, ты мне сможешь помочь.

Ампратинес обмяк, что было вообще не характерно для джинов.

- Боюсь, я не смогу быть полезным настолько, насколько вы того хотите. Эта антимагическая сфера уберет любое призванное существо в своем радиусе, меня в том числе. А ее природа может предотвратить любые попытки обнаружения с помощью магии. Возможно, было бы нам на руку предупредить местные власти об этом.

От этой новости я нахмурил брови.

- Местные власти? - я пренебрежительно покачал головой. – Да если им в руки попадет что-то подобное, то они запрут его волшебным ключом и выставят серьезную охрану, а двоюродный дед будет фыркать на меня до следующего Кризиса Аватаров.

- Но, хозяин, антимагическая природа не позволит...

- Никаких «но», - я поднял руки. – Пока ты расспрашивал сажную метлу для камина, я усердно следовал по собственному пути. Прямо сейчас мои агенты прочесывают город, охотясь на этого Рейвена.

- Ваши, - Ампратинес выглядел ошеломленным, ну, насколько ошеломленным существо из элементарного воздуха в принципе могло выглядеть, - агенты...?

Он изо всех постарался превратить свой вопрос в утверждение.

- Вот именно, - сказал я, неуверенно поднимаясь на ноги. – Я решу эту маленькую проблему, без твоего дальнейшего вмешательства.

- Господин, я ...

- Ту-ту, - я коснулся рукой лба. Похмелья, что так долго откладывались, затмевали мой разум. – Если сейчас скажешь, что не сможешь помочь, я не стану заставлять, но верь в интуицию семьи Вондс.

Джин не выглядел убежденным, но сказал:

- Как пожелаете, господин.

Я улыбнулся джину. Не было сомнений в том, кто главный в этом союзе.

- Но, если можешь, то приготовь мне один из твоих мистических омлетов, который бы вылечил мое похмелье. Мне лучше думается, когда все Королевства не пульсируют с моим сердцем в унисон.

Ампи замешкался, а затем спокойно сказал:

- Разумеется, господин.

Джин скрылся из виду.

Я стоял на крыльце Тошнотворного Отиджа, придерживаясь за перила, и, пытаясь погрузиться в свои мысли. Хотя, если честно, то я считал секунды, пока Ампи вернется с лекарством от моей, теперь уже, грохочущей головной боли.

- Это и есть Рейвен? – спросил я хафлинга. – Это же женщина!

- Ч-ш-ш! – прошипел маленький рыжий человечек из-под складок своей коричневой рваной мантии. – В ней не больше от женщины, чем во мне – от красного дракона. Она же доппельгангер! И она заметит, если кричать и таращиться на нее, как рыба!

Женщина, которая не была женщиной, сидела за столом в конце битком набитой посетителями комнаты. Она была одета в кожаный доспех и синий плащ, и сидела лицом к нам, что усложняло слежку. При ней был огромный саквояж, стоявший на соседнем столе. Женщина бросила блуждающий взгляд в нашу сторону, и я нырнул в складки своего коричневого плаща и капюшона, медленно отворачиваясь от нее, пытаясь не таращиться как рыба.

Ее спутник за столом был, видимо, либо холмовым великаном, либо огром, так как был высотой с Ампи и почти такой же массивный. Спутник был одет в такой же всеохватывающий плащ, только малинового цвета, что делало его похожим на огромный закат за соседним столом.

Мы находились в «Измученном Единороге», месте, которому не посчастливилось оказаться в вышеупомянутом «Путеводителе Воло». В результате, место было наполнено новенькими клиентами, путешественниками, закаленными наемниками и мокроглазыми потенциальными авантюристами. Так как у «Единорога» была плохая репутация (если верить Воло), то обычно все здесь были в тяжелых плащах и капюшонах. Напоминало это все съезд духов, призраков и мрачных жнецов.

Исключением была Рейвен. У нее, то есть у него, был опущенный капюшон, демонстрирующий всем золотистые волосы, лежащие на плечах, словно разлитый эль. Она выглядела так, будто в ней была эльфийская кровь. Ее уши были слегка заостренными, а подбородок мягко сужался. Пришлось напомнить себе, что это всего лишь иллюзия. Она, то есть оно, могло менять форму, и выглядеть как король Азун или мой двоюродный дедуля Маскар, если захотело бы. Доппельгангеры в своем истинном облике были стройными бесполоыми гуманоидами, с кожей бледно-серого оттенка. В общей сложности неприятное зрелище.

Рейвен вела оживленный разговор с огромным закатом за столом. Ее брови нахмурились в какой-то момент, и она хлопнула свой груз хрупкой ручкой. Мы были слишком далеко, чтобы слышать их разговор, но было ясно, что они торговались.

Не нужно быть великим магом, чтобы понять, о чем они спорили. Саквояж был как раз нужного размера, чтобы вместить хрустальную сферу волшебника. Или древнюю Тройную Сферу.

Не знаю, что ей сказал Закат, но это явно успокоило ее, черты ее лица смягчились. Она слушала, потом кивнула, затем схватила сумку и направилась к двери. Закат остался на своем месте. Все взгляды были привязаны к ней, но когда она дошла до двери, доппельгангер обернулась и, на короткое мгновение, встретилась со мной взглядами. Не знаю, правда это или нет, но я почувствовал, будто мир неожиданно сместился со своей оси и начал вращаться по-новому.

Затем она – оно – исчезла. Я обернулся и заметил, что огромный Закат тоже исчез, вероятно, в какую-нибудь потайную комнату заговорщиков, Красных Волшебников Тэя.

- Ну же! – рявкнул хафлинг. – Мы потеряем ее, если не начнем двигаться.

Как же мне стало легче от того, что союзник так же говорил о цели как о женщине, я последовал за маленькой, закутанной в плащ фигурой, прочь из «Единорога». Наш уход не спровоцировал никакого переполоха, но мы держали наши капюшоны опущенными.

Ночь упала как пьяный дварф, и улицы опустели. Те, кому было что терять, уже сопели в своих кроватях (если только их не донимал их волшебный двоюродный дедушка). Луна была полной и, словно маяк, отражалась от светлых волос нашей жертвы.

Мы проследовали за ней до небольшой ночлежки у реки. Клыкастый самец-огр отказался нас впускать, но несколько золотых монет смогли купить информацию о новоприбывшей (он назвал ее Демарест) молодой особе, которая всегда таскает с собой сумку и берет комнату на втором этаже в задней части гостиницы.

Что ж, почти весь день, после появления двоюродного дедули, я носился в неудобной мантии в сопровождении, крутившегося у подоконника, так же одетого полурослика. Хотя бриз с окружающих равнин и был бодрящим, в то же время, я боялся, что наши плащи подхватит поток ветра и отправит нас по спирали, вверх ногами, над низкими зданиями Скорнубеля, как бумажных змеев.

Впервые за тот вечер я пожалел, что дал Ампи выходной. Он был сильнее всех встревожен моими поисками волшебного и смертельного артефакта, так что я дал ему уйти. Даже сейчас, он, вероятно, зарылся в библиотеку какого-нибудь торговца, перечитывая историю Сердцеземья или *что-то связанное с семьей Обарскиров, королевской династии Кормира*, пока ее хозяин собирался в очередной рейс.

Хоть и медленный, но прогресс был. Если бы мы были рядом с передней частью здания, нас без проблем заметили бы стражники, в их латных доспехах и медных шлемах. Насколько это было возможно, мы пытались изображать горгулий, когда кто-либо проходил по улице под нами, а остаток времени провели, измеряя расстояние до желанной цели – освещенного окна. Когда мы приблизились, постоялец потушил свет. Мы выждали еще какое-то время, чтобы убедиться, что ненастоящая Демарест потушила свет не для того, чтобы лучше видеть происходящее снаружи. После этого мы продолжили наш тягостный марш.

Окно было заперто – умная предосторожность, даже для второго этажа в Скорнубеле. Хафлинг Каспар достал сначала длинный тонкий кусок проволоки, который вошел в щель между окнами, легко открывая защелку.

- Входи, парень, - прошептал полурослик, улыбаясь желтоватыми зубами.

- Я? – прошептал я в ответ. – Я думал, что это ваш, хафлингский народец, специализируется на такого рода вещах, типа проникания в чужие комнаты. «Ближе к земле» и все в таком духе.

Полурослик недовольно фыркнул:

- Ну, я бы мог, но, в таком случае, ты останешься здесь, на выступе, на целую вечность, ожидая пока медноголовые часовые снимут тебя. Нет, но, если ты так хочешь...

Он позволил недосказанности повиснуть в воздухе.

Его можно было понять. Так же, я понимал, что если хочу заполучить Тройную Сферу, то лучше бы мне первому до нее добраться.

Я проскользнул в комнату так тихо, насколько мог. Способность плаща к приглушению шагов с лихвой компенсировалась его весом. Лунный свет полностью освещал комнату, покрывая все синими бликами и эбонитовыми тенями. Демарест,

вор-доппельгангер, более известная как Рейвен, спала на широкой кровати, виднелись только ее волосы, сияющие как серебро под лунным светом.

Сумка лежала на низком столике напротив кровати. В ней, вероятно, и была сфера, или золото хафлинга, или все вместе. Если ее открыть и проверить, то все окупится. Думаю, я смог бы убедить дедушку Маскара улучшить финансовое положение полурослика, если его золота вдруг не окажется.

Большая металлическая застежка открылась с прерывистым щелчком, а сумка упала на стол. Был еще один щелчок, который я сначала принял за эхо.

Затем очень суровый женский голос за спиной сказал:

- Отойди от сумки, или я прибью тебя на месте.

Я, по своей природе, очень хорошо выполняю приказы, как и положено немагу в семье волшебников. Я оставил сумку на столе и сделал два шага назад, держа руки на виду. Сумка осталась открытой: не потому что мне не сказали ее закрыть, а потому что мне было любопытно в нее заглянуть. Внутри было видно блеск хрусталя, но не золота.

- А теперь повернись ко мне лицом, - приказал нежный голос.

Я медленно обернулся, а в процессе заметил силуэт Каспара в окне. Стараясь его не выдать, я надеялся, что он что-то придумает. Женщина села на постели и, похоже, не заметила его.

Доппельгангер держала ручной арбалет, один из тех, что делают дроу, которые были не менее опасными, чем выглядели. Она держала его направленным на меня, сбросив одеяло. Женщина была полностью одета, что было одновременно и досадой и облегчением.

Она холодно посмотрела на меня.

- Маскировка выглядит глупее, чем обычно, Рейвен, - сказала женщина. - Ты опоил каких-то знатных балбесов ради этого лица?

- И-извини? - мне удалось немного прийти в себя. - Сожалею, но я не Рейвен. Я думал это ты...

Я допустил ошибку, опустив руки. Воровка направила арбалет прямо мне в грудь, и я тут же поднял руки.

- Даже не дергайся, доппельгангер, или я еще одну дыру в тебе сделаю.

- Прости, - ответил я, задаваясь вопросом, слышал ли Ампи мою тихую мольбу, в какой бы библиотеке он не находился, - но это не я здесь доппельгангер. Это ты, а, если тебя это тоже запутало, то, возможно, нужно об этом поговорить вместо того, чтобы делать дыры в чем-либо?

Демарест - не Рейвен - не двойник - засмеялась. Это был кристально чистый смех, но все же жестокий и холодный. Она направила арбалет мне в лицо, и я закрыл глаза. Не хотелось, чтобы последнее, что я увидел, был бы летящий в меня болт.

Было слышно щелчок, но, к удивлению, ни толчка, ни легкого ветерка от промаха я не ощутил. Вместо этого - только женская ругань. Сделав вдох, чтобы убедиться, что я еще среди живых, я снова открыл глаза.

Демарест снова была на постели. Она держалась левой рукой за арбалетный болт, торчащий из правого плеча. Ее правая рука хоть и оставалась прикрепленной к

телу, лежала обездвиженной. Из-за арбалета я ничего не видел. Кровь стекала вниз по руке, пачкая ее синий плащ и заливая простыни.

Я обернулся, чтобы увидеть, как Каспар спрыгивает с окна. Он заряжал очередной снаряд в собственный ручной арбалет.

Я был раздражен и не скрывал этого.

- Сколько еще ты собирался там ждать, прежде чем объявиться? – начал я, но хафлинг направил арбалет мне в лицо, почти, так же как и Демарест мгновение назад. Это, определенно, было фишкой вечера.

- Встань за женщиной, болван, - процедил Каспар совершенно не голосом полурослика. Голос был звонким как звук ломающейся сухой ветки, и, судя по всему, он привык, чтобы его слушали.

Я сделал два шага назад к женщине, по-прежнему сидевшей на кровати; ее дыхание было затрудненным и прерывистым. Ее глаза мутнели.

- Яд, - объяснил хафлинг, держа арбалет направленным на меня, приближаясь к столу. – Не самый быстрый, но достаточно действенный. Ты тоже скоро это почувствуешь.

Пока он приближался к столу, его тело таяло как восковая свеча и удлинялось. Я знаю, что свечи не удлиняются, но так он вел себя. Жировые складки хафлинга отслаивались. Темный плащ посветлел, голова сузилась, а глаза побелели. К тому времени, как он оказался у стола, Каспар уже не был полуросликом. Он был самым настоящим доппельгангером.

- Рейвен, я полагаю, - сказал я, пытаюсь сдерживать дрожь в голосе.

- В первый и последний раз – верно, - ответило существо, держа меня на мушке, пока его вторая рука рылась в сумке.

Он вытащил огромную хрустальную сферу. Внутри нее парила вторая сфера, а внутри той – третья. Три сферы мерцали при лунном свете.

- Ты был весьма полезен, Терциус Вондс, - сказал доппельгангер, улыбаясь желтоватыми зубами. – Ты отвлек внимание моего бывшего напарника, чтобы я смог прикончить ее. А теперь ты послужишь мне еще раз. Когда стражники найдут два ваших тела, то решат, что вор проник к девушке в комнату, и вы убили друг друга, не оставляя никакой информации о том, кто новый владелец Тройной Сферы.

Я начал говорить что-то о том, как мог бы предложить справедливую цену за Сферу, но был прерван низким рычанием. Женщина в постели была быстрой, быстрее, чем я был бы в такой же ситуации – мертвый, в спальне, с ядовитым дротиком в плече. Пока мы с Рейвеном разговаривали, она подтянулась на корточки и набросилась на двойника.

Доппельгангер не думал, что его бывший партнер сможет противостоять яду, да и оружие было нацелено на меня. Он направил руку к новой цели, и выстрелил, но промазал. Ядовитый болт возился в деревянную обшивку, а женщина уложила противника. Сфера вылетела из его рук будто живая, танцуя и крутясь в лунном свете.

Я нырнул за ней, как если бы это был последний кусок на Хаевестайдском банкете. Мой разум подсказывал, что после всех лет, сколько сфера существует, простое падение ее не повредит, но мое сердце рисовало образ дедули Маскара.

Сердце довело меня до того, что я разлегся на полу посреди комнаты, поймав сферу еще до того, как она коснулась ковра.

Я поймал артефакт за дюйм до неизбежного, а затем оба, я и он, откатились в сторону, подальше от звуков борьбы. Пока поднимался на ноги, то услышал голоса, и как открывались двери повсюду в гостинице. Похоже, драка привлекла всеобщее внимание.

Двое воров, человек и доппельгангер, катались посреди комнаты. Двойник даже принял облик Демарест в драке, и выглядело это так, словно две близняшки-блондинки возились на ковре, вцепляясь друг в друга. Я посмотрел на них, затем на сферу, затем снова на них, задаваясь вопросом, смогу ли я проложить через них свой путь и выйти за дверь. Мне очень не хотелось идти назад через окно и длинную лестницу.

Как раз в этот момент ворвались, как минимум, три, а, возможно, и десяток медноголовых стражей. Каждый наперевес с тяжелым двуручным арбалетом, таким, что мог пробить стену конюшни. Некоторые несли факелы и фонари, а за ними виднелась огромный малиновый плащ Заката.

Две сражающиеся Демарест разнялись и медленно встали, встречая стражу. Я сделал еще один шаг назад. Окно начало казаться лучшим решением всех времен.

Закат вышел вперед и опустил свой капюшон, открывая очень знакомое, спокойное лицо.

Ампратинес. Конечно же. Я почувствовал, что мое сердце забилося снова.

Охранники не разделяли мою уверенность и продолжали тыкать оружием, то на первого близнеца, то на второго, пытаясь понять, который из них был настоящей угрозой. Обе воровки стояли нервно, стараясь держать расстояние между собой.

Я вскрикнул.

- Раненая настоящая, а без единой царапины – доппельгангер!

Невредимый близнец, Каспар-Рейвен-доппельгангер, крутнулся на месте и зашипел на меня; его клыки начали расти, и огромные крылья увенчали спину существа. Оно прыгнуло вперед, намереваясь схватить меня в качестве заложника и сферу – как приз.

Далее произошло две вещи: я бросил сферу к двери, где стоял Ампи; три, или десяток, острых снарядов полетело в существо, и тварь рухнула на пол.

Артефакт парил по комнате, словно мыльный пузырь, и попал в руки к Ампи. Он посмотрел на меня, слегка поклонился и бросил сферу на пол.

Тройная Сфера, ударившись о землю, с оглушающим звуком разбилась, разлетевшись во всех направлениях.

За ней последовал и я, боюсь, падая замертво.

И вот я снова на балконе «Тошнотворного Отиджа», восстановившийся достаточно, что наблюдать, как встает солнце над ветхими зданиями Скорнубеля.

- Вы могли бы, и предупредить меня, - сказал я, глотая эль.

Джин приготовил еще один холодный компресс и приложил его к моей разбитой брови.

- Вы просили вас не беспокоить, - ответил Ампи. – Я делал так, как считал правильным. Я предупредил местную стражу, что вы знали о том, что хафлинг был двойником с самого начала, и подыграли ему, чтобы узнать, где артефакт. Поэтому вы признаны невиновным по этому делу. Доппельгангер мертв, а воровка Демарест, его бывшая поделница, вылечена от яда и готова принять приговор города.

- Откуда ты знал?

- Я не знал наверняка, но посчитал тот факт, что вы получили неожиданную подмогу весьма занятным. Поговорив с сотрудниками «Отиджа», я узнал о вашей помощи хафлингу, а найти рыжего полурослика в соломенной шляпе в Скорнубеле не составило труда. Я заметил, что он высматривал определенную гостиницу, где я пустил слух, что я волшебник и ищу один артефакт. Демарест, надеясь избавиться от устройства до того, как ее партнер доберется до нее, связалась со мной и попросила о встрече в баре, где вы нас и увидели. Тогда она попыталась продать мне фальшивый артефакт.

Мой разум, избитый и изношенный, получил пару ударов и наконец выдал:

- Фальшивый артефакт?

- Именно, - сказал джин. – Я объяснил все страже, и взял на себя смелость действовать ради вашего блага, если бы устройство и, правда, оказалось описанным артефактом, то я, будучи призванным существом, не смог бы подобраться к нему. А тот факт, что я мог сидеть рядом с ним, за одним столом, явно говорил о том, что это подделка, сделанная из тонкого хрусталя и газов разной плотности так, чтобы сферы могли парить внутри друг друга. На ту встречу я намерено не принес деньги, которые она просила за прибор. После этого, было нетрудно предупредить о возможном проникновении в комнату Демарест. Мы прибыли как раз вовремя, чтобы застать драку.

Я покачал головой.

- Фальшивый артефакт? Тогда, получается, у доппельгангера была где-то спрятана настоящая Тройная Сфера?

- Рейвен, судя по всему, и сам не знал о подделке, раз уж приложил столько усилий, чтобы завербовать вас в свои пешки. А Демарест, если бы у нее была настоящая сфера, отдала бы Рейвену подделку, выдав ее за настоящую. Ни у кого из них не было времени создать точную копию.

- Тогда кто создал копию? – спросил я. – Это не может быть дедуля Маскар.

- Я подозреваю, что озабоченность вашего двоюродного дедушки была вполне обоснована, - сказал джин.

- Тогда, если не воры, и не Маскар... - я сделал большой глоток эля. – У дедули никогда не было настоящей Тройной Сферы, не так ли?

- Думаю, нет, - начал джин. – В конце концов, как бы вы проверили прибор магией, которую он должен отражать?

Я позволил улыбке, впервые за последние двенадцать часов, появиться на моем лице.

- Выходит двоюродного дедушку все это время водили за нос, - улыбнулся я. – Хотел бы я увидеть выражение его лица, когда он получит мое письмо, объясняющее это все!

ЭПИЛОГ

Уэс обнаружил, что тонкая книжица, так напугавшая его ранее, вновь привлекла к себе его внимание.

«Должно быть, боги играют со мной, - подумал он. – Но история с исчезновением Джеффри может содержать долю правды. Как же доволен будет аббат, если я разгадаю эту тайну!

Парень разрывался между желанием убежать из комнаты и желанием дочитать рассказ о Джеффри до конца. Трясущейся рукой он потянулся за книгой и продолжил чтение.

Джеффри отправился в северный конец читального зала и пребывал в растерянности по поводу того, откуда начать уборку. В комнате такой бардак! Вооружившись шваброй и ведром, он вытер пол, а затем использовал длинную рукоятку метлы, чтобы убрать с потолка паутину.

«Фу! – подумал Уэс. – И вообще это не я. Я не мыл пол, и ещё не закончил с паутиной».

Почувствовав себя слегка виноватым из-за последней мысли, он быстро вернулся обратно к рассказу.

После всей этой уборки Джеффри очень устал и решил немного передохнуть. Он прислонился к массивному книжному шкафу и тут же отпрыгнул, когда тот сдвинулся.

- Воу! – вскричал Уэс, в очередной раз отшвырнув книжицу. – Слишком похоже! Как такое возможно?

На этот раз прошло несколько минут, прежде чем Уэс почувствовал, что вновь может взять книжку в руки. Несмотря на то, что в комнате было холодно, он сильно взмок.

Юноша узнал, что Джеффри хотел на некоторое время спрятаться от монахов, даже зная, что они будут недовольны, когда он вернётся. Комната освещалась незримым источником света и была забита шкафами и полками, на многих из которых лежали книги или свитки. Единственной другой мебелью здесь были лишь маленький столик, да стул с жёсткой спинкой.

Джеффри выбрал случайный свиток и начал читать. В нём описывалась короткая история о магическом мече, способном сражать великанов. Поменяв свиток, Джеффри выбрал ещё один и прочитал, о чём рассказывалось в нём.

После множества свитков и книг, Джеффри заметил очень тонкий журнал в кожаной обложке, завалившийся за шкаф, и...

На этот раз Уэс всё-таки вскрикнул. Швырнув книгу через всю комнату, он съёжился над столом, дрожа всем телом.

- Это не вразумительно. Это просто сказка, - повторял он снова и снова. Качаясь взад-вперёд и бормоча короткую литанию, парень вскоре смог взять себя в руки и решил, что настало время завершить уборку в читальном зале.

Уже направляясь к двери – и держась подальше от этого тонкого томика – Уэс почувствовал странное влечение. Несмотря на тот страх, что вселяла в него эта книга, он должен был узнать, чем всё закончилось. Пересекши комнату, он подобрал журнал. Нашёл место, на котором остановился, и продолжил читать...

А там Джеффри, изучая найденную им тонкую книжицу, читал историю о молодом послушнике, принятом в библиотеку после того, как тот осиротел. Монахи считали его ленивым и ни на что не способным, а один брат даже отчитал за то, что юноша не смог отмыть столовую. Паренька звали Найлз, и Джеффри сразу же вспомнил слухи про некоего Найлза, что таинственно исчез больше чем сто пятьдесят лет назад. Джеффри всегда считал их не более чем страшилками, чтобы пугать других послушников, но увидев возможность того, что эти рассказы могут быть правдивы, он продолжил чтение. Если бы он смог разгадать тайну исчезновения послушника, то стал бы своего рода героем в глазах обитателей библиотеки.

Поборов желание убежать, Уэс заставил себя читать дальше. Что бы здесь ни происходило, теперь он часть этого. Тот факт, что пропало целых два послушника, а также то, чем они перед этим занимались, сильно беспокоил его, но любопытство брало верх. Юноша вернулся к рассказу.

Джеффри тоже решил продолжать чтение, и Уэс уже почти не удивился тому, что и Найлз был послан аббатом в эту самую комнату, которую нужно было подготовить к приходу учеников на следующий день. Как и Джеффри, и Уэс, Найлз провёл за уборкой целый час, прежде чем передохнуть; как и Джеффри, и Уэс, Найлз обнаружил потайную комнату со свитками и книгами с магическими и тайными знаниями.

И Найлз тоже прочитал множество томов, прежде чем найти за шкафом ещё один – тонкий, в кожаной обложке и покрытый паутиной. И, как и мальчики после него, Найлз прочитал историю о молодом послушнике, Эдмунде, также имевшем репутацию лентяя и бездельника. Он служил в библиотеке за двести лет до Найлза.

Уэсу пришлось приостановиться, чтобы успокоиться. Так сколько же послушников исчезло с того момента, как построили библиотеку? Ответ вполне может крыться в этой легенде. Глубоко вдохнув, он начал читать дальше.

Виски пульсировали; Уэс пребывал в недоумении – кто же здесь читатель, а кто – действующее лицо. Каждый раз, когда повествование начиналось заново, новая точка зрения заставляла голову юноши кружиться. Несколько минут ушло у Уэса на то, чтобы понять, как следовать сюжету и не запутаться. До сих пор история каждого послушника начиналась с того, как он находит комнату, а потом, немного погодя, описывалось то, как выглядела библиотека, когда эта часть истории была написана. Это был не просто рассказ о пропавших послушниках – это была летопись самой

библиотеки. Сосредоточившись на том, когда были возведены многочисленные крылья и пристройки, Уэс понял, что так следить за описанием намного проще.

Найлз стал послушником как раз после времени больших перемен. Библиотека приобрела большую коллекцию книг у короля Кормира. К тому времени Кормир находился в состоянии войны уже почти четыре года, и одержал победу только когда один из магов нашёл ключ к завершению противостояния – именно в библиотеке. Огромное собрание книг, частично состоявшее из трофеев, подарил библиотеке благодарный монарх. Места для неё не оказалось, поэтому решено было как можно быстрее построить два новых крыла. Всё это происходило за те двести лет от Найлза до Эдмунда, последнего пропавшего послушника.

Уэс отложил книгу и сделал несколько глубоких вдохов. Библиотеке было больше лет, чем он предполагал, если написанное – правда. А ведь он даже до середины ещё не добрался. Юноша предположил, что там будет история самого первого послушника, и надеялся, что все зачины получат свои развязки во второй половине. Сейчас он остановился на отметке в пятьсот лет. Библиотеке может быть порядка двух тысяч, а не тысяча, как верили многие.

Брат Фредерик, аббат, прибытие учеников и все остальные запланированные дела оказались позабыты, когда Уэс вернулся к поискам самого начала.

За двести пятьдесят лет до Эдмунда пропал Робар – в те времена, когда расширение библиотеки происходило весьма медленно. Каждый год к коллекции добавлялась лишь пара томов, поэтому возведение новых пристроек было делом не срочным. Именно тогда появились большие комнаты в южном крыле, а также резные статуи на южной стене.

За Робаром последовал Троян, исчезнувший на четыреста лет раньше. В то время был построен главный зал. Сейчас он служил в качестве зоны для жилых помещений. Троян нашёл потайную комнату и наткнулся на очень тонкую тетрадь без обложки. Именно он взял будущую книгу и обил её кожей, прежде чем прочитать, что внутри.

Пробираясь через многочисленные слои запутанной истории к середине книги, Уэс обнаружил, что первым исчезнувшим послушником стал Бэйрн. Он был принят монахами, когда библиотеку только заложили, более, чем тысячу лет назад. Они обсуждали способы защиты здания от огня, вредителей, а также высокомерных и самовлюблённых правителей, не желающих, чтобы научными трудами делились со всеми, кто в них нуждается.

Монахи так и не нашли решения, но однажды ночью Бэйрну приснился сон – как его посещает посланник богов. Он сказал, что библиотека нуждается в страже, и что этот страж может быть создан только из жизненной силы того, кто свято верит в принципы библиотеки, и в то, какое влияние она окажет на будущие поколения. Юношу удивило то, что именно он был избран для этого видения. Столь важное сообщение было бы лучше доставить Пророку Аландо или другим монахам.

А десять дней спустя Аландо предсказал, что некий юноша пожертвует собой ради библиотеки, став навеки её частью, и за ним последуют многие другие. Все эти люди будут защищать библиотеку от сил тьмы и зла.

Заметив сходство со своим сновидением, Бэйрн попросил у пророка аудиенции, ожидая, что он будет наказан за подобную наглость. К его удивлению, встречу назначили прямо на следующий же день.

Пророк и сирота провели вместе много часов, несмотря на то, что у каждого из них были другие обязанности, требующие их безотлагательного внимания. Аландо оставил Бэйрна в своих личных покоях, приказав остальным монахам не входить, пока сам пророк не вернётся. Когда же он, вернувшись, разрешил дальнейшие посещения всем, кого он игнорировал во время встречи с юношей, многие интересовались, куда делся парнишка. Аландо лишь улыбался и не отвечал.

В те дни в собрании было не так много книг, библиотека была совсем небольшой, если сравнивать с сегодняшними размерами, и потому Бэйрн смог выполнять свой долг на протяжении почти шестисот лет, прежде чем понял, что нужен преемник.

А сейчас, из второй половины истории Кэндлкипа, Уэс начал вычитывать, что же произошло с каждым из последующих хранителей и как они были выбраны. Троян стал первым послушником, отправленным в читальню, и тогда в потайной комнате было не так уж и много книг. Но были шкафы, стол и стул. Книжица в тот момент содержала в себе всего несколько страниц, и Троян не обнаружил в ней ничего такого, что насторожило бы его. Он прочитал об исчезновении Бэйрна и втайне надеялся, что запишет своё имя в историю как тот, кто разгадал эту тайну. Когда же пропавший послушник появился перед ним и предложил стать стражем, Троян узнал, что стол и стул на самом деле принадлежали Бэйрну, и были доставлены сюда аббатом после того, как хранитель явился тому во сне.

Троян также узнал, что таинственная сущность смотрит прямоком в души и головы всех, кто живёт и работает в стенах библиотеки, поэтому всегда может правильно выбрать человека, способного стать следующим хранителем.

Следующий юноша, Робар, узнал, что стражу нельзя причинить вред никакой магией из ныне известных, так же, как и обычным оружием. Для восстановления сил сущности использовалась магическая энергия, но эта энергия не могла быть использована ею во вред. Хранитель мог лишь защищаться, но подвластной ему мощью он мог уберечь свой домен от любых атак. Страж впитывал смертоносную энергию заклятий, а всё простое оружие – от мечей и стрел до снарядов баллисты – отражалось задолго до того, как достигнет стен. И никакая армия не могла осадить библиотеку, потому что страж обладал способностью распространять свою силу на два километра в любом направлении, а ни одна армия не обладает нужным количеством воинов, чтобы провести осаду с такого расстояния.

В свою очередь, Эдмунд узнал от стража, что он может защищать оплот знаний от менее явных угроз, таких как насекомые, гниль и плесень, грызуны и даже естественное старение книг. Юноше стало любопытно, откуда в потайной комнате взялись остальные книги, и ему было открыто, что каждый аббат и один из старших монахов знал о существовании этого помещения, и они могли оставлять здесь книги, которые нашли достойными. Лишь единицы из учёных мужей имели доступ к этому залу, и только избранный хранитель мог зайти сюда один.

Эдмунд решил помогать тем служителям библиотеки, кто никак не мог найти нужную книгу. Будучи хранителем, он начал подталкивать тома на полках, чтобы они частично выпирали и привлекали к себе внимание. И всегда оказывалось так, что эти работы были как раз тем, что люди и искали – ну или располагались не на тех полках и должны были быть переставлены. Эдмунд никогда не подталкивал книги слишком уж далеко, не желая привлекать внимания. Большинство монахов верили, что это один из богов знаний указывает путь к книгам ровно в тот момент, когда они так нужны.

Любопытство Найлза же обратилось к источнику света в комнате. Его удивило, почему никто из остальных не замечал его раньше. Этот вопрос в итоге открыл правду тем, кто должен был последовать – это хранитель зажигает свет, являющийся ещё одним проявлением его великодушия, но только когда избранник в комнате или где-то поблизости. Прежние стражи не уделяли этому много внимания, поскольку их мысли всегда следовали другими путями.

Когда пришла очередь Джеффри, он захотел узнать, чувствовали ли аббаты хотя бы крупицу вины, посылая молодых юношей к, в общем-то, их смерти. Призрак объяснил, что хотя те, кто стали стражами, не являлись живыми в том смысле, что не имели телесной оболочки, мёртвыми они определённо не были тоже. Возможность стать хранителем – это то, что должно быть предложено и принято; силой стать хранителем заставить никого нельзя. Страж – это не какая-то нежить, пародия на жизнь. Нет, это, скорее, некая жизненная сила, но совершенно другой природы, утверждающая, что обитает на более высоком уровне бытия.

Уэс задался вопросом – как много времени пройдёт, прежде чем хранитель появится перед ним и заговорит. Найдёт ли он юношу достойным? А что он сам сделает, если всё-таки найдёт? И что – в противном случае? Возможно, сейчас самый подходящий момент, чтобы покинуть зал и вернуться к своим предполагаемым обязанностям. Уэс положил книгу-летопись на стол и поспешил к выходу.

По комнате пронёсся прохладный ветерок. Уэс поднял взгляд и увидел размытый силуэт, парящий в воздухе перед ним.

- Кто ты? – спросил юноша, прикидывая, успеет ли он убраться отсюда прежде, чем призрак поймает его.

- Ты ведь уже знаешь ответ, Уэс, не так ли?

Это было скорее утверждение, нежели вопрос, но Уэс все равно ответил:

- Привет, Джеффри. Ты пришёл за мной?

Сущность бросила на паренька раздражённый взгляд.

- Разве ты ничего не узнал из книги? Я могу предложить тебе бремя хранителя, но никто не может заставить тебя принять его. Можешь отказаться и вернуться к своим библиотечным обязанностям. Не сомневаюсь, брат Фредерик превратит ближайший отрезок твоей жизни в нескончаемые страдания, но, если переживёшь это, вероятно станешь вполне уважаемым монахом.

Похоже, Уэса удивили эти слова.

- Подожди-ка. Ты можешь видеть будущее? Расскажи больше о моей жизни в том случае, если я останусь здесь и пройду посвящение.

Страж лишь улыбнулся.

- Нет, будущее для меня сокрыто. Но я могу заглянуть тебе в душу, и я знаю, что у тебя есть все качества, чтобы стать отличным монахом.

- Но что ты такое? Я знаю, что не нежить, и не божество. Но не знаю, кто ты на самом деле. Зачем тебе нужно выбирать преемника раз за разом?

- Пожалуйста, притормози. Так много вопросов. Со временем я отвечу на каждый из них, и на многие другие. Но сперва позволь мне ответить на те, что ты задал первыми. Я – хранитель библиотеки Кэндлкип. Не первый, и не последний из тех, кому выпадет подобная честь и ответственность. Библиотека же – нечто большее, чем просто камень и извёстка, большее, чем труды, заключённые в её могучих стенах. Это символ будущего. Она заключает в себе надежды грядущих поколений, и с каждым новым поколением эти надежды крепнут всё сильнее, одновременно с тем, как всё больше и больше книг добавляются в коллекцию.

Уэс выглядел озадаченным.

- Но почему здесь пропало столько молодых послушников?

- Библиотека, как я уже говорил, это что-то большее, чем здания и фолианты. Но строения не стоят вечно, а пергаменты и свитки страдают от вредителей и хода времени. Разве тебя никогда не интересовало, почему монахи проводят так мало времени за ремонтом старых зданий, вместо этого посвящая много больше усилий расширению библиотеки? Никогда тебя не удивляло, что в плохом состоянии находится ничтожное количество книг, несмотря на то, что используются они весьма часто?

- Ну, вроде нет.

- Моя задача заключается в защите библиотеки от всевозможных напастей, будь то осада, устроенная каким-нибудь самонадеянным лордом, желающим забрать всё здешнее знание себе, или чешуйница, подыскивающая место для своей кладки. Я оберегаю книгохранилище от всего подобного, и многих других угроз. Но такая защита имеет свою цену. Мои силы не безграничны. Как ты верно подметил, я не бог. Возможно, в этой форме я и мог бы жить вечно, если бы не относился серьёзно к своим обязанностям, но моя жизнь связана с библиотекой, и если она падёт, вместе с ней конец придёт и мне.

- Значит, тебе нужна моя жизненная энергия, чтобы восполнить ту силу, что ты потратил на защиту библиотеки?

- Почти так. Если ты согласишься стать новым стражем, то заправлять здесь всем будет твой разум, а не мой. Найлз и остальные – они всё ещё здесь, часть меня. Но поводья у меня, у Джеффри. И я передам их тебе, когда придёт время.

- Будет больно?

Сущность вновь улыбнулась.

- Нет. При обращении ты почувствуешь лишь слабый толчок, но не боль.

Уэс выглядел успокоенным.

- Как ты понимаешь, что пришло время выбрать нового хранителя?

- Когда уровень энергии падает, значит, время пришло. Я посещаю аббата во сне и даю знать, что пора выбрать последователя. Иногда я с ним беседую, и мы обсуждаем, кто может им стать. Иногда выбор очевиден.

- Значит то, что аббат отправил меня сюда – не случайность. Был ли я очевидным выбором?

- Ответ на этот вопрос ты узнаешь, только приняв моё предложение.

- Кто-нибудь когда-нибудь отказывался?

- О, да. Несколько раз избранные не желали приносить необходимую жертву. Один из них даже стал аббатом несколько веков назад.

Уэс слегка расслабился. Стало быть, он не в ловушке. Существует путь отступления, если он решит выбрать его.

- Расскажи о тех, кто отказался.

- Только о двоих. Первым был Джамел, на которого пал самый ранний выбор, когда мы ещё не были уверены в том, какими же качествами должен обладать тот, кто достоин нести такую ношу. Он пришёл в эту комнату, и был встречен одним из наших аспектов. Встреча прошла не очень хорошо. Джамел оказался слишком упрямым и своевольным, чтобы быть способным совершить то, что пошло бы на пользу библиотеке. В конце концов, даже несмотря на то, что он был избран, мы не предложили ему стать хранителем. Он вернулся к монахам и рассказал о том, что произошло, но они сочли его сумасшедшим и навсегда изгнали из библиотеки.

Уэс выглядел испуганным.

- А другой?

- Другого звали Расалас, и это был сложный выбор. Он был достоин сей задачи, но в то же время мог многое дать и миру смертных. Когда он вошёл в комнату, ему было предложено стать стражем, но он отказался. Расалас также вернулся к монахам, но хранил молчание по поводу того, что с ним произошло, пока аббат не позвал его к себе. Он никогда никому не рассказывал о встрече с нами, кроме самого аббата, и старательно трудился в библиотеке, пока сам не стал настоятелем. Времена, когда он стоял во главе, стали самым продуктивным и просвещённым периодом с самого момента основания библиотеки.

Неожиданно в голову Уэса пришла мысль.

- Тень над библиотекой?..

- Возникла из-за того, что моя сила на исходе. Я больше не могу поддерживать атмосферу мудрости и знания. Если бы на нас сегодня напали, я бы не смог защитить библиотеку. Вот почему я хочу, чтобы ты занял моё место.

- Я? Но я даже ещё не ученик. А если послушать брата Фредерика, то и не стану никогда. Как же я могу быть тем, кто тебе нужен?

- Вспомни, что ты прочитал, Уэс. Мне нужен тот, кто верит в библиотеку и в то, что она будет значить для будущих людей. Не твоих потомков, не моих, и даже не тех, кто умер ранее – но они станут будущим и надеждой всех разумных рас Торила.

Уэс с трудом сглотнул.

- Не думаю, что ты хочешь видеть меня на этом месте. Сегодня в этой комнате я узнал больше, чем за всё время, что прошло с моего рождения, и ответственность, которую ты предлагаешь, слишком велика для такого жалкого человечки, как я.

Призрак терпеливо улыбнулся, словно слышал подобные слова уже много раз.

- Важно не то, *что* – или как много – ты знаешь. Важно то, что в твоём сердце. Время вопросов кончилось. Теперь ты должен решить. Уэс, станешь ли ты хранителем библиотеки?

Уэс несколько мгновений думал, что это будет для него значить. Оставить всех позади, и в то же время вовсе и не оставлять. Он понимал, что это великая честь, и что его усилия создадут будущее тысяч представителей всех рас. Уэс знал, что должен это сделать. Юноша сглотнул и расправил плечи.

- Да.

- Тогда возьми меня за руку – объединись со мной во имя нашей вечной цели.

Хранитель протянул бесплотную ладонь, и Уэс схватил её. Как только он это сделал, произошли сразу три вещи. Тонкий журнал, который парень читал, захлопнулся и сам собой поплыл к тому углу, в котором был обнаружен.

Тело Уэса растворилось в воздухе, не оставив и следа, как будто послушника никогда и не было в комнате.

Призрак ярко засветился из-за хлынувшего в него потока жизненной силы.

- Ну, - сообщил Уэс всем остальным, которых теперь мог ощущать в теле сущности, - давайте продолжать.

И новый страж просочился сквозь стену, горя желанием приступить к своим новым обязанностям.

В потайной комнате единственным источником света теперь осталась магия. Шкафы вместе с их содержимым стояли недвижно, дожидаясь следующего раза, когда они понадобятся. Кругом было тихо, если не считать едва слышного шороха карабкающегося вниз по полке паука.

Притаившаяся в углу позади шкафа тонкая книжица в кожаной обложке явно стояла не на своём месте. Пристальный взгляд любого, кто уже видел её раньше, выявил бы, что книжонка уже не такая тонкая, какой была несколько часов назад. Разумеется, заметить это здесь было некому, кроме паука, который уже начал плести вокруг книги паутину. Уже через неделю его тенёта плотно окутают эту летопись библиотеки.

А в своих личных покоях улыбнулся аббат, ощутив, что завеса спала. Уэс был правильным выбором, если не сказать очевидным – и дела в Кэндлките вновь пошли на лад.

